

ISSN 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

11

1987

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Пою Родину

Все помыслы и всю любовь свою
Я, не жалея, отдал строчке каждой.
Прославить песней родину свою
Обуреваем неизбывной жаждой.

Я корневищами прирос к земле родной,
И пусть она мне умереть прикажет —
Ни часа, ни минуты ни одной,
Не попрошу займы мгновенья даже.

Сияет родины неугасимый свет,
И радует меня ее сиянье.
Вне красоты ее пути поэту нет —
И шагу я ступить не в состояньи!

Пусть, как поток, на языке стихий
Неудержимо, страстно, горделиво
В честь родины звучат мои стихи
На подлинно грузинские мотивы.

В подарок сам цветы я собирал,
Пришел черед моей горячей песне!
В орнамент Родины я свой узор вплетал —
Советской Грузии поэт, строитель, сверстник.

Тобой озарены мои мечты,
О Грузия! Ты вся как вдохновенье!
Ты — сердца моего биенье, ты —
Название моего стихотворенья!

Перевод Михаила СВЕТЛОВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

- С ПОЗИЦИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ.** Беседа с директором Института истории партии при ЦК КП Грузии Дэви Стуруа 3
- ТАТЬЯНА ШАРОВА.** На великом рубеже 11

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ЛЕО КИACHEЛИ.** Хаки Адзба. Рассказ. Перевод Лианы Татимвили 21
- МУХРАН МАЧАВАРИАНИ.** Стихи. Переводы Яна Гольцмана, Светланы Короревоё 70
- АВТАНДИЛ ЧХИКВИШВИЛИ.** Паводок. Рассказ. Перевод Элисо Джалиашвили 72
- ВАХТАНГ ХАРЧИЛАВА.** Стихи. Перевод Ларисы Фоменко 91
- ЛАРИСА ФОМЕНКО.** Стихи 93

ПУБЛИЦИСТИКА

- РОМАН МИМИНОШВИЛИ.** Против течения 96

11

1987

ГРИГОЛ ДЖУЛУХИДЗЕ, ОТИА ИОСЕЛИАНИ
 «У творящих суд праведный даже посох расцветает...» 125

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. «Грузия, революция, Шекспир...» 141

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ.
 О чем нельзя писать в год публицистики . 174

РЕЦЕНЗИЯ

ТЕНГИЗ ПАПУАШВИЛИ. Истина — прежде всего 182

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ. Мое путешествие из Тифлиса в Петербург 195

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Человек. День вчерашний, день сегодняшний 217

ХРОНИКА 10, 90, 124, 194

На 2-й стр. обложки — стихотворение **Георгия ЛЕОНИДЗЕ** «Пою Родину» в переводе Михаила Светлова.

С ПОЗИЦИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

В дни празднования 70-летия Великой Октябрьской революции наш корреспондент беседовал с директором Института истории партии при ЦК КП Грузии, доктором исторических наук, профессором Дэви Георгиевичем Стуруа.

Предлагаем читателям их беседу.

КОРР. Дэви Георгиевич, какова, на Ваш взгляд, особенность, специфика ситуации, в которой отмечается нынешний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции?

Д. С. 70-летие Октября отмечается в обстановке коренной перестройки всей нашей социально-экономической и духовной жизни. В этом, собственно, и заключается революционная преемственность, взаимосвязь наших дней с Октябрем 1917 года. В этом и состоит специфика нынешнего юбилея.

В международном аспекте идеи Октября предопределили эффективность нового мышления, преодоление застывших стереотипов в подходе к решению назревших внешнеполитических проблем. Предварительная договоренность между Советским Союзом и США о ликвидации в Европе ракет средней дальности и оперативно-тактических ракет создала благоприятный климат для дальнейших конструктивных переговоров по разоружению, с тем, чтобы избавить человечество от ядерной катастрофы, высвободить колоссальные ресурсы и средства для решения социальных проблем.

Что касается внутреннего аспекта перестройки, хотелось бы отметить два момента.

Первый — это необходимость ускорения социально-экономического прогресса на основе революционного развития науки и техники, внедрения новейшей технологии, решительного преодоле-

ния застойных явлений в нашем народном хозяйстве, творческого подхода к принципам социалистических производственных отношений.

Второй момент — это демократизация всей нашей общественно-политической жизни, подлинная гласность. Справедливо отметил Михаил Сергеевич Горбачев, что мы все как бы заново проходим уроки демократии, а серьезная учеба, как правило, дается нелегко. Это очень позитивный и вместе с тем сложный и противоречивый процесс.

В атмосфере демократизации и гласности советские трудящиеся, в первую очередь молодежь, хотят глубже разобраться в настоящем и прошлом нашей страны, нашего народа.

Советское обществоведение, литература и искусство, публицистика, радио, теле- и газетная журналистика стремятся удовлетворить растущий в геометрической прогрессии интерес всего общества к животрепещущим вопросам действительности и недавнего прошлого. Нет теперь у нас запретных тем, периодов, личностей. Журналы, газеты и телевидение — источники совсем неоднородной информации. Высказываются и публикуются совершенно противоположные взгляды на те или иные проблемы нашей общественно-политической жизни. ведутся дискуссии между отдельными периодическими изданиями. Обществоведы перестали ориентироваться на авторитарные установки и стремятся самостоятельно разобраться в том, что произошло, и в том, что происходит. Что же, это и есть тот чистый воздух, та нормальная атмосфера, без которых социализм на нынешнем его этапе немыслим.

Особые заботы в свете перестройки появились и у нас, историков партии, и вовсе не потому, что этой историей с завидным усердием стали заниматься журналисты, прозаики, драматурги, кинорежиссеры и т. д., а потому, что мы, откровенно говоря, серьезно отстали в разработке историко-партийных проблем. Михаил Сергеевич Горбачев справедливо упрекнул нас в этом отставании. Действительно, в нашей истории немало «белых страниц», пишем мы славную историю ленинской партии скучно, казенно, да и людьми населена эта история совсем не густо.

КОРР. Кстати, Дэви Георгиевич, совсем недавно вышел трехтомник «Очерков истории Коммунистической партии Грузии», который получил высокую оценку в печати. Как Вы оцениваете «Очерки», особенно в свете критики нынешнего состояния обществоведения?

Д. С. Институт истории партии уже принял решение приступить к работе над новым изданием «Очерков». Авторский кол-

лектив вновь обратится к источникам. В истории коммунистических организаций Грузии и Закавказья тоже есть «белые страницы», есть и нерешенные проблемы, по которым думаем провести ряд дискуссий.

КОРР. Какие именно?

Д. С. Например, о причинах, вызвавших задержку победы социалистической революции в Закавказье после Октября. Почему мелкобуржуазные партии взяли верх над закавказскими коммунистами, имевшими большие боевые и интернационалистские традиции? Все это надо серьезно проанализировать.

Другой вопрос. Часть исследователей считает, что грузинские коммунисты, которые в «Очерках» и другой литературе именуются национал-уклонистами, не заслуживают такой квалификации, что их позиция не противоречила ленинской национальной политике. По этому вопросу, например, совсем недавно выступил в газете «Коммунисти» заведующий сектором истории партии нашего Института, профессор Г. К. Жвания. Другая часть исследователей считает, что нет серьезных оснований пересматривать сложившуюся позицию в отношении национал-уклонистов. Можно подискутировать и по этому вопросу.

Конечно, пересматривать — это не самоцель. Ряд положений [их большинство] даны в «Очерках» с правильных, марксистско-ленинских позиций, и мы не собираемся их пересматривать, несмотря на отдельные непродуманные рекомендации.

В настоящее время мы вооружены поистине общественно-политическим и научным документом. Я имею в виду доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», сделанный им 2 ноября этого года на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В докладе М. С. Горбачева подытожены острые дискуссии среди обществоведов, публицистов, деятелей литературы и искусства о пройденном нашей партией и народом славном пути борьбы и побед за семь десятилетий после Октябрьской революции.

Михаил Сергеевич глубоко и четко, с подлинно научной аргументированностью показал, что альтернативы построения основ социализма в кратчайшие сроки путем индустриализации, коллективизации, культурной революции не было и не могло быть.

«Глядя на историю трезвыми глазами, — подчеркнул М. С. Горбачев, — учитывая всю совокупность внутренних и международных

реальностей, нельзя не задаться вопросом: можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией!! Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя. В тех условиях, когда зримо нарастало ощущение угрозы империалистической агрессии, в партии утвердилось убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции». («Правда», 3 ноября 1987 г.)

Это положение М. С. Горбачева является методологическим компасом, четкой программой правильного освещения нашего недавнего исторического прошлого.

Михаил Сергеевич совершенно объективно высказал глубоко правдивое суждение о И. В. Сталине.

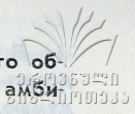
«Сейчас, — сказал он, — много дискуссий о роли Сталина в нашей истории. Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для жизни нашего общества» («Правда», 3 ноября 1987 г.).

Это положение также является важным в методологическом отношении. Оно представляет образец того, как надо подходить к оценке деятельности той или иной исторической личности, без предвзятости, перехлестов, основываясь на реальных фактах и событиях.

КОРР. Дэви Георгиевич, Вы отметили, что нашей историей, в частности историей партии, с завидным усердием стали заниматься журналисты, деятели литературы и искусства. Нет ли в этих словах скрытого упрека или иронии?

Д. С. Ей-богу, нет. Это вполне закономерный процесс, отвечающий духу демократизации и гласности. Да, собственно, это в традициях советского искусства и литературы, нашей журналистики. Достаточно назвать «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Разгром» и «Молодую гвардию» Александра Фадеева, «Похищение луны» Константины Гамсахурдиа, вспомнить публицистику военных лет Алексея Толстого и Ильи Эренбурга. Разве наша история не отражена в этих и многих других произведениях!

Демократизация, гласность предполагают высокую политическую и общую культуру, чувство ответственности перед обществом.

вом, народом. Социалистическая демократия не имеет ничего общего с анархизмом, распушенностью, безответственностью, амбициозностью.

В связи с гласностью я бы особо выделил два вопроса. Это — компетентность и позиция автора.

Если писатель, деятель театра или кино взялся за освещение нашей истории, то непереносимое условие успеха — это, во-первых, глубокое знание материала [самые ходкие анекдоты, сплетни и слухи делу не помогут], а, во-вторых, гражданская, партийная позиция автора.

В газете «Правда», в обзоре писем, один из читателей отмечает, что нельзя изучать нашу историю по «Одному дню Ивана Денисовича» и по «Детям Арбата».

В № 9 журнала «Вопросы истории КПСС», выходящего в Москве, доктор исторических наук, профессор А. А. Черныбаев пишет: «Немало крайне субъективных оценок реальных исторических деятелей содержится в романе А. Рыбакова «Дети Арбата» [с. 154].

В том же номере «Вопросов истории КПСС», в отчете о методологическом семинаре «О личном факторе в истории КПСС» читаем мнение доктора исторических наук, профессора В. М. Иванова, который «выразил несогласие [это — из отчета о методологическом семинаре «О личном факторе в истории КПСС»] с бездоказательными утверждениями отдельных литераторов [например, А. Рыбакова] о том, что в основе деятельности Сталина лежала его ценностная ориентация на абсолютную личную власть. Такое утверждение легко опровергается фактами реальной истории, лежащими в основе онтологического подхода к оценке этой личности» [с. 154].

И еще об одном. Мне по душе такое явление, как, говоря нашим профессиональным языком, «введение в оборот» забытых или замалчиваемых литературных имен. Это справедливо и гуманно. Это обогащает нашу историю, наш кругозор, свидетельствует о нашей зрелости и объективности. Но мне совсем не по душе снобистский ажиотаж, который раздувают отдельные издания вокруг тех или иных авторов, художественная ценность произведений которых и их личный гражданский авторитет совершенно определены.

KOPP. Вы хотите сказать, что роль и значимость несправедливо забытых или замалчиваемых ранее авторов сильно преувеличивается?

Д. С. Возможно, я ошибаюсь, ведь никто не может претендовать на то, что высказывает истину в последней инстанции, но я думаю, что такое преувеличение имеет место, а порой проступает тенденция списать с того или иного деятеля то, что, по законам совести и чести, не говоря уже о принципах гражданственности, классовости и партийности, списанию не подлежит. Авторы некролога о Викторе Некрасове стыдливо написали, что он «отдалился» от нас. Некрасов не «отдалился» от нас, а изменил Родине. Перебежчик Некрасов, улыбающийся нам со страниц «Московских новостей», в течение многих лет клеветал на СССР, на социализм, зарабатывая на этом хлеб свой насущный. Никакие «широкие», «надклассовые» и прочие подходы не обладают чудодейственной силой превращать перебежчиков в агнцев божьих, а белогвардейцев — в советских патриотов. Ничего путного из этих попыток не получается.

КОРР. В канун 70-летия Октября Грузия, вся наша страна отметила 150-летие со дня рождения великого грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. И это в какой-то мере символично. Ведь Илья Чавчавадзе и другие грузинские шестидесятники являлись предшественниками революционных марксистов в Грузии и Закавказье. Каково, на Ваш взгляд, значение личности Ильи Чавчавадзе в судьбах грузинского народа?

Д. С. Спорным, методологически сомнительным является сопоставление, так сказать, конкурс деятелей различных эпох и направлений. Дилетантский налет сопровождает, как правило, отвпеченные дискуссии о том, кто главенствует, независимо от времени, в той или иной области государственной деятельности, науки и культуры.

Подлинный историзм, марксистско-ленинская диалектика предполагают конкретный анализ деяний любой исторической личности в неразрывной связи с эпохой, с теми специфическими социальными, общественно-политическими и творческими проблемами, решение которых выпало на ее долю.

И все же в истории грузинского народа есть одна вершина, которая возвышается над всеми. Это — гениальный писатель, мыслитель и общественный деятель Илья Григорьевич Чавчавадзе, 150-летие которого отметила спасенная им Грузия, вся наша великая Родина — Советский Союз и те зарубежные читатели, которые приобщились к высоким мыслям и неповторимому миру образов произведений писателя.

«Спасенная им Грузия...» Нет ли в этих словах преувеличения, свойственного нашему народу эмоционального всплеска, так ска-

111035040
3102-1110330

зять «юбилейного глянца»? Отнюдь нет! Этот исполин и возглавляемая им славная плеяда грузинских писателей и общественных деятелей действительно спасли грузинский народ от национально-го перерождения, духовной и нравственной деградации.

Вся многолетняя литературная и общественная деятельность Ильи Чавчавадзе была по существу титанической борьбой за свободу и счастливое будущее грузинского народа. В процессе этой борьбы ему постоянно приходилось отражать смертельные удары, наносимые Грузии самодержавными колонизаторами. Сражения, которые выиграл Илья, были не менее важными, чем битвы у Дидгори, Шамхори, Басиани, Марткопи, Аспиндза и многие другие, где решалась судьба нашей многострадальной родины.

В художественном творчестве, публицистике и многогранной общественной деятельности Ильи Чавчавадзе сконцентрировались наиболее жизненные интересы, самые сокровенные чаяния и мечты грузинской нации.

К сожалению, полное непонимание того, что и в новый, пропетарский этап освободительного движения национально-освободительная борьба не потеряла своего значения и ударной силы, проявили такие крупные представители обеих фракций социал-демократической партии, как Н. Жордания и Ф. Махарадзе. Их чудовищная по своему невежеству позиция по отношению к Илье Чавчавадзе и его соратникам конечно же ослабила единый демократический фронт борьбы против самодержавия с его позорным социальным и национальным гнетом.

В мою задачу не входит анализ полемики Н. Жордания и Ф. Махарадзе с Ильей Чавчавадзе. Подчеркну в данном случае отход от ленинского принципа отношения к демократическому наследию.

Следует отметить, что лидеры большевистской партии и публицисты-большевики не выступали против Ильи Чавчавадзе и его соратников, не разделяли ошибочных взглядов Ф. Махарадзе на деятельность руководителей национально-освободительного движения. Однако им не удалось повлиять на Ф. Махарадзе, оградить Илью Чавчавадзе от несправедливых левацких нападок.

В заключение хочется горячо поздравить редакцию и читателей «Литературной Грузии» с 70-летним юбилеем Великого Октября и поблагодарить за предоставленную возможность выступить на страницах Вашего журнала.

Беседу вела Лиля БРАИЛОВСКАЯ.

ВЕЛИКОЙ ДАТЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В ТРУДОВОМ ритме перестройки встречаются грузинские кинематографисты 70-летний юбилей Великой Октябрьской революции. На киностудии «Грузия-фильм» создан двухсерийный фильм «Хареба и Гогия», в основу которого легли факты революционной борьбы в Кахетии. Авторы сценария — Б. Баларджишвили и Г. Шенгелая, режиссер — Г. Шенгелая. Премьера фильма состоялась в дни юбилея в Москве и в Тбилиси.

На студии научно-популярных и документальных фильмов «Мематианэ» режиссеры И. Швелидзе и Ж. Ломидзе по сценарию М. Салуквадзе сняли ленту «Грузия, дороги, годы».

На ВДНХ по программе «Дней Грузинской ССР» проводился ретроспективный показ грузинских кинофильмов. Они демонстрировались в разных кинотеатрах Москвы.

В праздничные дни в Грузии демонстрировались созданные в разное время грузинские художественные и документальные ленты, которые переключаются по своей тематике с юбилейной датой. Среди них — «Арсен Джорджиашвили» и «Красные дьяволята» И. Перестиани, «Элисо» Н. Шенгелая, «Последний маскарад» и «Арсен» М. Чиатурели, «Дарико» и «Побег на рассвете» С. Долидзе, «Думы матери» Ш. Мангадзе, «Дом на Лесной» Н. Санишвили, «Сибирский дед» и «Киквидзе» Г. Калатоцишвили,

«Цель» Г. Ходжава, «День длиннее ночи» Л. Гогоберидзе.

Тбилисцы могли увидеть и документальные фильмы: «Ленин и Грузия» Л. Бакрадзе, «Миша Цхакая» и «Шалва Элиава» Ш. Чагунава, «Грузия: легенды и быль» и «Весна человечества» Г. Асатиани, «Впереди — коммунисты» и «Комсомол» В. Микеладзе, «Навстречу заре» И. Асатиани и Г. Жвания, «Имя в летописи» Н. Дроздова и З. Шанидзе, «Один из многих» Д. Кокрашвили, «Рыцарь революции» И. Долидзе.

В ЕЧЕР поэзии, посвященный 70-летию Великой Октябрьской революции, состоялся в предпраздничные дни в заводском музее старейшего предприятия республики — Тбилисского электровагоноремонтного завода.

Здесь, в бывших Главных железнодорожных мастерских, работал Максим Горький. Вскоре он выступил с призывом создать историю фабрик и заводов, на который с энтузиазмом откликнулись рабочие-вагоноремонтники. Ровно 60 лет назад было организовано литературное объединение, которое возглавил тогда народный поэт Грузии Георгий Леонидзе.

Вот уже четыре десятилетия объединением, справедливо названным «Литературным цехом», бесменно руководит поэт Вахтанг Горганели. Рукописные сборники произведений членов объединения «Гимн Родине» и «Слава миру» являются своего рода литературной летописью ТЭВЗа.

ВЕЛИКАЯ Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху всемирной истории — эпоху крушения капитализма, и повернула судьбы человечества к социализму и коммунизму. В. И. Ленин назвал Октябрьскую революцию одним «из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно - освободительное — значение» (т. 27, стр. 133).

Оглядываясь назад, на первые годы становления молодой советской литературы, мы видим, какие новые процессы в духовной жизни эпохи вызвала Октябрьская революция, утвердившая новую концепцию всей мировой художественной культуры, новаторскую шкалу социальных, этических и эстетических ценностей. И если ретрограды всех рангов обвиняли Октябрьскую революцию в «крушении» культуры, В. И. Ленина — в «тотальном вандализме», советскую литературу — в «регламентированной жестокости», то крупнейшие представители передового человечества от Р. Роллана и А. Барбюса до Р. Тагора и М. Андерсена-Нексе настоящее величие страны Октября

НА ВЕЛИКОМ РУБЕЖЕ

ОКТАБРЬ
И НАЧАЛО ПУТИ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

и ее литературы видели в подлинной человечности, неуклонной защите высоких идеалов демократизма, равенства и независимости для всех народов Земли.

Сразу же после свершения революции, в первые годы становления советской литературы, отчетливо обнажилось противоборство между культурами нового и старого мира.

Эмигранты — эстет М. А. Алданов, создатель претенциозных книг о Л. Толстом и Р. Роллане, парадоксальной статьи «Огонь и дым» о большевизме А. Франса и Р. Роллана, К. Аксакова и Ленина и исторических новелл-иллюзий, З. Гиппиус и другие одинаково ненавидели революционную Россию и ждали прихода нового Цезаря, разрушения «царства Антихриста».

Форпостом крайне правых организаций белоэмигрантов в 1920—1922 годах были константинопольский центр монархистов, включающий и реакционных церковников, и объединение берлинских оголтелых черносотенцев (газета «Двуглавый орел»), и столкнувавшихся с октябристами кадетов, истерически поносивших Октябрьскую революцию и ее литературу. В Берлине, например, на американско-голландско-немецкие средства был организован «Русский научный институт» с отделениями духовной культуры, правовым и экономическим и с лекторами — «вчерашними русскими», оруженосцами идеализма — Н. А. Бердяевым, П. Б. Струве, Л. П. Карсавиным, Ю. Н. Айхенвальдом и другими. Кроме того, функционировала религиозно-философская академия, занимающаяся такой проблемой, как обсуждение доклада Н. Бердяева на тему: «Демократия и социализм как постулаты духа». С проклятиями Советской России и социалистической культуре выступали и воскресшие в Белграде «Новое время» (М. А. Суворин), и бурцевское «Общее дело», и милюковские «Последние новости», и черновский правоэсеровский «Голос России», и издательство «Русская земля» в Париже.

Возмущенный поведением белоэмигрантов-идеалистов и мистиков, их зоологической злобой по отношению к Октябрьской революции и Советской власти, А. М. Горький писал М. Пришвину 15 мая 1927 года: «...гуманитарная интеллигенция наша, сущая «в рассеянии» по Европам, изумительно быстро потеряла лицо свое и вот: проф. Ильин... сочиняет Евангелие мести, в коем доказывается, что убивать людей нельзя, если они не большевики. А боголюбивая неохристианка З. Гиппиус возглашает присным: не нужно кричать о большевиках, «повесим их в молчании».

Обращаясь теперь, в дни юбилея Великого Октября, к поре становления семидесятилетней советской литературы, наблюдая мощный и грандиозный процесс пробуждения народного творчества на страницах пролеткультовских журналов и красноармейских газет, перечитывая первый критический обзор советской литературы за два года В. Фриче («Творчество», 1919, № 10—11), статьи А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, А. А. Сидорова и других в первом номере выдающегося «толстого» критико-библиографического журнала «Печать и революция» (1921), мы отчетливо видим, что первых успехов она достигла в атмосфере бурных дискуссий, острой идейно-эстетической борьбы.

Не забудем, что само понятие «советская литература» возникло позднее. Вначале в журнальных и газетных дискуссиях говорилось о литературе советской эпохи и ее социальной подпочве — пролетарской, крестьянской и еще не исчерпавшей себя мелкобуржуазной. Когда возникал вопрос о новых чертах литературы, имелась в виду пролетарская литература. Поэтому не будем избегать термина «пролетарская литература», «пролетарская культура», во многом опороченного пролеткультовскими теоретиками.

Ленинская теория отражения, определившая диалектическое взаимодействие классового, народного, общечеловеческого, ленинские документы, известное письмо ЦК РКП(б) о пролеткультах, наконец, дискуссия о «пролетарской культуре» в сентябре — декабре 1922 года в «Правде» сразу же показали всем писателям, критикам, журналистам, какое принципиальное значение имело последовательное проведение с классовых позиций пролетариата принципа партийности и народности в серьезном разговоре о путях пролетарского искусства. Здесь опять-таки в газетной и журнальной периодике столкнулись два подхода к созданию пролетарской литературы — марксистско-ленинский материалистический и идеалистический богдановский, пролеткультовский, потом рапповский — вульгарно-социологический. Отметим, что модернисты-теоретики на страницах «надпартийной» журналистики начала 20-х годов поддерживали богдановскую эстетику, его принципы создания пролетарской культуры, отражавшие иллюзорное представление о жизни и опиравшиеся на эмпириомонизм Э. Маха, признаваемого до сих пор всеми советологами родоначальником интуитивизма и иррационализма.

Как известно, А. Богданов проводил махистскую ревизию марксизма не только в области гносеологии, исторического

материализма, социологии, но и в области эстетики и искусства, претендуя после Октября на роль единственного создателя и руководителя «пролетарской культуры».

В 1918 году в журнале «Пролетарская культура» одна за другой появились статьи А. Богданова — «Искусство и рабочий класс», «О художественном наследстве», «Критика пролетарского искусства», оказавшие влияние на других теоретиков Пролеткульта — П. И. Лебедева-Полянского (В. Полянского), В. Ф. Плетнева, П. М. Керженцева, даже на руководителей «левого фронта» и на идейную платформу ленинградского Государственного института истории искусства (ГИИИ). Эти статьи А. Богданова поражали равнодушием к истине изображения, к правдивости художественного образа, к художественному содержанию и идее произведения — и предельным интересом к схоластическим поискам в области искусства «вещей», «физического» и «психического», «комплекса мертвых материалов» и «комплекса эмоций», связанных «организационно». Отсюда требование «отбросить» гражданское искусство. Председатель Пролеткульта Лебедев-Полянский придерживался сначала также «организационной» концепции А. Богданова: искусство «познает, отражает и организует жизнь», и, подобно ему, вначале отыскивал в произведениях искусства «коллективно-трудовой» порыв. В. Керженцев же ратовал за создание «чистой» пролетарской культуры на коллективистских принципах в брошюре «Революция и театр»: «Всякая попытка создать социалистический театр руками самых гениальных буржуазных актеров бесплодна». Даже новый председатель Пролеткульта В. Плетнев в основу своей статьи «На идеологическом фронте» («Правда», 1921, 27/IX), вызвавшей резкую критику В. И. Ленина, положил «организационную диалектику» А. Богданова, еще более ее упрощая с позиции «плюс-минус»: «Тезис — буржуазная классовая культура; ее антитезис — классовая культура пролетариата...». Эстетика А. Богданова была серьезным препятствием на пути борьбы советского искусства за социалистический реализм. Лишая искусство объективного содержания, а советскую литературу — гражданского пафоса, партийности, народности, она активно противостояла претворению в жизнь ленинской теории отражения. С другой стороны, модернисты-теоретики и публицисты, богдановцы — пролеткультовцы, наконец, Троцкий и Бухарин со своими капитулянтскими теориями и поддержкой статьи В. Плетнева «На идеологическом фронте» всячески противодействовали тому, чтобы ленинские принципы создания социалистического искусства —

народность, реализм, партийность стали бы существенной закономерностью развития советской литературы. Если философский нигилист С. Минин под влиянием богдановско-пролеткультовской схоластики прямо предлагал «вышвырнуть» философию как «буржуазное воззрение на мир «за борт», а Э. Енчмен в «Теории новой биологии и марксизме» (Пг., 1923) присоединил к философии и биологию, то Троцкий и Бухарин всячески препятствовали появлению на страницах «Правды» статьи Я. Яковлева «О пролетарской культуре и Пролеткульте», написанной по прямому указанию В. И. Ленина и разоблачавшей богдановско-махистскую концепцию революции, человека, действительности. В русле этой концепции Бухарин предлагал даже уничтожить гуманитарное образование и заменить его техническим производством «спецов».

Общеизвестно, что отношение Владимира Ильича к пролетарской культуре и наследству получило классическую формулировку на III съезде комсомола в 1920 году. 22 ноября 1921 года вопрос о Пролеткульте обсуждался и на заседании Политбюро ЦК РКП(б).

И, наконец, в течение октября 1922 года на страницах «Правды» появилось более десяти статей и развернулась дискуссия о «пролетарской культуре» и Пролеткульте. Сохранившаяся в личной библиотеке В. И. Ленина папка вырезок из «Правды» 1922 года под заглавием «О пролетарской культуре», изучение ленинских заметок на полях статьи В. Плетнева «На идеологическом фронте», пятикратная его беседа с заместителем заведующего агитпропом ЦК Я. Яковлевым, наконец, одобрение окончательного варианта статьи Яковлева В. И. Лениным для печати — все это яркие свидетельства значения, которое придавал Владимир Ильич формированию идейно-эстетических принципов советской литературы.

Появившиеся в «Правде» вслед за статьей В. Плетнева статьи Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Я. А. Яковлева, И. И. Скворцова-Степанова и других реализовали эти методологические основы ленинской концепции создания социалистического искусства.

Какие же места в статье В. Плетнева вызвали особенно резкие замечания В. И. Ленина?

Больше всего замечаний вызвали откровения В. Плетнева о преобразовании искусства пролеткультовским способом, о создании новой культуры. В. Плетнев объявил, что новую культуру будут строить только пролетариат и его представите-

ли, В. И. Ленин, подчеркнув слово «только» и «его», написал на полях статьи Плетнева «Архифальшь!».

Всю культуру, какая бы она ни была — от Бомера до Толстого — В. Плетнев называл непролетарской и призывал к ее разрушению, софистически жонглируя законом отрицания отрицания и как оправдание приводя «разрушительные» строчки стихотворения В. Кириллова. В. Плетнев по-богдановски отрицал индивидуализацию в искусстве — атрибут «разложившейся» классики — и прославлял спектакль «Лена» на сцене 1-го Рабочего театра как знамение нового пролетарского искусства. На самом деле это был образец примитивизма и вульгаризаторства. Ленин вновь иронически подчеркнул желание Плетнева сделать рекламу новому достижению театрального пролетарского искусства. Пролеткультовское «новаторство» привело В. Плетнева к таким легковесным изречениям: «Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе» (вся фраза подчеркнута В. И. Лениным). Вслед за живописью ликвидировались и литература, и «благородный» русский язык «Обломова», не способный выразить такие слова, как «электрификация» и «радиоактивность». После подобных «афоризмов» Ленин часто ставил вопросительные знаки и иронические междометия. А когда Плетнев, «расправившись» с непролетарскими по происхождению художниками, выбросил их «за борт» и предложил даже «социализировать науку» через Пролеткульт и вслед за этим отметил способность оруженосцев Пролеткульта «монистически мыслить», Ленин на полях поставил выразительное «Уф!». Как известно, Ленин направил редактору «Правды» статью Плетнева со своими замечаниями, определил ее как «фальсификацию исторического материализма», а ее автору советовал учиться «не пролетарской» науке, а просто учиться».

Следуя ленинским указаниям, высказываниям и пометкам на статье В. Плетнева, публицисты ленинской школы указали на страницах «Правды», как вредна богдановско-пролеткультовская схоластика и метафизика для решения пролетарским искусством подлинных задач революции. Я. Яковлев («Правда», 24 и 25.X-1922) прямо критиковал В. Плетнева и пролеткультовцев за вульгаризаторское отождествление общественной морали пролетариата с его эстетикой, нигилистическое отношение к культуре и науке, ученым как к «медиумам» своего класса, сепаратное, лабораторное насаждение пролетарской культуры. Н. К. Крупская подчеркнула, что богдановцы-пролеткультовцы некритически подражали упа-

дочническим формам буржуазного искусства, так как «...забыть о том, чтобы где-то в сторонке получить чистую разводку пролетарской культуры, а к этому сводится работа Пролеткульта, значит идти вразрез с пролетарской идеологией». Статью Н. К. Крупской, ее основные тезисы поддержал И. И. Скворцов-Степанов в своем полемическом ответе на новые статьи В. Плетнева — «О деснице и шуйце Пролеткульта. Ответ тов. Н. К. Крупской» («Правда», 17/X) и «В Пролеткульте» (20/X).

Итак, в процессе дискуссии были раскритикованы порочные вульгаризаторские богдановско-пролеткультовские взгляды, мешавшие формированию ленинских идейно-эстетических принципов советской литературы. Не субъективизм, возведенный в закон, ни насаждение в искусстве рационализированных схем, роботизированного «коллективизма», бессодержательности и бестенденциозности, не жесткая нормативность лабораторного рождения сугубо классовой пролетарской культуры, а опора на первооснову искусства — реальную действительность, преемственность исторического и культурного развития, народность и коммунистическую партийность — вот путь создания социалистического пролетарского искусства, вытекающий из ленинской теории отражения, выступлений Ленина по поводу Пролеткульта, дискуссии 1922 года. И то, что советская литература, журналистика и критика сначала отмежевались от «надпартийных» и аполитичных домыслов модернизма, затем от пролеткультовского субъективизма и вульгаризаторства, было подтверждением правильности ленинского партийного руководства литературой, обусловленного философией марксизма, методологией теории отражения.

Характерно, что «Правда» в 1921—1923 годах приветствовала первые ростки советской литературы, отличающиеся жизненной достоверностью, стремлением быть в гуще революционной перестройки, а не «политической трескотней», как подчеркивал В. И. Ленин. Так в одной из статей (1922, 22.X) раскрывалось значение произведений Л. Сейфуллиной, Вс. Иванова, В. Зазубрина — правдивой летописи революционной переконки эпохи. И если Е. Замятин дискредитировал «Железный поток», «Ташкент — город хлебный», «Партизанские повести» как «насусаленную художественную контрреволюцию» («Русское искусство», 1923, № 1), а Б. Пильняк вместе с пролеткультовцами не считал «Два мира» В. Зазубрина литературным произведением, т. к. автор «арсеналом скотобоевальных необходимостей» «воссоздает» революцию («Печать и револю-

ция», 1922, № 1), то «Правда» отмечала жизненную достоверность романа. В. И. Ленин же отозвался о книге обличителя колчаковцев, бывшего подпоручика у Колчака как о выстраданной, правдивой и нужной для пролетарского искусства: «Страшная книга. Не роман, конечно, но хорошая, нужная книга». Здесь, конечно, не случайно совпадение взглядов модернистов и пролеткультовцев на роман и противоположная оценка партийной печати и В. И. Ленина. Страшная правда о белогвардейцах-колчаковцах (полк Орлова, порубивший всех шашками и сжегший село Широкое, сошедшая с ума после возвания Колчака о великих идеях свободы учительница, воющая Дарья Непомнящих, скребущая землю, где только что заживо зарыт муж), живые образы людей из народа — старика Чубукова, Мотыгина, «пропиливающих» тайгу и вырывающихся из окружения, крах колчаковщины и агония «белого» движения — вот что делало эту книгу очевидца «работой, нужной рабочим и всем нам». Другими словами, В. И. Ленин в этой книге В. Зазубрина, в очерках А. Серафимовича «Революция. Фронт и тыл», А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» видел стремление к правдивому познанию революционной эпохи, борьбу за осуществление самых передовых идеалов, т. е. душу советского искусства, главную сферу проявления партийности, начало закладки революционного пролетарского искусства. Поэтому понятие «пролетарская литература», «социалистическая литература» было в первые годы революции исторически вполне оправданным, поскольку и в дискуссии о Пролеткульте, и в последних заметках и статьях В. И. Ленина оно являлось синонимом жизненной правды, защиты передовых идей, отказом от всяких умозрительных модернистских схем и отвлеченной пролеткультовской схоластики, «политической трескотни» о сепаратной культуре. Правда, повторяем, на этом термине лежат отголоски групповщины, поскольку сначала пролеткультовцы, потом «кузнецы», а затем и рапповцы считали себя единственными представителями пролетарского искусства. Прямым предостережением будущим вульгаризаторам — напостовцам С. Родову, Г. Лелевичу, Л. Авербаху, окончательно сформировавшимся на I конференции МАПП в марте 1923 года, их упрощенным представлениям о классовости и партийности искусства, непрерывным нападкам на «попутчиков» служили пророческие слова великого В. И. Ленина в одной из самых последних его работ — «Лучше меньше, да лучше»: «В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это

многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенько на ус».

Резолюция ЦК РКП(б) 1925 года как бы подвела итог борьбы партии за освоение нашим литературоведением, критикой, литературой основополагающих принципов ленинской эстетики в первой половине 20-х годов. Направленная против троцкистско-бухаринских капитулянтских теорий, с одной стороны, и против комчванства напостовцев — с другой стороны, она «во весь голос» поставила вопрос о великом значении ленинской теории отражения, о выражении быстро развивающейся советской литературой идеи марксизма-ленинизма — самых передовых идей эпохи. В резолюции утверждались основные принципы социалистической литературы и критики: реализм, народность, партийность, активное, гражданское участие в строительстве нового мира, воинствующая непримиримость ко всем проявлениям буржуазной идеологии.

Вместе с тем резолюция по-ленински осуждала всякое «претенциозное полуграмотное и самодовольное комчванство», «тон литературной команды». Ставя задачу создания литературы для широчайших миллионных масс народа, воплощающей высокоидейное содержание в ясной и определенной художественной форме без формалистической эквилибристики, резолюция предлагала бережно, а не «наскоками» и администрированием воспитывать и перевоспитывать в духе коммунизма молодых писателей, связанных с мелкобуржуазными настроениями. Резолюция по-новому подошла и к вопросу об идейно-художественных основах советской литературы: всячески пресекать претензию той или иной группы писателей на командное положение, поощрять творческое соревнование в области формы и стиля, укреплять единый фронт советской литературы.

Подчеркивая общественно-воспитательную функцию критики в советской периодике, необходимость сочетания в ней непримиримости к буржуазной идеологии и принципиальности, бережности и такта по отношению к так называемым «попутчикам», резолюция ввела в обращение общее родовое понятие — советская литература. Ее значение в смысле консолидации писательских, журналистских и публицистических сил, всемерной опоры на ленинские идейно-эстетические принципы создания советской литературы огромно. В № 8—9 «Журналиста» за 1925 год Ф. Гладков и В. Вересаев, А. Толстой и И. Новиков наряду с Б. Пильняком, Б. Пастернаком, А. Белым

приветствовали резолюцию как плодотворный стимул к укреплению и расцвету советской литературы.

Прямым следствием этой резолюции явилась поздняя статья А. М. Горького «О литературе» (1930), преодолевающая социологический схематизм напостовцев-рапповцев, их распределение писателей по искусственным классификационным категориям. У А. М. Горького в одном ряду стояли А. Фадеев, Ю. Либединский, М. Шолохов, В. Иванов, А. Толстой, Л. Леонов, Ю. Тынянов, и он видел перспективные черты новой советской литературы, которая «нигде и никогда» не шла так «в ногу с жизнью», как в наши дни.

Критики, публицисты, литературоведы наших ведущих «толстых» литературно-художественных и критико-теоретических журналов перешли к острому обсуждению идейно-эстетических принципов советского искусства.

Искусство не может занимать нейтральной позиции, оно всегда партийно, всегда в творческих поисках, всегда «за» или «против» — вот к этим положениям ленинской эстетики и приходили художники и критики первой половины 20-х годов на собственном опыте, в собственной художественной практике. И, наконец, ленинские принципы народности и партийности искусства стали рассматриваться в ходе журнальных споров не только в идейно-политическом, но и в эстетическом аспекте. Этот принцип партийности стал исходным пунктом в художественной политике нашей партии, о чем и говорила резолюция ЦК от 1925 года. Так в борьбе за реализацию задач, обусловленных ленинской концепцией социалистической культуры, в нашей советской литературе в послеоктябрьские годы закладывались ее идейно-эстетические принципы. Глубина проникновения в многосторонние картины жизни мира, народа и диалектики человеческой судьбы, требования самой жизни и практики строительства коммунизма стали принципами формирующегося, развивающегося советского искусства, искусства социалистического реализма.

ХАКИ АДЗБА

РАССКАЗ

1

ЭТО случилось в городе Сухуми в 1918 году, когда в России после победы Октябрьской революции бушевала беспощадная гражданская война.

Особенно жестокой и тяжелой она была на юге России, где реакция пыталась удержать за собой последние позиции. Победоносно наступая, Советская власть гнала вражеские силы к Черному морю, выбивала из своих рубежей. На Черном море и его побережье, от края и до края, шли кровавые дожди.

Абхазия подчинялась тогда Закавказскому комиссариату и практически была отрезана от России.

И вот 27-го февраля в Сухуми разнесся слух: к городу приближается большевистский крейсер «Шмидт» и, по-видимому, собирается зайти в порт.

Как бы вдогонку за этим известием пришло другое: командиром красного крейсера является боцман Кузьма Кильга, прозванный Грозным. Сухумцам не раз доводилось слышать это имя.

Кузьма Кильга, старый моряк, участник мятежа 1905 года, соратник знаменитого Шмидта, был приговорен царским правительством к бессрочной каторге. В 1917 году с победой Октябрьской революции вернулся во флот. Вскоре его имя стало известным как на море, так и на всем побережье. Враги дали ему прозвище Грозный, и оно так срослось с его именем, что воспринималось как фамилия — Кузьма-Грозный.

В награду за самоотверженную борьбу против контрреволюции Советское правительство облекло Кузьму Кильгу высочайшим доверием, поручив ему коман-

дование самым мощным своим военным кораблем — крейсером «Шмидт».

Весть о приближении большевистского корабля застала городского голову Самсона Даванадзе в постели. Услышав о «Шмидте» и Кузьме Грозном, он вскочил, наскоро оделся и, не умывшись, поспешил в городской Совет.

Это был высокий, рослый мужчина с окладистой бородой. Он широким шагом шел по набережной и, не отрываясь, смотрел на море.

— Ну где он, покажите!

Стоял теплый, солнечный день — даже в этом изнеженном солнцем и теплом крае такие дни зимой — редкость. Глядя на ласково мерцающее море, трудно было поверить в правдоподобие распространившегося слуха.

Горизонт был ясен и чист. На водной глади от берега до самой дали Даванадзе не увидел ничего подозрительного. «Со страху, верно, померещилось», — подумал городской голова, начиная злиться. Он решил, если тревога окажется ложной, строго отчитать тех, кто распространяет сплетни и сеет смуту в народе. Себя он причислял к старым революционерам — в царское время был сослан в Сибирь за революционную деятельность, так что прихода большевиков не боялся.

Перед зданием городского Совета собралась внушительная толпа горожан. Большинство — люди имущие. Все были явно взволнованы. У некоторых в руках — бинокли.

— Почему вы верите этой сплетне? — подходя к ним, спросил Самсон Даванадзе. — Откуда здесь взяться большевистскому кораблю? Какое дело ему до нас?

Горожане окружили его.

— Это не сплетня — истинная правда. Мы видели его своими глазами. Да и те, кто из Гагра приехал, говорят, что это он подозрительно крейсирует в море и мы, мол, должны это знать.

— Странно вы рассуждаете, ей-богу! На то он и корабль, чтобы крейсировать в море. Не по суше же ему ходить! — в раздражении воскликнул городской голова и, пренебрегая страхами горожан, втайне довольный своим ответом, направился к зданию Совета.

И в это время кто-то крикнул:

— Вот он снова показался! Вот он, вот!

— Где?! — машинально воскликнул городской голова, резко поворачиваясь.

Кто-то из горожан сунул ему в руки бинокль.

Даванадзе отряхнул бороду, вытянул шею и навел бинокль на море.

— Действительно, корабль... Похоже, военный... Но почему непременно «Шмидт», не понимаю! — сказал он, оглядывая расстилающуюся перед ним морскую гладь, и в голосе его уже не было прежнего апломба и решительности. Как видно, и у него зародились сомнения.

— Береженого, как говорится, бог бережет, — прошептал ему на ухо владелец бинокля, известный в Сухуми купец Ражден Ториа, которого больше всех напугало приближение «Шмидта». — Неплохо было бы связаться с Гагра и узнать все поподробней. И не надо тянуть с этим, если это действительно «они», мы должны своевременно подготовиться к встрече.

Предложение Ториа пришлось по душе городскому голове. Войдя в здание Совета, он поспешил к телефону.

Гагра ответила следующее:

— Третий день мы наблюдаем за «Шмидтом». Ходят слухи, он здесь для того, чтобы отрезать бело-гвардейцам путь к отступлению. Наверняка же никто не знает истинной причины его появления здесь... Вечера вечером он скрылся из глаз. По нашим наблюдениям, крейсер идет к вам. Может и зайти, будьте готовы.

Самсону Даванадзе стало абсолютно ясно, что судно, которое он только что видел в бинокль, — крейсер «Шмидт», и он действительно в любой момент может пожаловать в Сухуми.

Городской голова погрузился в раздумье. Перед ним со всей неумолимостью встал вопрос — как быть в случае, если крейсер зайдет в сухумский порт и предъявит городу какие-либо требования.

Проблема была не из легких.

Даванадзе считал, что это вопрос политического значения. А политическая обстановка в то время была крайне напряженной. Действия городского головы, вне всякого сомнения, получают соответствующую оценку, и

ответственность за возможные последствия будет нести только он.

«Не дай бог, встретишь по-дружески, оговорят, обвинят в большевизме, — думал он. — А окажи недружелюбный прием — попробуй, если ты такой смельчак — это тебе не лодка, а самый настоящий крейсер, да еще большевистский. Надеяться не на кого и не на что. К тому же этого Кузьму не зря прозвали Грозным...»

Словом, было над чем задуматься.

Первое, что сделал Самсон Даванадзе, чтобы снять с себя всякую ответственность, — послал в Тбилиси секретную телеграмму: так, мол, обстоят дела, как нам быть? Но это было скорее соблюдением формальности с его стороны. Городской голова прекрасно знал, что никакого ответа ко времени не получит, а если и получит, он никак не сможет послужить руководством к действию.

Второе, что предпринял Самсон Даванадзе, было, безусловно, выходом из создавшегося положения и свидетельствовало о его сметливости и чутье.

Составляя телеграмму, он вспомнил, что и в Сухуми существует Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем которого является его хороший приятель Нарик Эшба, тоже старый революционер, прошедший через сибирскую ссылку, и вообще человек достойный. Из всех абхазов, вышедших после революции на широкую общественную арену, он был едва ли не самым умным, дальновидным и активным. Между прочим, поговаривали, что он враждебно настроен по отношению к нынешнему правительству, считали сторонником России, но слухи оставались слухами, и это не мешало Эшба занимать видный и ответственный пост.

Руководимый Нариком Эшба Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в настоящее время, можно сказать, не функционировал — работа в нем как бы заглохла. Но Эшба был тут ни при чем. Обязанность этой организации на сегодняшний день состояла лишь в том, чтобы изредка, с осложнением обстановки, принимать по указке правительства соответствующие резолюции, которые затем публиковались в газетах. Это делалось потому, что за Советами сохранилась репутация революционных организаций и обойти их было нельзя.

— Эврика! — воскликнул Самсон Даванадзе и, довольный собственной сообразительностью, огладил бо-роду. Перед ним открылся план действий: местный Со-вет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, рав-но как и его председатель, по мысли городского головы, для того и явлены на этот свет, чтобы разобраться в ситуации, столь неожиданно сложившейся нынешним ут-ром, и принять нужное решение.

— Вот истинно революционный орган! По правде говоря, при чем тут я! Пусть никто не забывает, что полное название его включает в себя не только «рабочих, крестьянских и солдатских», но и «матросских депутатов» — ради сокращения их опускают, но всегда подразуме-вают... Да-да, и вот сейчас к нам едут матросы, будьте любезны, дорогие депутаты — рабочие, крестьянские, солдатские и матросские — встретить своих товарищей и оказать им соответствующий прием. Вот и все!

Он срочно послал курьера к Нарику Эшба с нака-зом немедленно явиться в Совет.

Эшба внимательно выслушал предложение Самсо-на Даванадзе. Ему сразу же стал ясен умысел город-ского головы. Подумав, он по-дружески посоветовал ему:

— Зачем тебе брать ответственность на себя, до-рогой Самсон, или зачем непременно взваливать ее на меня?! Ты же знаешь, какое сейчас положение! Если уж кто-то должен нести ответственность, так не лучше ли разделить ее между всеми так, чтобы в случае че-го все были бы виноваты и в то же время невиновны... Мне кажется, надо поступить так: созовем экстренное объединенное заседание президиумов городского Совета и Совета рабочих, крестьянских, солдатских и мат-росских депутатов с представителями партий и обще-ственных организаций и обсудим этот вопрос. Можно пригласить и влиятельных горожан как заинтересован-ных лиц. Пусть они и решают, как встречать городу Сухуми большевистский корабль. Вот тебе мой совет, а ты поступай, как знаешь.

Городскому голове очень понравилось это предло-жение, он даже почувствовал зависть к Эшба, который в два счета нашел такой удобный выход из положения.

«Абхазы по своей натуре — дипломаты, и этот, ка-жется, оказался мозговитее меня», — подумал он, но

поскольку совет пришелся ему по вкусу, преимущество Эшба не обидело его. Он тут же приступил к делу и поднял на ноги весь аппарат.

II

Объединенное заседание президиумов состоялось очень быстро. В зал заседаний набилось столько народу, что истосковавшийся по кворуму городской голова не поверил своим глазам.

Не явились только представители политических партий. И это обстоятельство несколько озаботило Даванадзе.

«Нечего сказать, бегут от ответственности. Политика. Впрочем, так, верно, лучше, — мелькнуло в мыслях, и он решил помалкивать на заседании, во всяком случае, лишнего не говорить. — Зачем вылезать на свою голову! А там будем действовать по обстоятельствам».

Заседание открыл председатель городского Совета Бекирби Чачба, весьма популярная среди абхазов личность. Он пользовался всеобщим уважением не только потому, что принадлежал к знатному роду, достойнейшим представителем которого считался, но и благодаря своей редкой осанистости и совершенно особой, типично абхазской внешности. Несмотря на пожилой возраст, во всем его облике, аристократических манерах было что-то необыкновенно притягательное, и каждый уважающий себя абхаз считал обязательным подражать ему — его разговору, поведению, манере одеваться.

Открыв заседание, Бекирби Чачба с отеческой прямотой задал присутствующим вопрос:

— Что будем делать? Большевики приближаются к городу!

В зале наступило молчание.

Ждали выступлений речистых ораторов, но среди них не нашлось желающих обсудить этот вопрос.

Тогда поднялся беспартийный Ражден Ториа, горластый купец, специально приглашенный на заседание как один из влиятельных коренных сухумцев, и попросил слова.

— Поскольку наши политические лидеры хранят молчание, позвольте мне от лица горожан сказать следующее — многие из присутствующих, конечно же, со-

гласяся со мной: мне кажется, у нас нет времени на разговоры, вопрос ясен и так! Политикам не время сейчас сводить счеты между собой. Мы, простые люди, тут ни при чем — упаси боже! Но мы никому не дадим права осложнять и без того сложную обстановку. Нам известно одно: достаточно орудийного залпа с крейсера «Шмидт», чтобы уничтожить наши дома и все, чем мы владеем, поэтому в своем поведении мы должны исходить из этого. Весь город должен встретить корабль и его экипаж с таким почтением, чтобы ни у кого не зародилось сомнения в нашем к ним сочувствии и дружеском расположении. Излишне напоминать, что все требования крейсера должны быть безотлагательно удовлетворены, чего бы это нам ни стоило... Кто думает иначе, тот хочет погубить нас...

Весь зал в один голос воскликнул:

— Правильно! Все верно!

От имени президиума Совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов Нарик Эшба зачитал короткую декларацию, состоящую из длинных высокопарных периодов, в лабиринтах которых терялась всякая мысль. Но вывод был предусмотрительно продуман и сформулирован таким образом, что автор декларации оставался вне подозрений — не придерешься. Вот он, этот вывод: «В борьбе, которой охвачена в настоящее время вся Россия, мы безусловно должны поддерживать и поддерживаем революцию. Таково сокровенное желание наших трудящихся масс...»

Другого мнения, разумеется, ни у кого в зале и не возникало.

Хотя никому доподлинно не был известен маршрут крейсера «Шмидт», все хорошо знали, каковы были интересы Октябрьской революции в этой смертельной схватке на Черноморском побережье между старой и новой Россией. Ни для кого не было тайной, что республики, вновь созданные на юге бывшей империи, несмотря на свою независимость, входят в границы охраняемой Великим Октябрем территории, и Абхазия в этом отношении исключения не составляет.

Неизвестные имена и названия судов, вселявшие ужас и страх, подобно шторму, не раз обрушивались на приморские города и поселки, лежавшие к востоку от

Батуми. В частности — красный крейсер «Шмидт» и его командир Кузьма Кильга, прозванный Грозным.

А сегодня Сухуми предстояла встреча с ними — лицом к лицу.

Председателю Совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов Нарикю Эшба и городскому голове Самсону Даванадзе было поручено не мешкая подготовиться к торжественной встрече и провести ее на должном уровне. В помощники им назначили около десяти энергичных и влиятельных горожан.

Первым среди них был Ражден Ториа.

* * *

К десяти часам в Сухумский городской Совет поступило последнее донесение: крейсер «Шмидт» взял курс на Сухуми.

Весь город мгновенно преобразился. Поднялась суматоха, беготня, переполох. Можно было подумать, этим солнечным утром на берегу Черного моря свершилось чудо: на месте маленького, тихого красивого Сухуми откуда ни возьмись вырос огромный шумный город. Загудели даже глухие, постоянно пребывающие в сельской спячке кварталы.

— Большевики идут!

Все смешалось — скрип экипажей, топот лошадей, крики высыпающей на улицы толпы. Несколько пассажирских и грузовых машин — все современные средства передвижения, находившиеся в распоряжении местного правительства, — на такой скорости носились по городу, что мелким буржуа, и без того не на шутку перепуганным, повсюду и поминутно чудились их неистовое пыхтение, гудки, безумный скрип тормозов — казалось, число машин превысило тысячу.

— Хотелось бы знать, откуда взялось вдруг столько автомобилей? — удивлялись они.

...которые полагали, что тут не обошлось без вмешательства «Шмидта» и Кузьмы Грозного, и это еще более укрепляло их в намерении принять все необходимые и своевременные меры для самозащиты.

— Может, они и на автомобилях едут!

Горожане большей частью вертелись возле своих домов, украшали их красными флагами. Все от мала до

велика были охвачены одним желанием: как можно скорее, опередив соседей, вывесить перед домом красный флаг и таким образом отместить от себя всяческие подозрения. Те, у кого не нашлось красной ткани, спешили на рынок, покупали красную бязь и бегом возвращались обратно, по пути, не теряя времени, наспех мастеря знамя.

Каждый читал на лице у другого немой вопрос. У иных на губах играла улыбочка, скрывавшая какую-то затаенную мысль и в то же время выдававшая ее. У других в глазах застыли растерянность и откровенный страх.

— Идут, да?

— Идут. На Черном море нет корабля мощнее «Шмидта». Ты видел Кузьму Грозного?

— Видеть не видел, но неужели правда то, что о нем говорят?

— Не знаю... Боже, храни нас... Надо расположить их к себе.

И они разбегались каждый в свою сторону.

Представители власти тоже суетились, волновались, готовились к встрече. На крыше здания городского Совета рядом с развевающимся знаменем водрузили два больших красных флага, а само здание во всю длину и высоту украсили маленькими красными флажками.

Примеру Совета последовали и другие учреждения — запламенели белые ряды красивых сухумских зданий и частных домиков.

Подступы к порту были убраны живыми цветами. С десяток столяров трудились над возвышающейся перед зданием порта аркой, под которой проводились митинги, поскольку, построенная еще в феврале прошлого года, она порядком обветшала, покачивалась и выглядела довольно невзрачно. Опытные садоводы Сухуми тут же неподалеку плели гирлянды из разноцветных заморских растений и цветов, которыми должны были декорировать арку.

На всякий случай заранее вывели на перрон оркестр из боязни опоздать с музыкой к прибытию судна.

Первый этаж гостиницы, фасадом выходящей на пальмовую аллею, которая тянулась вдоль побережья, был украшен красным бордюром. На нем пестрели разноцветные надписи революционного содержания на рус-

ском языке, а над входом в занимающий весь первый этаж ресторан большими буквами было выведено: «Добро пожаловать!»

В ресторане накрывали стол на сто человек...

III

На втором этаже той же гостиницы в комнате с наглухо закрытыми окнами пятеро мужчин играли в баккара. Игра началась накануне после ужина, так что они не только не принимали участия в лихорадочных приготовлениях города — никто из них даже не догадывался о том, что творилось вокруг с самого утра. Двое из пятерых были абхазы, остальные — мингрел, аджарец и имеретин.

За карточным столом сидели четверо. Их утомленные бессонной ночью, снедаемые азартом лица сквозь клубы табачного дыма, заполнившего комнату, походили на отражение в запотевшем зеркале.

Стол был завален деньгами — упраздненными ассигнациями Российской империи, турецкими лирами, денежными знаками различных областей и республик, большей частью закавказскими бонами, а также «керенками». Одни были сложены в пачки, другие небрежно свалены в кучу, явно без счета, похожие на яркие рекламные листы. Их сомнительную ценность, помимо низкосортной бумаги, выдавало «достоинство» в сотни тысяч и миллионов, в которые никто не верил. Играли азартно, но молча. Лишь время от времени раздавались короткие, резкие возгласы банкмета. Еще более краткими и резкими были ответы партнеров, после которых начиналось быстрое молчаливое переключивание денег с одного места на другое.

На краю стола среди папиросных окурков, стаканов, бутылок и блюдец лежал тонкий серебряный пояс с кинжалом, окованным золотом. Рядом валялась растегнутая кобура, из которой выглядывала оправленная в золото и серебро рукоятка револьвера, отполированная до блеска. Тут же через спинку стула была небрежно перекинута черная чоха, рукава которой случайно упали на стол, прикрыв остальную часть кобуры.

Чоху украшали золотые эполеты казачьего офицера, а на газырях посверкивал укравшийся под сенью

складки золотой с эмалью крест св. Георгия. Как и оружие на столе, так и чоха, перекинутая через стул, принадлежали пятому игроку, который в настоящее время спал на диване у окна.

Голова его покоилась на обитом бархатом подлокотнике. Руки были заложены за голову, а скрещенные ноги в сапогах из мягкой кожи закинута на спинку дивана. Молодое бледное лицо казалось изнуренным, правую щеку косо перерезал глубокий шрам.

Временами по его лицу пробегала тень глубокой скорби, черными кругами собираясь вокруг глазниц. Ноздри небольшого ястребиного носа трепетали от учащенного дыхания — раздувались, как у холеного породистого скакуна под непосильным для него грузом. Темнокрасный короткий архалук сидел на нем как влитой, подчеркивая худощавую грудь и мышцы рук. Талию можно было обхватить двумя пальцами.

Это был абхазский князь Уджуш Эмха, офицер бывшей царской армии — штабс-ротмистр абхазской роты черкесского полка, воевавшего на австрийском фронте.

Он совсем недавно вернулся с распавшегося фронта на родину, более трех месяцев проблуждав в огне гражданской войны, избежав мести восставших солдат, уцелев в бешеном галопе атак красных. Он спасся от тысячи опасностей и бед с помощью беззаветно преданного ему молочного брата Хаки Адзба, с которым был неразлучен, и целым и невредимым вернулся вместе с ним домой.

Уджуш Эмха сохранил в огне войны еще две ценности, кроме собственной жизни, — с юности лелеемые в мечтах офицерские эполеты и офицерский же золотой крест св. Георгия, которыми дорожил больше самой жизни.

Гражданская война оставила след в его бесхитростной душе — незримую печать страха, который постоянно пребывал в нем, как крест св. Георгия на груди и золотые эполеты — на плечах.

Вот и сейчас, когда он спал на диване, страх, как видно, не давал ему покоя. С ним творилось что-то странное. Время от времени он начинал дрожать всем телом, а то вдруг всем телом же дергался, как будто с трудом удерживался на краю пропасти, в которой должен был

сгинуть. При этом он чудно кривил губы, собирая и растягивая их. Обрывки слов, странных и непонятных со свистом вырывались из уст. Он снова замирал, казалось, переставал дышать и вдруг издавал такой горестный стон, что вошедшие в раж его приятели прекращали игру и удивленно оглядывались на него.

Когда стон повторился несколько раз, игроки не выдержали и в один голос окликнули спящего:

— Уджуш!

И в тот же миг Уджуш вскочил с дивана. Обе руки его рванулись к поясу, где, как он думал, висел его кинжал — правая искала эфес, левая — ножны. Не найдя ни того, ни другого, он схватился за револьвер, но не обнаружив и его, весь затрясся и чуть не задохнулся от злости. Еще мгновение, и казалось, тот же отчаянный стон вырвется у него из груди, но тут приятели Уджуша, не сводившие с него изумленных глаз, повскакали со своих мест, подбежали к нему и тихими ласковыми голосами стали успокаивать его.

— Уджуш, эй, Уджуш! Ну что с тобой? Мы здесь, не бойся!

Однако подойти вплотную, дотронуться до него никто не осмелился.

Уджуш опустил руки, выпрямился. Открыл глаза и уставился на стоящих перед ним приятелей блестящим взглядом.

В глазах мелькнул нездешний свет.

Это был страх, который никто из присутствующих и во сне никогда не испытывал.

Друзья невольно отпрянули от Уджуша.

Но он, узнав их, зажмурился, по губам скользнула детская улыбка, мгновенно озарившая помертвелое лицо. Как видно, он окончательно пришел в себя.

Улыбка обрадовала оробевших было приятелей. Они осмелели, похлопали его по плечу.

— Что это тебе привиделось, Уджуш? Ну и напугал ты нас! Успокойся, старина, все в порядке... Большевиков среди нас пока еще нет.

Уджуш открыл глаза. Взгляд был уже естественный, обычный. Он снова оглядел общество и снова улыбнулся, как бы извиняясь.

— А мне вот именно они и приснились... как буд-

то... прибыли на корабле... и... — он не закончил, махнул рукой и вдруг, обессилев, опустился на диван, подожил голову на его спинку, закрыл глаза и замер.

Спустя некоторое время он вдруг очнулся.
— Хаки не появлялся? Не спрашивал меня?

Тень неудовольствия скользнула по его лицу, когда он услышал отрицательный ответ. Снова закрыл глаза, замер.

И в тот же миг раздался необычный рев сирены, такой резкий и оглушительный, казалось, его услышали бы и на краю земли. Задребезжали стекла, и рев, ворвавшись в комнату, звенящим мечом, как если бы им взмахнул великан, рассек тяжелый дымный воздух.

Неожиданно грянули пламенные звуки «Марсельезы». Находящиеся в комнате бросились к окнам, открыли их, выглянули.

Только Уджуш продолжал недвижно сидеть в кресле. Он как-то странно воспринял рев сирены и музыку — они показались ему скорее слуховой галлюцинацией, нежели реальностью.

А глазам игроков открылось удивительное зрелище. Море отливало серебром, неподалеку от берега бортом к городу стоял огромный корабль. Из черной трубы валил густой дым, облаком нависавший над ним. Дула трех пушек подняты, нацелены на город — три черных окружности, слепые и всевидящие одновременно.

На берегу собралось великое множество народу — весь город.

К кораблю пыхтя приближался моторный катер, за которым цепочкой, подобно журавлиной стае, шли весельные лодки.

Стоящие у окна удивленно переглянулись.

— Похоже, крейсер, ну да, это крейсер! Чей он, хотелось бы знать, почему такая торжественная встреча?!

Услышав слово «крейсер», Эмха вышел из оцепенения, но лицо его приняло такое выражение, будто он ослышался и теперь, настороженно вслушиваясь в разговор друзей, хочет проверить себя.

— Уджуш! — позвали его приятели, все еще стоявшие у окна. — Поди сюда! Ты скорее разберешься, что

это за крейсер — все-таки военный человек... Ишь ты, какие пушки на нас нацелил...

Уджуш вдруг изменился в лице. Страшная догадка и одновременно изумление мелькнули на нем.

Он попытался встать и подойти к окну, но не смог — как будто был привязан к месту. И тогда, не поворачивая головы, он обратил широко раскрытые глаза на далекую, взятую на прицел точку, которая, вероятно, существовала только в его воображении. Он силился что-то вспомнить, какое-то слово вертелось на кончике языка, но он никак не мог его произнести.

Вдруг губы его задрожали, растянулись, искривились, как только что во сне, и неслышно прошепелестели: «Шмидт».

— Уджуш, поди сюда, скорей, — приятели все не отходили от окна, — помоги разобраться. На корабле какая-то темнокрасная надпись во всю длину, но из-за дыма ничего не видно. Похоже, написано по-русски. Может быть, ты прочтешь?

— Это «Шмидт», большевистский корабль, — ответ Уджуша прозвучал так спокойно и убедительно, будто он действительно только что прочел эту надпись.

Приятелям у окна показалось, что голос Уджуша шел откуда-то издалека, но они не обратили на это внимания, настолько их поразили его слова.

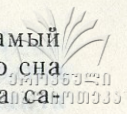
— С чего ты взял, Уджуш? Тебе ведь ничего оттуда не видно! — они с удивлением обернулись, даже сделали шаг в его сторону.

Эмха продолжал смотреть куда-то вбок сквозь стену.

— Тебе наверное это приснилось, потому ты проснулся в такой тревоге?

Уджуш медленно, с трудом оторвал взгляд от далекой точки и со значением, как бы подтверждая догадку друзей, посмотрел на них.

На какой-то миг приятели разделили его страх и таинственное предчувствие, но поскольку и то, и другое, как им казалось, было всего лишь отражением недавнего странного сна Уджуша и, стало быть, лишено всякого основания, они легкомысленно отнеслись к своему чувству. Тем более, что разгадка Уджушем названия и происхождения корабля показалась им насколько ошеломляющей, настолько же неправдоподобной.

— Уджуш, дорогой, — обратился к нему самый старший, — ты, как видно, все еще во власти своего сна и думаешь, что большевистский корабль прибыл на самом деле. Ну что здесь нужно красному крейсеру, посуди сам?

Остальные также попытались рассеять подозрение Эмха.

— Нечего ломать себе голову, — беспечно воскликнул один из них, — выйдем на берег, и все разъяснится само собой! Там мы убедимся, насколько справедлива догадка Уджуша.

— Нет сомнения, — перебил его второй, — большевики нагнали страху на нашего Уджуша, и он, как видно, все еще не дает ему покоя. Иначе почему он решил, что это красный корабль? Откуда ему здесь взяться? Я тоже за то, чтобы выйти на берег: посмотрим, что случилось, и доложим обо всем Уджушу.

И вышло так: кавалера ордена св. Георгия, вернувшегося с фронта доблестного офицера, князя обвинили чуть ли не в трусости.

Эмха нахмурился, встал с кресла. Оглядел приятелей чужими глазами и натужным, похожим на сдерживаемый крик голосом произнес:

— Я и страх не знаем друг с другом. Кто не верит в это, может испытать меня. — Он схватил чоху, но лицо его тут же смягчилось. — Впрочем, кичиться собственной храбростью никому не пристало, — добавил он кротко, — в данном случае вы, возможно, правы. Пошли! Вместе посмотрим, что случилось.

Однако по его тону можно было догадаться, что он оскорблен и не намерен отказываться от своих вызывающих слов.

IV

В лодках, которые приближались к крейсеру «Шмидт», бросившему якорь в Сухумском порту, находились только гребцы — они должны были перевезти на берег гостей, в моторном катере же сидели городской голова Самсон Даванадзе, председатель Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Нарик Эшба и делегация из пяти рабочих, представлявших пять разных национальностей, живущих в Абхазии.

Уже издали сухумские делегаты стали приглядываться к военному кораблю. Всех поразило одно обстоятельство: на нем не было ни души. Только приблизившись, они с трудом различили неподвижные силуэты двух вахтенных, застывших возле орудийных установок.

Первого вахтенного делегаты заметили у ближайшей с их стороны пушки. Им был виден лишь его железный профиль, перед носом у него блестел на солнце ствол ружья. Матрос не сводил глаз с города, причем в поле его зрения явно находились его отдаленные районы, а не порт и моторный катер.

У дальней пушки сидевшие в моторке разглядели лицо с надвинутой на лоб бескозыркой и глубоко посаженными глазами, мускулистую руку, прижатую к бедру, и стискивающий приклад ружья кулак. Они почувствовали на себе его пронзительный взгляд.

Делегаты не могли скрыть своего недоумения, к которому примешивались и почтительность к неожиданной для них корабельной дисциплине, и страх, и затаенное сомнение в этой дисциплине: «А не устроено ли все это специально для нас?!»

Но вот моторка уткнулась носом в стального цвета борт «Шмидта».

В тот же миг на палубе загрела цепь, и сверху спустили трап. Нижняя его ступенька коснулась поверхности воды у самого носа катера. Не прошло и минуты, как на трапе показались сапоги, выглядывавшие из-под широких брюк. Сапоги сбежали вниз, и глазам сухумской делегации предстал низкорослый, но широкоплечий с военной выправкой моряк. Выбросив в воздух правую руку, он без слов приветствовал вновь прибывших, окидывая взглядом каждого в отдельности.

На моряке была форменка, заправленная в брюки клеш. На поясе — широкий ремень. Свисающий с шеи на черном ремешке наган заткнут за ремень. Обожженное солнцем костистое безволосое лицо выражало непреклонность, смягченную, впрочем, из уважения к делегатам. Крутая грудь, как видно, сплошь была покрыта татуировкой — вплоть до толстой, как колода, короткой шеи...

Оглядев делегатов, он поинтересовался, кто они. Услышав ответ, задумался на миг, потом сказал:

— Стало быть, сухумский пролетариат и его революционная власть... — у него был такой выговор, что делегаты не сразу поняли, что он говорит по-русски.

Моряк снова обвел их взглядом и, остановив свои бесцветные глаза на длинной бороде Даванадзе, спросил:

— Белогвардейцев и прочей сволочи в городе нет?

— Подобной твари не приручаем, товарищ! Не было, нет и не будет! — с таким апломбом и ретивостью ответил городской голова, что невольно вызвал улыбку недоверия на лице моряка. Это обстоятельство неожиданно изменило официальный характер встречи. Стоявший навытяжку моряк вдруг расслабился, сморщил лицо в насмешливой ухмылке, издав при этом губами звук, похожий на щелчок, и лукаво заморгал одним глазом. Затем с кошачьей ловкостью прыгнул в катер и, подойдя к городскому голове, фамильярно потрепал его по плечу.

— Молодец! Стало быть, наш! По душе ты мне! — похвалил он его, дружески улыбаясь. И тут же приняв серьезное, деловое выражение лица, обратился уже ко всем: — А теперь скажите, что это вы устроили на берегу, да еще музыку подключили? Больно много народу. И флагов не меньше, и все красные, революционные! Я спрашиваю потому, что это очень интересно моим товарищам и мне, а я сегодня вахтенный на корабле. Разрешите представиться: Василий Хританюк, артиллерист. Друзья меня кличут Васька-пират.

Самсон Даванадзе не был расположен продолжать разговор. Фамильярность моряка оскорбила его, и у него пропала охота говорить. Он думал о том, как неуместен был его амбициозный ответ. Чтобы снова не попасть впросак, он повторял про себя речь, заготовленную для красного капитана «Шмидта». Поэтому на сей раз он предоставил отвечать Нарикю Эшба.

— Пролетариат города Сухуми, — начал Эшба на таком безупречном русском языке, что моряк удивленно уставился на него — уж не русский ли? — готовится к торжественной встрече с революционным крейсером «Шмидт» и его героическим экипажем. На берегу — праздник в честь прибытия желанных гостей. А мы здесь для того, чтобы от имени нашего края, который зовется Абхазией, выразить свое глубочайшее

уважение всему командному составу корабля и особенно его знаменитому командиру товарищу Кузьме и братски приветствовать всех. Кроме того, нам поручено просить вас принять участие в нашем сегодняшнем митинге, после которого состоится товарищеский ужин.

Моряк остался доволен ответом Эшба.

— Почему бы и нет! С большим удовольствием, надо думать...

И вдруг откинув голову назад, резко свистнул.

— Эй, там, наверху! — крикнул он, подняв глаза. — Слушайте меня! Передайте комсоставу, что сухумская делегация просит встречи с ним... Это доброжелатели. Праздник и музыка на берегу — для нас! Слышите, вы что оглохли, что ли?!

Ничто не нарушило тишину на корабле — казалось, некому было услышать матроса. Однако после продолжительной паузы снова заскрипел трап и на ступеньках возник человек весьма странной, поразившей сухумцев наружности. Василий Хританюк вдруг вытянулся во фронт и вперился в него глазами, будто жаждал угадать и тут же выполнить его еще не высказанное желание. Сухумские делегаты также невольно подобрались и молча смотрели снизу вверх на спускавшегося к ним с начальственной неторопливостью странного человека. А странность заключалась в том, что у него было два лица и три глаза. Казалось, он смотрел одновременно в разные стороны: одноглазый лик был обращен на депутатов, двухглазый же — на Хританюка, причем выражение его было таким строгим и гневным, что не могло не вызвать страха. На нем был бушлат, из-под полы справа выпирала кобура с длинноствольным револьвером.

— Чего разорался, Хританюк, дурья башка?! — прогремел он грозно и добавил резко, словно выстрелил: — Нарушаешь!

Одна и та же мысль пронзила сухумцев: «Кузьма Грозный!» и, дрогнув, они приготовились к встрече.

— Я хотел сообщить, что прибыла делегация из города... прошу прощенья, товарищ командир, — у моряка был виноватый вид.

А тот еще какое-то время не отрывал от него своих жестоких глаз, потом, неожиданно повернувшись к делегатам, вскинул руку к козырьку и коротко бросил:

— Привет!

Его лицо сохраняло то же выражение жестокости, с каким он только что говорил с вахтенным, но другой его лик, одноглазый, улыбался, даже смеялся, притупляя чувство страха и изумления, возникшие у делегатов под впечатлением первого.

Сухумцы сгрудились на носу катера, в свою очередь приветствовали командира. И только приблизившись к нему, поняли истинную причину его отталкивающей внешности — глубокий, едва зарубцевавшийся шрам наискось перерезал все лицо: красной полоской тянулся он от левого виска через бровь, верхнее левое веко, наполовину отсеченное, отчего часть глазного яблока казалась отдельным, постоянно открытым недремлющим оком, и дальше по щеке и носу с оторванной ноздрей, рассекая надвое губы, к правому углу подбородка.

Недвижная половина лица постоянно гневалась в отличие от другой, которой здоровый глаз придавал умное, спокойное выражение.

После взаимных приветствий городской голова Самсон Даванадзе обратился со словом к человеку со странной внешностью. По существу, он повторил то, что сказал Эшба Василию Хританюку, подчеркнув лишь, что сухумская делегация горит желанием увидеть красного командира «Шмидта» товарища Кузьму, о котором они слышали немало удивительных историй (о своем предположении, что перед ним сам Кузьма Грозный, он, естественно, умолчал).

— Я — командир «Шмидта», товарищ Кузьма, прозванный Грозным. Прозвище мне, очевидно, дали враги, но теперь уже, увы, и товарищи зовут меня так... И вы, я думаю, слышали обо мне, — начал этот двуликий и трехглазый человек приятным низким голосом, трудно было поверить, что это он только что грубо одернул моряка. — Я являюсь также председателем революционного комитета матросов крейсера и уполномочен говорить с вами от его имени. Рад знакомству с вами. Радуют меня и революционные настроения вашего города и ваше к нам расположение, о чем свидетельствуют приготовления на берегу. Верьте мне, придет время, и мы, большевики, по достоинству оценим это. А теперь сообщу вам следующее: по заданию Военно-революционного Совета наш крейсер более десяти дней на-

ходится в этих водах для проведения соответствующих операций. Обстоятельства требуют нашего присутствия здесь еще какое-то время, что не было предусмотрено. Это и побудило нас зайти к вам на два-три часа. Мы должны запастись продовольствием, которое у нас на исходе. За все, что мы приобретем, заплатим наличными, у нас есть ваши деньги. Что касается митинга, моряки «Шмидта» с радостью примут в нем участие. Тем более, что он устроен в нашу честь, — закончил товарищ Кузьма, и пол-лица его растянулось в такой сердечной улыбке, что делегаты, затаив дыхание внимавшие ему, позабыли о его уродстве.

Завязалась непринужденная беседа, во время которой Самсон Даванадзе, осмелев, даже пошутил по поводу того, что левая часть лица товарища Кузьмы, безусловно, не соответствует его внутренней сути, что она не на шутку напугала всю делегацию и лично его, Самсона Даванадзе, но сейчас он счастлив от сознания, что страхи оказались беспочвенными и прозвище Грозный — действительно бессовестная выдумка врагов, ничего более.

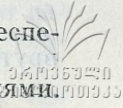
Кузьма засмеялся. Но его смех шел откуда-то изнутри, отдаленно напоминая раскаты морской бури, немало не отражаясь на лице.

— Этот шрам — тоже дело вражеской руки, — сказал он Даванадзе, прикладывая палец к застывшей двуглазой маске, — это лицо у меня только для врагов. Представьте, друзья даже не замечают его. Буду очень рад, если и вы перестанете обращать на него внимание.

V

Митинг, несмотря на то, что Кузьма Грозный не сошел на берег и на нем не присутствовал, вызвал всеобщее воодушевление.

Более двадцати моряков прибыли в гости к сухумцам. Выйдя из лодок — все в парадной форме — они строем явились на площадь. Лишь небольшая группа во главе с заведующим хозяйственной частью «Шмидта» направилась прямо на рынок. Самсон Даванадзе прикрепил к ней Раждена Торна, который должен был

принять все меры для полного и своевременного обеспечения корабля нужными продуктами.

Отряд, прибывший на митинг, встретили овациями.

Граждане Сухуми, окончательно убедившись в необоснованности своих страхов — матросы вели себя в высшей степени достойно и не помышляли бесчинствовать и грабить город — не помнили себя от радости. Они не знали, как выразить свой восторг перед гостями. Со всех сторон раздавалось:

- Да здравствует «Шмидт»!
- Да здравствует Октябрьская революция!
- Да здравствует социализм!

Сухумцы старались подойти к матросам поближе, сказать каждому что-нибудь приятное, заглянуть в лицо с вежливой улыбкой, дружески пожать руку.

Среди моряков нашлись красноречивые ораторы. Они выступили с такими зажигательными речами, что местные агитаторы были посрамлены.

В то время, как на трибуне один оратор сменял другого и назревала обстановка всеобщего братания, группа моряков, ответственная за продовольствие, миновала набережную и подошла к рынку. Василий Хританюк, находившийся в этой группе, и еще два матроса отстали от товарищей. Они вошли в палатку в самом начале пальмовой аллеи, неподалеку от места, где проходил митинг, и с жадностью набросились на жареные семечки, которыми торговала русская женщина. Между ними завязался разговор. Именно в этот момент Василий Хританюк бросил взгляд в сторону улицы и увидел нечто такое, отчего в глазах у него появился сумасшедший блеск. Вскинув голову, он бросился к выходу.

— Никак привидение? Свят, свят, — пробормотал он, выглядывая из палатки и сплевывая прилипшие к губам семечки.

Вдоль пальмовой аллеи шел Уджуш Эмха со своими приятелями. Их торопливый осторожный шаг оставлял впечатление, что они спешат укрыться в безопасном месте.

Блеск офицерских эполет на широких плечах Эмха ослепил Хританюка. Он не верил своим глазам. Выскочив из палатки, Васька поманил к себе товарищей и указал на удаляющегося офицера.

— Никак настоящий белогвардеец? Иль глаза врут?

— Похоже, казачий офицер!

Хританюк схватился за наган и бросился вдогонку за уходящими. Товарищи — за ним.

— Эй, господин офицер, остановись! — крикнул издали Хританюк, произнося слово «господин» с особенным нажимом.

Пятеро в чохах разом остановились и обернулись. Увидев бегущего к ним моряка, застыли на месте, как видно, не ожидая подобной встречи.

— Держи себя в руках, Уджуш, это он, наверное, тебя, — тихо бросили Уджушу приятели и тут же отошли от него. Какое-то время они стояли в отдалении, а когда Хританюк решительным шагом подошел к Эмха, скрылись за пальмами.

— Хочу представиться, господин офицер! Моряк с крейсера «Шмидт» Васька-пират. А ты кто? — вызывающе крикнул Хританюк, остановившись перед самым носом Эмха. Он весь подобрался, как бы готовясь к решительной схватке. Его взгляд, горящий ненавистью и презрением, жег Уджуша, на голой татуированной руке, лежавшей на револьвере, подрагивали стальные мускулы.

Эмха не шелохнулся. Выдержал раскаленный взгляд Хританюка и, сохраняя внешнее спокойствие, молча ждал дальнейших его действий.

Васька-пират расвирепел. Терпение его лопнуло — никаких сил больше не было смотреть на офицерские эполеты и золотой крест.

— Отвечай, слышишь! — крикнул он снова и резко занес левую руку над правым плечом Уджуша. Пальцы когтями впились в эполет, пытаясь вырвать его с мясом.

В тот же миг грянул выстрел, и Хританюк, бездыханный, навзничь упал на землю.

Все произошло так быстро и неожиданно, что товарищи Хританюка сперва даже не поняли, что случилось. Но когда тот, что был впереди, оценил ситуацию и выхватил револьвер, пуля, пущенная Эмха, уложила его рядом с Васькой-пиратом.

Третий матрос с оружием наизготове беспомощно озирался вокруг — целиться было не в кого: Эмха ис-

чез. Потеряв голову, моряк даже не заметил, как тот перемахнул через кусты, скрываясь за ними, пересек улицу и укрылся во дворе ближайшего дома.

И все же моряк дал несколько выстрелов и, повернувшись в сторону митинга, завопил: — На помощь, товарищи! Убивают!

При звуке первого выстрела участники митинга встрепнулись, наострив уши, замерли, оцепенели. Второй выстрел как бы и не услышали, стояли недвижно, затаив дыхание. И только крик моряка вывел всех из оцепенения. Поняли — случилась беда.

— Стройся! Плечо в плечо! — В наступившей тишине отчетливо прозвучал приказ старшего в отряде, и в мгновение ока двадцать человек отделились от остальной массы людей.

В толпе поднялось смятение, люди, сгрудившись, вспугнутой отарой переметнулись на противоположную сторону улицы, прильнули к стенам духанов и жилых домов.

На площади осталось несколько человек, они не знали, что делать, куда идти. Среди них выделялся рослый Самсон Даванадзе с непокрытой головой, растерянно озирающийся по сторонам. Рядом с ним стоял Нарик Эшба. Подняв вверх правую руку с растопыренными пальцами, он то ли призывал моряков остановиться, ничего не предпринимать, то ли делал какой-то знак толпе, смысл которого вряд ли был ясен ему самому.

В это время на площади появился оставшийся невредимым товарищ Хританюка. Он ревел, как раненый зверь, призывая товарищей рассчитаться с врагом.

Старший в отряде подозвал его к себе и подробно расспросил о случившемся. Захлебываясь, тот начал громко рассказывать, и Самсон Даванадзе с Нариком Эшба слышали все до последнего слова.

Вместе с остальными моряками они узнали, что какой-то белогвардеец, казачий офицер, кавалер Георгиевского креста напал на улице на трех моряков и стрелял в них, Василия Хританюка убил, а другого моряка ранил.

Внимание Даванадзе и Эшба привлекли несколько раз повторенные слова — «казачий офицер» и «Георгиевский крест». «Уджуш Эмха! Зарезал без ножа!» — мелькнуло у обоих в мыслях, ибо другого казачьего

офицера, кавалера Георгиевского креста они в Сухуми не знали.

Теперь, когда стало известно, что случилось и кто был виновником несчастья, Самсон Даванадзе вновь обрел прежнюю уверенность. Он уже твердо знал, что ему делать. Приосанившись, как бы став еще выше ростом, он подзвал к себе начальника милиции с несколькими его сотрудниками и громко, во всеуслышание, приказал закрыть все выходы из города, любыми средствами найти офицера Эмха и доставить к нему живым. Затем, повернувшись к толпе, он обратился к ней по-русски, чтобы каждое его слово было понятно морякам:

— Граждане! Тайно укрывшийся в нашем городе офицер Уджуш Эмха — наш погубитель. Он напал на улице на наших гостей и совершил чудовищное убийство. Эмха, — гремел его трубный голос, — наш внутренний враг, предатель! Единственное, что может спасти нас от праведного гнева, которого мы безусловно достойны, это если мы сами арестуем виновного, чтобы он понес справедливое наказание. Милиции уже дан соответствующий приказ о чрезвычайных мерах, но этого недостаточно, товарищи! Каждый из нас должен принять в поимке врага посильное участие. Наконец мы увидим, кто на что способен. Промедление равносильно смерти, пусть это знают все!

И Самсон Даванадзе утер ладонью холодный пот со лба.

VI

Немногочисленная делегация города Сухуми жалаась к лестнице в углу палубы. Делегация прибыла вместе с телом Хританюка и раненым моряком, чтобы выразить командиру корабля свое безмерное горе по поводу случившегося, должным образом объяснить ему, как произошел этот несчастный случай, и снять с себя всякую вину.

Глава делегации, достойнейший Бекирби Чачба, сопровождаемый Самсоном Даванадзе и Нариком Эшба, обнажив голову, стоял впереди остальных и молча смотрел на Кузьму Грозного, застывшего перед строем моряков на противоположной стороне палубы.

Чачба был одет в черную чоху, подпоясан простым

поясом с кинжалом. Вся его статная фигура, открытое лицо в обрамлении благородной седины выражали глубочайшее горе.

Кузьма стоял вполоборота к Чачба. Обращенный на князя изуродованный левый глаз пылал гневом.

На палубе царила тишина, изредка нарушаемая суетливым хождением по лестнице сухумских врачей, прибывших на корабль для оказания помощи раненому. Порой же далекий гул моря, всколыхнув воздух на палубе, пронесился к берегу и с рокотом, предвещавшим близкую бурю, налетал на холмы вокруг Сухуми.

Члены делегации с лихорадочным трепетом ожидали начала переговоров между командиром корабля и своим представителем. Но похоже, ни тот, ни другой не спешили нарушать тишину, хотя их напряженные позы говорили о том, что слова готовы сорваться с губ.

Жуткая внешность Кузьмы Грозного сковала язык Бекирби Чачба, ошеломила его. Хотя он был наслышан о ней и морально готов к встрече с командиром большевистского корабля, ужас, который внушил Кузьма Грозный, превзошел все ожидания. Князь отчетливо видел, как тот с брезгливой ненавистью кривит губы, будто собирается плюнуть ему прямо в лицо.

Тяжелое дыхание Кузьмы Грозного создавало атмосферу такой нетерпимости и вражды, что дара речи лишился не только Бекирби Чачба, но и стоящие рядом одеревенелые Даванадзе и Эшба.

А Кузьму Грозного так возмутили представшие перед ним делегаты с их идиотской угодливостью и церемонностью, в особенности блистательный барский вид Бекирби Чачба, что его мятежная натура взбунтовалась и отказывалась вступать в какой-либо контакт с этими чужими ему во всех отношениях людьми.

Под конец тишина стала невыносима для обеих сторон.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Кузьма Грозный всем телом, на-волчьи, повернулся к морякам — показал делегатам спину. В тот же миг его громоподобный голос оплеухой оглушил их:

— Я их мать... Устраивают мне здесь дурацкие церемонии — одурачить меня хотят! Плевал я на их княжеское кривлянье! Вахтенный!

И резким коротким шагом направился к лестнице, ведущей на ходовой мостик.

Вахтенный последовал за ним.

Не успели члены делегации опомниться, как вахтенный вернулся назад.

— Командир... — сказал он, обращаясь к делегатам, — приказал передать вам следующее: вам дается один час для того, чтобы доставить на корабль убийцу, белогвардейского офицера. По истечении этого срока в случае, если требование не будет удовлетворено, командир корабля прибегнет к мерам, которые сочтет нужными. А куда глава вашей делегации останется у нас заложником. Остальные могут возвращаться в город.

Сказав это, вахтенный вызвал из строя трех моряков и велел им отвести Чачба в трюм.

Прежде чем делегаты осознали, что происходит, три вооруженных моряка обступили Бекирби Чачба с трех сторон и увели вниз.

Вахтенный без слов указал делегатам на лодки, к которым уже был спущен трап.

* * *

Сухуми был охвачен паникой: горожане не сомневались, что корабль будет мстить за убитого моряка. Во что выльется эта месть, не знал никто, но то, что она будет жестокой и час ее близок, понимали все.

Понимали все и то, что поимка преступника, если не оградит их от грозящей беды, то во всяком случае облегчит наказание и даст возможность доказать свою невиновность.

Потому почти все население города — от мала до велика — потянулось к окраине Сухуми, туда, где находилась усадьба офицера Уджуша Эмха.

Особенную активность проявляла имущая часть горожан во главе с купцом Ражденем Тория, человеком прямодушным и решительным.

Что касается сухумской аристократии — представителей известных в Абхазии знатных родов, связанных с Эмха родственными узами, — она держалась в стороне и непосредственного участия в заварухе не принимала. Обычай требовал защиты прежде всего кровных интересов, и в данном случае их больше волновала су-

дьяба Уджуша, нежели защита имущества сухумских купцов и богатеев, хотя, конечно, они ничем не выдавали себя.

Милиция и большая часть горожан позаботились в первую очередь о том, чтобы перекрыть все выходы из города. Другая часть горожан двинулась в ближайшие села поднимать людей на поиски Эмха, если ему удалось ускользнуть из города. А остальные во главе с Ражденом Ториа оцепили усадьбу Уджуша.

Наиболее смелые из горожан вслед за милицией с криками ворвались в дом. Но здесь их встретили только два человека: пожилая женщина в черном, вдова Шоухар, мать Уджуша, и ее двенадцатилетняя дочь Лили, младшая сестра Уджуша.

— Моего сына нет дома, он, очевидно, скоро будет, у него и спрашивайте, — сказала представителям власти и горожанам мать Уджуша.

Ее моложавое лицо было бледно от страха, но большие увлажненные невидимыми слезами глаза выдавали сильную волю. Собрав остатки мужества, она пыталась сохранить привычное самообладание, держалась с обычным для нее достоинством и, несмотря на то, что гости были незваные, не изменила своей учтивости.

На каждый вопрос она неизменно отвечала одно и то же:

— Моего сына нет дома, он, очевидно, скоро будет, у него и спрашивайте.

Маленькая Лили жалась к матери. Большие глаза, беспокойно перебегавшие с одного лица на другое, выдавали охватившее все ее существо потрясение и страх.

Гости обыскали комнаты. Затем бросились к строениям во дворе — кухне, конюшне, кукурузнику, но Уджуша нигде не было.

Обозлившись, Ражден Ториа снова кинулся к Шоухар.

— Где находится молочный брат вашего сына Хакки Адзба — это-то уж вы наверняка знаете?! — крикнул он.

Шоухар покачала головой и, помедлив, ответила:

— Не знаю.

Тон, которым были произнесены эти два слова, да-

вал понять зарвавшемуся купцу, что он не достоин ее ответа, но она вынуждена подчиниться обстоятельствам.

Ториа подбежал к старшему милиционеру. Между ними завязался тихий разговор, после которого старший объявил, что мать и сестра Уджуша Эмха арестованы.

Их поместили в углу на веранде и приставили к ним двух милиционеров.

Это произошло в тот самый момент, когда делегаты вернулись с корабля и Самсон Даванадзе своим трубным голосом возвестил горожанам о жестком ультиматуме командира «Шмидта» и пленении Бекирби Чачба. Весть, привезенная городским головой, с быстротой молнии облетела город, вызвав еще большее смятение, правда, по разным причинам.

Большую часть горожан ошарашил суровый ультиматум командира корабля, особенно отпущенный на его выполнение срок — один час — который всем показался чрезвычайно малым. Что касается судьбы Бекирби Чачба, она мало взволновала горожан, они просто пропустили мимо ушей известие о его пленении. Один час срока жег их сознание, ни о чем другом они думать не могли.

— Всего час... Мы пропали! — беспомощность и отчаяние звучали в этих словах.

И тогда Ражден Ториа бросил свой ужасный клич:

— Спалим усадьбу нашего погубителя! Смерть членам семьи Эмха!

И тысяча голосов подхватила:

— Смерть! Смерть Эмха!

В той же толпе особняком стояла группа людей, которых потрясло известие о пленении Бекирби Чачба. Ультиматум большевиков никак не задел их, но тот факт, что Чачба оставлен заложником на корабле, так напугал их, как будто крейсер «Шмидт» уже навел свои пушки на город и вот-вот сметет его с лица земли.

Эта группа состояла из известных в городе князей, постоянно проживавших в Сухуми или случайно в тот день оказавшихся здесь. Среди них были лица, пользующиеся большим влиянием и авторитетом в Абхазии, февральская революция еще не пошатнула их общественного положения. До той поры, пока князья не знали о пленении достойнейшего Бекирби Чачба, своей без-

действительностью они безусловно тайно покровительствовали Эмха. Возможно, иные из них даже знали, где укрывается Эмха, не исключено, что он поддерживал кое с кем тайную связь.

Арест Шоухар и маленькой Лили еще не решал для князей вопроса — жертвовать Уджушем или нет. Этот арест можно было снести. Но задержание Бекирби Чачба вместо виновного Эмха серьезно осложнило дело, так как представляло реальную угрозу для жизни Чачба.

Последнее обстоятельство неожиданно изменило положение и решило судьбу Уджуша Эмха. Сама мысль о возможности выбора между Чачба и Эмха была недопустимой.

Безусловно, жертвовать надо было Уджушем.

VII

Это был первый в тревожной жизни Уджуша Эмха случай, когда в момент смертельной опасности рядом с ним не оказалось преданного ему душой и телом Хаки Адзба, его молочного брата. Поэтому, как ему казалось, у него и не было твердой уверенности в благополучном исходе всей этой истории, надежда, которая и в более трагичной ситуации придавала ему силу льва и бесстрашие тигра, вдруг оставила его.

Не чуя под собой ног, он бежал дворами. Соперничая в ловкости с оленем, одним прыжком преодолевал улицы. И все звал Хаки то во весь голос, то тихо, просебя:

— Хаки! А, Хаки! Где ты, отзовись!

Чувство безысходности было более невыносимо, чем мысль о смерти. Нет, не страх терзал ему душу и порождал в сознании черный лик смерти. Он с радостью, если бы мог, променял бы это чувство на страх. То было продолжение удивительного предчувствия, которое еще утром в гостинице, до появления крейсера «Шмидт», во сне явило ему страшную картину смерти и было осознано им как неотвратимый рок, как неизбежное проявление непостижимой силы, действующей независимо от него.

Вскоре он очутился возле своей усадьбы. У калитки остановился, позвал Лили.

Услышав голос любимого брата, Лили выбежала во двор.

— Уджуш, родной, что с тобой? — испуганно закричала она, меняясь в лице.

Только сейчас Уджуш понял, что все еще держит в руке револьвер. Грудь его тяжело вздымалась, казалось, внутри у него бушует пожар.

— Где Хаки? Говори скорей!

— У своего дяди Каца, с утра ушел туда. Что случилось, Уджуш?

— Я убил двух русских матросов, маме скажи — это рок. За мной гонятся, наверное, придут и сюда. Передай Тоухану Маршан — пусть повидает меня. Никому больше ни слова.

Он отпрыгнул в сторону и побежал.

— Прощай, Лили! — сердце его сжалось, не останавливаясь, он еще раз взглянул на сестру. И так неожиданно скрылся, что Лили едва успела проследить за ним затуманенным от слез взглядом.

* * *

Молочный брат Уджуша Эмха Хаки Адзба узнал о приходе большевистского корабля и митинге на берегу в доме своего дяди Каца Адзба. Самого Каца, известного в Сухуми маклера, дома не оказалось.

— Как это ты не знаешь, Хаки, что большевики зашли в порт и на берегу устроен большой митинг? — спросила его жена Каца. — И дядя твой пошел туда. Ожидаются интересные события!

— Уджуш! Надо найти его! — воскликнул Хаки, услышав о большевиках. Само слово «большевик» как для его молочного брата, так и для него означало величайшую опасность. Такое представление о большевиках сложилось у Хаки исключительно благодаря Уджушу. К тому же он еще не забыл ужасы гражданской войны в России, через которые ему пришлось пройти вместе с Уджушем. Хаки поспешил в порт. Он никогда не расставался со своим оружием — любимым приобретенным на австрийском фронте карабином, небольшим кинжалом и «Смит и Вессоном» в расшитой золотом кобуре.

Хаки был ровесником Уджуша. Вся Абхазия зна-

ла этого простого крестьянского парня как молочного брата Эмха, который никогда не разлучался с ним. Небольшого роста, худощавый, но ладный, стройный, он был гибок и ловок, как дикая кошка. Зимой и летом ходил с непокрытой обритой головой — башлык всегда перекинут через плечо. Черные как смоль усы и борода почти скрывали его лицо. Брови черными крыльями нависали над глазами. При разговоре они то и дело взметывались, открывая глубоко сидящие глаза, стрелой пронзавшие собеседника.

По дороге в порт Хаки заглянул повсюду, где, по его предположению, мог находиться Уджуш. В гостинице ему сказали: был ночью, утром ушел. Назвали, с кем ушел. Хаки отправился на митинг. По обыкновению, стал в стороне от толпы. Заметив поблизости знакомых, подошел, спросил об Уджуше, но тот как в воду канул.

В это время прогремел выстрел, и митинг дрогнул. Хаки насторожился, превратился в слух. Непонятная тоска сжала сердце, кольнул страх за Уджуша. Хаки невольно схватился за карабин, весь напряжился.

Когда Самсон Даванадзе во всеуслышанье заявил, что убийца — Уджуш Эмха, Хаки застонал, как смертельно раненый зверь, и нырнул в толпу, незамеченным выбрался из людского моря и бросился туда, откуда раздались выстрелы.

В конце обезлюдившей аллеи он увидел два распростертых на земле тела.

— Хаааааит! — вырвалось у него, и этот возглас напомнил рык внезапно испугавшегося зверя. На мгновение он замедлил бег, посмотрел по сторонам — нет ли где Уджуша...

— Ушел... — сказал самому себе.

Тут же мелькнула мысль: наверняка ко мне подался, и сломя голову Хаки помчался по ближайшему переулку.

Лили еще стояла у калитки, когда появился Хаки.

— Где он? — крикнул Хаки, жестом повторяя свой вопрос.

Лили молча указала рукой в ту сторону, куда скрылся Уджуш. Хаки, не останавливаясь, промчался мимо.

В три прыжка он нагнал Уджуша. Тот повернулся, и Хаки стал перед ним. Взглянул на него из-под взмет-

нувшихся бровей: в глазах были вопрос и полное сочувствие. Уджуш почувствовал, как к горлу подкатил ком.

— Они напали на меня... — с трудом произнес он.

— Знаю... Надо бежать отсюда! Горы — вот где наше спасенье. За мной.

Не выпуская из рук карабина, Хаки бросился вперед. Движения его были ловки и точны. Он спешил к дому Каца Адзба, где думал взять лошадей.

Эмха вдруг успокоился. От сердца отлегло. Не раздумывая, он последовал за молочным братом.

Вскоре показался дом Каца Адзба. И тут топот копей, крики, многоголосый шум огласили окрестности.

Хаки замер. Огляделся. Прислушался. Людская волна, схлынувшая с морского берега, уже заполняла улицы. Хаки увидел кипящий гребень этой волны.

— Эхахаи, опоздали!

Они вбежали во двор Каца Адзба. Возле конюшни остановились.

Когда жена Каца увидела в своем дворе вооруженных Хаки и Уджуша, у нее от страха подкосились ноги.

— Что случилось? — вскричала она.

Хаки приложил палец к губам и пригрозил ей карабином, знаками приказывая прикусить язык и войти в дом.

Они вбежали в конюшню, прикрыли за собой дверь и затаили дыхание.

Шум толпы нарастал, казалось, гигантская волна захлестывает окрестности. Вмиг весь район оказался полным людьми.

Не могло быть и речи о бегстве, тем более на лошадях. Надо было искать другой выход, другую возможность. А пока они приготовились к борьбе: забаррикадировали дверь, выбрали в стене щели побольше, у одной сел Хаки с карабином в руке, у другой — Эмха с револьвером. Разумеется, ни тому, ни другому не пришлось в голову сдаться.

Мысль Хаки работала в ином направлении. Он все думал, как выбраться из этой конюшни, которую считал весьма ненадежным убежищем. Проще всего, думал он, переодеться в лохмотья, смешаться с толпой и незаметно уйти из города.

А Уджуш Эмха надеялся на своих влиятельных родственников, особенно на изворотливого двоюродного

брата Тоухана Маршан, которого он вызвал через сестру.

Людская волна, хлынувшая в город, увлекла за собой и Каца Адзба, и вскоре он появился во дворе своего дома. Увидев дядю, Хаки почувствовал себя увереннее и тихо свистнул ему. Но в общем гаме толпы, рассосавшейся по улицам и переулкам, Кац не услышал сигнала и вошел в дом. Жена тут же выложила ему новость, которая как громом поразила хозяина дома.

— Не пощадил меня Хаки, не пощадил! — Кац выскочил во двор, бросился к конюшне.

Даже сквозь щель Хаки увидел, что лицо у дяди перекослено от страха. Поэтому как только тот подошел к двери конюшни, тихо сказал:

— Не бойся, Кац, ты тут ни при чем. Слушай меня: возвращайся назад, собери в узел старую ношеную одежду, какая найдется в доме, и тащи сюда. Мы уйдем, ничего с твоей конюшной не будет.

— Да черт с ней, с этой конюшной, Хаки, ты... — дрожащим голосом начал Кац, но Уджуш прервал его.

— Кац, мы спрятались у тебя, но ты ведь не знал об этом и теперь как будто тоже ничего не знаешь. Не злись на Хаки.

— Мы вынянчили тебя, Уджуш, и обязаны умереть за тебя, — ответил Кац и пошел к дому.

Уджуш бросил ему вслед:

— Кац, я позвал Тоухана Маршан, если он появится, доверься ему, приведи сюда.

Кац быстро вошел в дом, с помощью жены собрал кое-какое старье — разорванную чоху, ахалухи, башлык, обувь, связал все это в узел и собирался уже выйти во двор, как в дом неожиданно вошли трое — Тоухан Маршан и два однофамильца Уджуша — Эмха.

— Кац, ты должен отвести нас к Уджушу! — на Тоухане была короткая коричневая чоха. Газыри и пригнанные по запястью края рукавов отделаны темнокоричневой шагренью. Обе руки его лежали на рукояти кинжала. Ноздри крючковатого с горбинкой носа с трудом справлялись с учащенным свистящим дыханием — он был явно взволнован.

— Уджуш сам дожидается Тоухана Маршан, ответил Кац, бросая косой взгляд на спутников Тоухана.

— Это свои, — успокоил его Маршан, — веди!

VIII

Они прослезились при встрече, Уджуш и Тоухан Маршан. Долго не разнимали скрепленных в рукопожатье рук. Маршан, растроганный искренним сочувствием, с трудом сдерживал рыдания.

Долгое время молчали.

— Что мне оставалось делать, — сказал наконец Уджуш, — они напали на меня.

И вновь воцарилось молчание.

— Шоухар и Лили арестовали, — пряча глаза, подал голос Тоухан.

— Ни на что больше они не способны, щенки! — процедил Хаки, не отрываясь, однако, от своей щели.

Уджуш резко отнял свою руку, отступил на шаг, напряжился.

— Арестовали мать? И Лили? — он не смог поймать взгляда Тоухана и посмотрел на однофамильцев, как бы требуя подтверждения его словам.

— Слушай меня, Уджуш, большевики оставили на корабле заложником Бекирби Чачба. Они дали один час сроку, чтобы...

Эмха рванулся к Тоухану, схватил его за плечи, потряс.

— Дальше? — спросил он, задохнувшись. — Чтобы что, Тоухан?

Маршан умолк.

После небольшой паузы заговорил один из Эмха.

— Ваиваиваи, Уджуш! Избранные князя Абхазии и твои близкие решили так: Бекирби Чачба нельзя приносить в жертву, что и просили передать тебе. И то сказали: вся Абхазия вмешается в это дело и спасет Уджуша от смерти.

Снова воцарилась недолгая тишина. Затаив дыхание, все смотрели на Уджуша.

— Мне все ясно, братья. Раздумывать я не буду. Это значило бы обесчестить себя в ваших глазах. Не надо лишних слов. Я готов явиться, — сказал Уджуш, и кровь прилила к его восковому лицу.

Тут Хаки вскочил с места и встал между Уджушем и Тоуханом, заискивающе заглядывая в глаза то одному, то другому. Землистого цвета губы растянулись в гримасе, обнажив белые зубы.

— Дай... дай мне слово сказать. В таком деле глупо пороть горячку. Послушайте меня: нет на свете такого закона, по которому вместо виновного могли бы засудить ни в чем не виноватого. Ничего не станется с Бекирби Чачба. Он человек знатный, считается предводителем всей Абхазии, его не посмеют тронуть. Какие-то неприятности, что и говорить, будут, ну подержат немного и все такое, но убивать-то не станут! Вы вот сказали, если Уджуш явится, вся Абхазия вмешается в это дело, но ведь выручить невинного Бекирби Чачба гораздо проще?! А Уджуша, как он только попадет в руки к большевикам, сразу же пустят в расход. Это так же верно, как и то, что сейчас нам светит солнце, господин Тоухан, а ты, я ведь знаю, любишь Уджуша. Потому он и позвал тебя, чтобы ты помог ему в беде. Не обрекай на смерть Уджуша. Прости его молочному брату этот попрек.

— Хаки! — в голосе Уджуша звучал гнев. — Я сказал: не надо лишних слов. Помолчи!

— Это, конечно, нахальство со стороны простолюдина перечить сиятельным князьям, но, пока я жив, Уджуш, я не дам пролиться твоей крови. Мой отец, твой воспитатель, умирая, завещал мне: знай, Уджуш — твое солнце, я дал тебе жизнь для того, чтобы ты пожертвовал ею, когда будет нужда в этом. Моя мать, твоя кормилица, слышала его слова и может подтвердить их.

Уджуш взял Хаки за руку, отвел от Тоухана, поставил рядом с собой.

— Помолчи, Хаки, — приказал он, но в голосе его звучала ласка, и уже обращаясь к Тоухану, продолжил, — я прекрасно понимаю, Тоухан, для чего ты пришел. Наверное, это — единственный выход. Был бы другой, лучший, ты бы мне его предложил. Я верю в это, как в твою дружбу. Прости Хаки, ты же его знаешь. — Он помолчал, потом добавил: — Меня волнует сейчас только одно, Тоухан, я не хочу добровольно сдавать оружие врагу, прошу, прими его ты.

В ответ Тоухан Маршан раскинул руки, заключил Уджуша в объятия и горько зарыдал.

В сопровождении Тоухана Маршан и двух Эмха Уджуш, уже без оружия, вошел в двор своего дома. Здесь было полно народу, милиция продолжала обыск.

— Уджуш Эмха! Уджуш Эмха! — слышалось со всех сторон.

И вдруг отчаянный детский крик перекрыл общий шум:

— Уджуш! Дорогой! Уходи отсюда скорее! Уходи, Уджуш, уходи, любимый! — это кричала Лили, которая, увидев брата, стала рыдать и царапать себе лицо.

Родственники Уджуша встретили его у калитки. Окружили, стали подбадривать. Одобрили его мужественный поступок, похвалили за то, что прислушался к слову старших и явился сам.

— Другого выхода нет, Уджуш, но ты не бойся, смерть тебе не грозит.

Самсон Даванадзе с довольным видом подошел к Уджушу. Поздоровался, сняв шляпу. И руку пожал. От имени города поблагодарил, что своевременно явился, и под конец сказал следующее:

— Мне очень жаль, князь, что с вами приключилась эта весьма прискорбная история и мы вынуждены склонить голову перед необходимостью. Будьте уверены, мы приложим все усилия, чтобы облегчить вашу участь.

И изобразил на лице сочувствие.

Тут появился начальник милиции. Не успел он подойти к группе князей, стоявших вокруг Уджуша, как перед ним откуда ни возьмись вырос Хаки Адзба. Почтительно кивнув, он снял с плеча ружье и, держа его на ладонях, протянул удивленному представителю власти.

— Я — Хаки Адзба, господин начальник, молочный брат Уджуша Эмха. Меня знают все, кому известно блистательное имя Эмха. Прости, что остановил тебя, но я должен сделать заявление и могу поклясться, что буду говорить правду. Я был с Уджушем Эмха в тот момент, когда на него напали моряки. Потому-то я и ношу оружие и неотлучно нахожусь при воспитанике моей матери, чтобы оберегать его от всяческой опасности. Я и выстрелил в напавших на него и двоих уложил. А Уджуш Эмха и не дотрагивался до оружия.

Да, я — убийца тех моряков, господин начальник, арестуйте меня и доставьте, куда следует. Вот вам мое ружье, мой револьвер и мой кинжал. А Уджуш Эмха тут ни при чем, прошу его не трогать.

И он сложил к ногам изумленного милиционера свой карабин, револьвер и кинжал.

Вокруг все смолкло, и воцарилась напряженная тишина.

Первой ее нарушила группа князей, окружавших Уджуша Эмха. Хаки еще не кончил говорить, как их охватило какое-то волнение, а Тоухан Маршан вдруг изо всех сил обхватил Уджуша, не давая ему возможности шевельнуться. Это произошло в тот момент, когда Уджуш, услышав «признание» Хаки, рванулся было к молочному брату, чтобы опровергнуть его слова. Единственное, что он успел сделать, это угрожающе крикнуть: — Хаки!

Но тут же чуть ли не пять княжеских ладоней прикрыли ему рот.

— Молчи, Уджуш!

И так тесно обступили, чуть ли не повисли на нем, что он стал задыхаться.

— На то он и молочный брат, чтобы жертвовать собой ради тебя. Правильно делает. Смотри, ни звука.

— Хаки — плебей, большевики примут его за своего и, может случиться, не расстреляют. А ты — офицер, тебя-то уж не помилуют. Молчи, не мешай Хаки, — нашептывали ему со всех сторон.

Но Уджуш не унимался.

Краем глаза Хаки видел, как он пытается вырваться из княжеских «объятий». Пятясь, он поравнялся с их группой, чудно вытянул шею и, скрежеща зубами, прошипел прямо в ухо Уджушу:

— Клянусь тобой, Уджуш, если ты не уймешься, я прирежу тебя собственными руками, а потом отдам себя на растерзание бешеным псам.

Поначалу никто не усомнился в правдивости заявления Хаки. Для тех, кто знал его лично или слышал о нем, не было ничего удивительного или невероятного в его словах: ради Уджуша он убил бы десятерых и глазом не моргнул бы. Но смятение в компании князей, шепот, выкрики Уджуша и последующее поведение Хаки навели некоторых на мысль, что Адзба, желая спа-

сти Уджуша, берет вину на себя. Это также вполне соответствовало характеру Хаки, который, все это знали, был так предан ему.

Действия Хаки представились уже в ином свете, особенно тем, кто находился в непосредственной близости от Уджуша. Самсону Даванадзе и Нарикку Эшба стало ясно, с каким умыслом действовал Хаки Адзба. Они также не возражали против его самопожертвования, но, поразмыслив, пришли к выводу, что версия Хаки не пройдет, они не смогут представить его Кузьме Грозному как убийцу. Это могло бы повлечь за собой еще более серьезный конфликт: Хаки никак не походил на белогвардейца, офицера царской армии, которого наверняка видели, и, возможно, запомнили как оставшийся целым и невредимым моряк, так и тот, кого ранил Эмха, — живые свидетели схватки.

Под конец вопрос разрешился безболезненно для представителей власти и опять же благодаря Уджушу Эмха. Он наконец вырвался из рук родственников и заявил начальнику милиции и городскому голове:

— Я убил моряков, я сдаюсь. Прошу немедленно освободить Бекирби Чачба и мою мать. Готов следовать за вами.

Но Хаки и тут не растерялся.

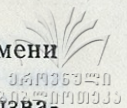
— Он хочет вызвать меня и оговаривает себя, потому что я из-за него убил моряков! — орал он и призывал мать Уджуша образумить сына.

Для очень многих так и осталось неясным, кто был истинным убийцей, а кто оговаривал себя.

Тогда, получив соответствующее распоряжение Самсона Даванадзе, начальник милиции объявил, что власти Сухуми выдадут командиру «Шмидта» обоих, пусть он разрешит их спор.

IX

Близился вечер, когда Самсон Даванадзе с Нариком Эшба спустили в моторку Уджуша и его молочного брата и, не оборачиваясь на город, понеслись к крейсерам. Погода, обычно непостоянная в Абхазии, уже изменилась: над горизонтом сгустились стального цвета тучи, предвещавшие непогоду. Море, недавно такое безмятежное, забелело барашками. Откуда-то с дальних

просторов доносился неясный рокот, время от времени захлебывавшийся где-то на полпути к берегу.

Появление офицера Эмха на борту крейсера вызвало большое волнение среди моряков. Эмха сразу же узнал среди них уцелевшего товарища Хританюка.

— Вон этот стрелял в нас, товарищи, этот подонок убил нашего Ваську-пирата! — крикнул тот, тыча пальцем в Уджуша и тараша налитые кровью глаза.

И тут сгрудившиеся вокруг сухумцев матросы, человек десять, взревели в один голос:

— За борт их, товарищи!

— Хватай буржуйское отродье, в море вверх ногами!

Угрожающе сжав кулаки, они стали надвигаться на сухумцев. Воздух сотрясала ругань всех мастей.

— Остановитесь, товарищи! — взмолились Даванадзе и Эшба. — Мы прибыли к вашему командиру. Доложите ему! — они отскочили в сторону, чтобы не оказаться подмятыми моряками.

Хаки Адзба побледнел как смерть. Он озирался по сторонам, словно зверь, неожиданно попавший в западню. Не видя никакого выхода из создавшегося положения, весь напрягся, выпятил грудь и, прыгнув вперед, как щитом, заслонил собой Уджуша.

— Срывай эполеты с этой сволочи!

Голоса смешались. С десятков железных кулаков обрушились было на голову Эмха, но Хаки принял удары на себя. С поразительной ловкостью подставлял он под чугунные кулаки то голову, то плечи, то локти, лишь бы они не задели Уджуша, и скалил клыкастые зубы.

Его изрядно поколотили, намяли шею. Лицо разбили в кровь. Но он не сдавался.

— А это еще кто, черт возьми! — ахнул от изумления верзила-моряк. — Мешается здесь под ногами! — Он сгреб малорослого Хаки в охапку, поднял над головой и помчался к борту, чтобы вышвырнуть его в море.

Но тут раздался голос Кузьмы Грозного:

— Стой!

И моряки застыли на местах.

Эмха, на котором разорвали чоху, и Хаки, которого чуть не выбросили за борт, были спасены от смерти.

Самсон Даванадзе и Нарик Эшба в ужасе бросились к Кузьме, моля защитить их.

На палубе стало тихо.

Эмха стоял, как изваяние, сложив на груди руки. Взгляд его был опущен, лицо бледно как полотно. Лишь тонкие чувственные ноздри выдавали, что в нем еще теплится жизнь.

Кузьма Грозный обратил на него оба своих лица с тремя глазами.

Тишина длилась.

Высвободившись из железных лап верзилы-моряка, Хаки Адзба увидел, что Уджуш Эмха цел и невредим. Ликующе оскалив зубы, он издал ужасающий клокочущий рык, безусловно свидетельствующий о его радости, вызванной тем, что он видит Уджуша, но в то же время определенно смахивавший на рев смертельно раненого зверя. Он прошествовал своим легким шагом вдоль строя моряков, подошел к Уджушу и снова встал перед ним, прикрывая его собой. И опять напряжился, и уставился отупевшим безжизненным взглядом на командира «Шмидта».

Моряки невольно переглянулись и с удивлением стали разглядывать этого странного человека.

В это время Самсон Даванадзе, вытянувшись в струнку и чуть наклонившись к Кузьме, негромко докладывал ему об офицере Эмха и Хаки Адзба. Затем как бы между прочим, вскользь, напомнил об обещании освободить Бекирби Чачба.

— Кто настоящий преступник? — прервал Кузьма городского голову.

— Товарищ командир, этот офицер стрелял в нас, — подал голос моряк, свидетель убийства, прежде, чем онемевший вдруг Даванадзе успел что-либо вякнуть, — а этого вот, чистый бес, там и в помине не было.

— Эй, капитан! — крикнул вдруг Хаки Адзба порусски с абхазским акцентом. — Это я убил твоих моряков и... — он провел ребром ладони, как ножом, по щеке, как бы говоря: на, руби мне голову, — чего же тебе еще надо?!

Кузьма Грозный взглянул на Даванадзе.

— Это правда или он наговаривает на себя?

Даванадзе опустил голову, как-то двусмысленно промолчал.

Кузьма медленно подошел к Хаки.

— Он не в себе, — нарушил вдруг молчание Эмха, — оставьте его. И прошу, верните его назад. Я кто вам нужен.

Ткнув пальцем в Эмха, Кузьма приказал двум морякам отвести его в трюм, где сидит Чачба, а последнего освободить.

Два моряка стали по бокам Уджуша. Хаки Адзба, как подкошенный, упал перед Кузьмой на колени.

— Эй, великий капитан! — взмолился он, скрещая на груди руки. Слезы брызнули у него из глаз.

Кузьма молча смотрел на Хаки. На его суровом лице мелькнуло выражение гадливости, которое вдруг сменилось невольной жалостью.

— Ты, раб, именем крейсера «Шмидт» дарую тебе свободу. Иди и забудь своего господина.

— У меня к тебе одна просьба, великий капитан, — снова взмолился Хаки, — позволь мне остаться здесь, на корабле, ничего больше мне не надо. Позволь остаться, слышишь, капитан?!

Это был голос мужественного человека, хотя мольба, звучавшая в нем, в какой-то степени унижала его.

После недолгой паузы Кузьма произнес:

— Оставить!

...Как только сухумцы, в том числе и Бекирби Чачба, спустились в катер, на корабле взвыла сирена: это был сигнал — приготовиться к немедленному выходу из порта.

Х

Тихий ясный день сменился ненастной ночью. Окутанное мглой море неистовствовало, казалось, хотело затопить, разрушить весь мир.

Небо пропало.

Только черные тучи низко носились над морем и стелились над самой его поверхностью.

Огромные, высотой с гору, волны с грохотом обрушивались на берег, будто бомбили его. Их грозный налет походил на атаку окутанных клубами дыма танков.

Черный смерч, исторгнутый морской бездной из собственной утробы, с безумным ревом и свистом носился по морю, играючи, как мяч, подбрасывал вверх огром-

ные водяные глыбы, то ужасающе завывал, круша и ломая все на своем пути, то злобно громыхал, мелькая по окраинам черного пространства стрелами черных молний.

Его яростный разгул в беспросветном мраке напоминал прерывистое дыхание первозданного хаоса.

Перевалило за полночь, когда в открытом море к безумству разнузданной стихии примешался посторонний звук, как вызов, бросаемый в борьбе, и неистовая плоть мрака оказалась расколотой, разъятой прямым, как стрела, лучом света, вторгшимся в самое сердце почищ туч и волн и раскидавшим их в стороны.

Это был крейсер «Шмидт», скроенный из железа и стали гигант. Он отважно прокладывал себе путь в глубь моря, вооруженный огнем, паром и несгибаемой волей воинов-моряков.

Корабль валяло с боку на бок. То он шел носом вниз и, казалось, вот-вот его поглотит пучина, то ложился на бок, потом на другой — но все ему было нипочем. Не переставая пыхтеть и гудеть, он все шел и шел вперед.

Кузьма Грозный стоял на ходовом мостике. Держась правой рукой за металлическую стойку, левой он управлял прожектором. Подавшись широкой грудью вперед, он смотрел прямо перед собой, как бы бросая вызов темным силам ополчившейся стихии, и время от времени отдавал команду.

В угол мостика забился Хаки Адзба. Дрожа всем телом, он приник к металлической стойке, чтобы не окатиться смытым волной. Причудливые желтоватые блики от света, выбивавшегося из-за заднего щита прожектора, освещали его. На нем была только чоха, голова по обыкновению непокрыта. Понурое лицо отливало желтым цветом, желтыми же казались и глубоко сидящие глаза. В них трепетал желтый страх, который, однако, не мог погасить таинственного блеска, поднимавшегося, как казалось, со дна души.

Как только раздавался приказ Кузьмы, Хаки начинал моргать и вращать глазами, втайне замирая на месте. Затем, словно взывая к богу, говорил Кузьме:

— Ты — великий человек, капитан! Да, великий, очень великий!

Это звучало почти как заклинание. Тщательно скры-

ваемая лесть и поддельная почтительность, смешанные с чувством преданности и покорности, слышались в его голосе.

— Я повинуюсь тебе, капитан, больше никому. Тебе даже буря покорна, капитан! Ты великий, очень великий. Позволь послужить тебе бедному крестьянину Хаки Адзба, преданнее человека у тебя не будет.

Хаки говорил с паузами, ловя момент, когда на миг стихали вой ветра и рев моря, чтобы каждое его слово достигло ушей Кузьмы, он метил их так же точно, как точно, без промаха, бил в цель из своего любимого карабина, ни разу в жизни не промахнувшись.

Кузьме было не до этого странного абхаза. Но поскольку Хаки не требовал ответа и не отрывал его от дела, он не мешал ему говорить; кроме того, у командира «Шмидта» было и другое соображение — он хотел сблизиться с этим человеком, войти в доверие к нему.

Дело в том, что Хаки Адзба с самого начала удивил Кузьму Грозного. Сперва он не поверил в его самоотверженность и преданность белогвардейскому офицеру: решил, что князя принудили верного, но неосознательного крестьянина пожертвовать собой ради спасения жизни господина. Однако разобравшись в истинном положении дела, он так вознегодовал, что классовую слепоту Хаки воспринял как нанесенное ему оскорбление и решил поближе познакомиться с этим редкостным типом, попытаться «обработать» его. Кузьма не верил, что в сознании абхазского крестьянина не найдется и маленького клочочка для восприятия элементарной революционной идеи. Дух состязания овладел старым революционером. И пока внезапно усилившийся ветер не превратился в шторм, Кузьма беседовал с Хаки, подробно расспросил о его жизни, обласкал. Как будто даже сдружился с ним.

Хаки Адзба разгадал замысел Кузьмы. И стал подыгрывать ему. В глубине души затеплилась надежда, которая испарилась, когда он поднялся на корабль и увидел, как настроены моряки. Он почувствовал себя раскованнее, природная острота его ума как бы удвоилась. Отношение к нему Кузьмы он воспринял как выпавшее на его долю счастье из сказки, которое выводит всех героев целыми и невредимыми из всех передраг. Он мобилизовал весь свой жизненный опыт, все до-

«стоинства, какими только обладал — смекалку, проницательность, смысленность — и все это пустил в ход, чтобы завоевать любовь и доверие Кузьмы.

* * *

— Я буду бороться на твоей стороне, капитан, — продолжал Хаки Адзба в интервалах между ревом волн и порывами урагана. Он говорил осторожным, в меру вкрадчивым голосом, чтобы не быть помехой Кузьме, не отрывать его от дела. Кузьма действительно слушал его вполуха — несет себе человек чепуху, не стоит обращать на нее внимания, как на шлепок одинокой оторвавшейся от волны капли или дуновение вялого ветра.

— У тебя много врагов, капитан, очень много. Я это знаю. Хорошо бы иметь одного-двух верных людей, которые поддержали бы тебя. Ты стал бы еще сильнее. На войне каждый человек — сила, капитан. Сам прикинь. Только они должны быть что надо... Прикажи, распорядись, натрави на врага и, если они его не прикончат, пусть сами лягут костью. Тебе-то что... Глаза у них должны быть зоркие, сердце и грудь — крепче железа. Кто знает, где и когда они тебе сгодятся. Хорошо, капитан, очень хорошо, если в бою у тебя под рукой окажутся еще два видавших виды человека.

Кузьма Грозный так и не уразумел туманной философии «одного-двух» человек, о которых толковал Хаки Адзба. Он твердил что-то непонятное, и Кузьма приписал это плохому знанию русского языка. И поскольку Кузьме было недосуг вдумываться в то, что говорил Хаки, он отвечал ему так:

— А ведь ты, Хаки, до сих пор был на стороне нашего смертельного врага. И поддерживал его, когда он одного нашего товарища убил, а другого ранил... А оба они боролись за свободу таких, как ты, — рабочих и крестьян... Наш враг — это твой враг, помни об этом!

— Хааахаит! Несчастный я слепец! Я достоин смерти, капитан!

А Кузьма продолжал:

— Ты даже хотел пожертвовать собой ради него, лишь бы спасти его. Объявил себя предателем своих же братьев... Тот, кого убил твой князь, был простым кре-

стьянином, потом работал чернорабочим. Едва сводил концы с концами, содержал жену и малых деток... Их у него двое, старшему только три года...

— Хааахаит! Вот несчастье, капитан! Поверь мне, сердце болит у меня за него! Жалею его, как брата. Плакать хочется, а ведь я никогда не плакал, капитан... Сейчас вот плачу... Вахахаиа, брат мой, вахахаиа!

И Хаки несколько раз хлопнул себя ладонью по лбу и запричитал, заголосил, как профессиональная плакальщица.

Не веря своим ушам, Кузьма повернул к нему удивленное лицо, хотел убедиться, что он действительно плачет. Хаки сморщил лицо: в его желтых глубоко сидящих под сенью бровей глазах мерцала глубочайшая печаль, а по обеим щекам текли сверкающие, как бусинки, слезы.

— Вахаахаиа, вахаахаиа, брат мой, — причитал он на абхазский манер.

А Кузьма смотрел на чудного абхаза и не знал, что сказать, что думать или что делать...

XI

«Шмидт» благополучно вышел в открытое море. Яростный галоп шторма и разгул волн остались позади. Сюда долетали лишь отзвуки их злобных угроз, напоминавшие отдаленный рык льва, потерявшего след жертвы.

Близился рассвет. Далеко на востоке слабое свечение — предвестник занимающегося дня — осторожно разведывало силы ночного мрака, пока еще на ощупь, вслепую, и только готовилось выхватить свой острый меч-луч.

Мощное дыхание крейсера стало более спокойным, как великан, расслабивший свои мышцы, он горделиво и легко шел вперед.

Моряки были на своих местах. По однажды введенному правилу они подменяли друг друга, каждый молча делал свое дело. Изредка возглас вахтенного неожиданным предупреждением прорезал воздух, и тотчас в ответ раздавалось:

— Есть!

Кузьма спустился на палубу, уступив место на ходовом мостике боцману, и, заложив руки за спину, молча ходил из угла в угол.

Его усталое лицо было исполосовано синими тенями рассвета. Казалось, к его жуткому шраму прибавилось еще великое множество рубцов, то и дело менявших форму и размер.

Он не переставая грыз трубку, которую не вынимал изо рта. Порой он подходил к борту и в упор смотрел на восток, будто определял на глаз размер крыльев рассвета, и снова уходил в глубь палубы. Чувствовалось, что Кузьма едва сдерживал внутреннее волнение. Видимо, с нетерпением ждал рассвета.

Вдруг он остановился, еще раз оглядел небосклон и резко позвал кого-то.

Высокий худощавый матрос, втянув голову в плечи, подбежал к Кузьме и прижал к бокам длинные, как палки, руки — словно крылья сложил.

Кузьма задумчиво посмотрел на него и медленно произнес:

— Передай товарищам: похороны — на рассвете. Пусть подготовятся. Три залпа из пушек и ружей экипажа в честь погибшего.

— Есть!

Кузьма помолчал, потом негромко добавил:

— Лично тебе поручается покончить с белогвардейским бандитом, как только тело Хританюка будет брошено в море. Поставь его у борта. Сразу же после салюта расстрелять.

— Есть! — произнес моряк и, запнувшись, сказал: — Товарищ командир, Митька Горбачий просит дать ему расстрелять офицера.

— Это тот самый, что был с Хританюком?

— Так точно.

— Да-а, это я упустил из виду... Передай ему, что я считаю его трусом. Как только мы пристанем к берегу, где бы это ни было, он навсегда покинет корабль. Примешь у него амуницию и проследишь за выполнением приказа.

— Есть!

Светало.

Экипаж «Шмидта» построился на палубе в два ряда — один против другого.

Стояла гнетущая тишина — моряки молча скорбели о товарище.

Море роптало. Волны с шумом ударялись о борт, но ничто не могло нарушить царившей на палубе скорбной тишины.

Кузьма Грозный одиноко стоял поодаль, правым боком повернувшись к команде. Оба глаза своего недвижного лица он вперил в моряков, как бы беря на прицел каждого в отдельности.

Шагах в пяти от него стоял Хаки Адзба. Глядя на моряков, и он вытянулся в струнку. На лице, впрочем, застыло удивленное выражение. Ничего не понимая, он рыскал глазами — с затаенной тревогой смотрел то на Кузьму, то на команду.

Хаки не знал, что предвещало это торжественное построение в такую рань, но страшное предчувствие теснило грудь. Неужели это конец Уджуша, думал он, и Кузьма наплевал на его слезы. Но ему не верилось в это — обращенный к нему другой лик Кузьмы был исполнен доброты, всепрощения и покоя.

Неожиданно по узкой лестнице, ведущей из трюма, взбежал матрос. Остановившись на последней ступеньке, он резко повернулся, нагнулся и, протянув руки, принял что-то завернутое в белое.

— Отпускай, держу! — крикнул он кому-то вниз, благоговейно вынося переднюю часть чего-то длинного и белого.

Только тут Хаки Адзба догадался, что это было и что означал этот скорбный строй команды.

Он понял, что моряки будут хоронить убитого Уджушем товарища по морскому обычаю — выбросят в море его тело, завернутое в белую ткань. Он слышал об этом обычае, но никогда не присутствовал при этом.

Хаки почувствовал некоторое облегчение от того, что его опасения не оправдались. Но понимал — радоваться рано.

Как только тело Хританюка вынесли на палубу, он упал на колени, опустил голову и прикрыл лицо руками.

— Вахаахаиа, вахаахаиа, брат мой, — запричитал он в голос.

— Отставить! — услышал он вдруг резкий голос Кузьмы.

И затаив дыхание, притих.

Он сидел, упершись лбом в пол, и не видел, как по той же лестнице в сопровождении двух вооруженных матросов поднялся Уджуш Эмха. Его провели сквозь строй вслед за телом Хританюка и подвели к борту.

Эмха шел, высоко подняв голову, спокойно, не спеша, чуть покачивая широкими плечами. Взгляд, устремленный куда-то вверх, ничего не выражал. Каменное, безжизненное лицо живила одна-единственная черточка, трепетавшая в застывших глазах — это было едва заметное мерцание печальной улыбки, в которой выразилась последняя грусть по жизни. Он смотрел в небо, на распятое перед ним красноватое сияние, открывавшее врата лучезарному дню.

Уджуш Эмха также не видел Хаки, который сидел в той же позе неподалеку от Кузьмы. Длиннорукий матрос, подведя его к борту, стал за ним.

Эмха едва заметил, как перед ним мелькнуло в воздухе нечто завернутое в белое и, описав кривую, с шумом упало в море и скрылось под водой.

Одна за другой прогрехотали три пушки. Затем грянули ружейные залпы.

И тут Хаки поднял голову. Встал, выпрямился, огляделся. Среди всеобщей тишины и оцепенения его взору предстал Уджуш Эмха. Он стоял у борта. Прежде чем Хаки сообразил, что происходит, резкий звук взводимого курка оглушил его, и он увидел, как из дула револьвера, почти приставленного к затылку Уджуша, вырвалось пламя.

Грянул выстрел, и Эмха пропал в морской пучине.

— Вахахаи, горе мне! Уджуш! — Хаки ринулся прямо через строй моряков, разорвав, смяв его, туда, где только что в последний раз видел Уджуша.

— Что ему нужно? Остановить его! — раздался приказ Кузьмы.

Несколько матросов преградили ему путь, но остановить не смогли. Тогда его схватили, скрутили руки и оттащили от борта.

— Уджуш! Уджуш! — Хаки ревел как сумасшедший, пытался вырваться, кусал моряков.

Кузьма подошел к нему.

— Хаки! — произнес он внушительно, — что ты делаешь? Чего ты хочешь?

— Капитан, я оплакал твоего моряка, как своего брата. Тем самым я поклялся тебе в братстве... А ты убил Уджуша! Ты — собака, капитан, да... Кровь, кровь! — взревел он и еще раз изо всех сил рванулся к борту, — вахахаи, горе мне, Уджуш!

Его глаза пылали ненавистью, на губах кипела пена.

Кузьму ужаснул его вид, он смотрел на него с омерзением, даже вечно недвижный его лик дернулся и задрожал.

Какое-то время он молчал.

— Отпустить! — приказал погода.

Моряки отпустили Хаки. Одним прыжком он преодолел расстояние до борта. Всем было ясно его намерение. И как он бросился в пенистые волны, даже не все успели заметить.

На палубе стало тихо.

— Все равно этот раб никогда не стал бы человеком... — с грустью произнес Кузьма и коротким энергичным шагом направился к ходовому мостику.

1933

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Верю глубоко:
Мыслящий и живущий
Только надеждой,
Что заменяет счастье,—
Жив на Земле.
Не веруя в день грядущий,
Тело с душою
Расстались бы в одночасье.

Душу—у Неба взаймы
Взял. У Земли, чтобы жить,
Плоть одолжил до зимы.
Что же мне вам одолжить?

Займодавцы: «Плати!» —
Дверь осаждают мою.
Верно, я — долг во плоти,
Но об отсрочке молю!

Третий день
Дождит неутомимо.
Третий день
Паскудно на душе...
Хоть бы снова,
Снова стало мило
То, что мне
Наскучило уже.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Девушка есть на земле

Девушка есть на земле, любит девушка дождь и траву,
Как-то застал меня ливень — я в сети попал наяву.
...И до рассвета по улицам города я пробродил.
Запах мокрой травы
Сердце мне бередил.

Девушка эта, которая любит дождь и траву, —
Только она виновата, что мир я прекрасным зову.

Приду я опять

Немного —
Два или три —
На свете есть дома,
Куда в любой час, в любой день я бы запросто мог,
Не рассуждая, не думая долго, а просто,
Просто прийти,
Прийти — и нажать на звонок.

Один из них — твой
Дом,
Который,
Я знаю,
Ждет...
Ждет всегда.
И однажды... Однажды, когда
Остынет мой след на земле
И твой дом меня ждать перестанет —
Приду я опять.
И...
Как прежде — замру у звонка...
Лишь спину согнет мне тяжелый могильный камень.

Перевод Светланы КОКОРЕВОЙ

ПАВОДОК

РАССКАЗ

НА звук открывшейся двери женщина вскинула голову, выронив веник, провела морщинистой рукой по щеке и замерла в тревожном ожидании. Ее согбенная иссохшая фигура, обеспокоенный взгляд выцветших глаз и ладонь на увядшей щеке воспринимались человеком в дверях горестным вопросом. Он смущенно перевел взор с женщины на пожелтевшее небо.

Льдисто, угрюмо желтело небо. «Неужели и цвет осязаем...» — подумалось ему, и, внезапно ощутив усталость, окунулся в бесцветную тоскливую пустоту.

— Как он, доктор, что сказал? — спросила женщина.

Усталость сковывала, но жаль было женщину. С минуту оцепенело смотрел на кучу палых листьев, желтовато-красноватых, вялых, с брошенным на них веником, на выжидательно, настороженно глядевшую женщину в черном.

— Обрадовался, ожил чуть, — ответил он погодя.

— Боже всемогущий, не лишай нас своей милости! — женщина перекрестилась, обратившись к востоку.

Из глубины души всплыл упрятанный, подернутый пеплом сарказм и искривил губы на утомленном лице горькой улыбкой.

— Сохрани и помилуй, боже милосердный, — бормотала женщина.

В опустошенной душе нарастала тоска, только изредка вспыхивали искры иронии. Что ж, хорошо хоть это сохранилось у него...

Машинально нащупал в кармане халата сигарету, закурил.

Какие-то минуты оставалось ждать, всего минуты до извечной неизбежности.

Взлаяя собака. Во двор входили соседи, собирались под желтым листовым навесом.

Женщина в черном нагнулась к венику — пучку гранатовых веточек, перевязанных тряпочкой, — смела в кучу жухлые листья и повернулась к соседям.

— Приехал? — спросил тот, что стоял ближе других.

— Да, а как же!

— Знать, обрадовался Ундом.

— Обрадовался, и полегчало ему, говорит...

— Благодарение богу, может...

Леденящая желтизна неба неприметно сменилась багрянцем.

Едва осязаемым теплом веяло от табачного дыма, все кругом беззвучно рушилось, распадалось, и лишь ожидание огораживало, ограждало от нестерпимо разраставшегося бессмыслия. Снова зашуршал веник, и шорох сухих листьев словно бы соединил расколовшийся, распавшийся горизонт и скатившееся к нему солнце.

— Осязаемость цвета... гм. — Он встряхнулся.

Смеркалось.

В комнате удушливо-терпко пахло лекарствами — комод завален был пузырьками, пакетиками, коробочками. В камине тлели уголья, на стене висели ружья в пыльной паутине, а с ветхого, поблекшего от времени портрета надменно и строго взирала молодая женщина с утонченным лицом — ее высокая изящная шея источена была молью.

И лежал старик. Мутные глаза в слезах и уголки губ таили радость, длинные иссохшие пальцы дрожали, прижимая к груди крепкие, налитые силой руки внука, немощно поднималась и опускалась широкая исхудалая грудь, выпирали ключицы, а возле них, у сморщенной шеи, темнели глубокие впадины. Старик дышал хрипло и тщетно пытался смочить языком пересохшие губы.

— Успел-таки, внучек, порадовал деда, утешил, теперь и помирать можно... Заявилась окаянная, тут она, кружит возле меня.

— Брось, дедуля, не совестно так говорить?..

— Эх, кто скажет, что такое совесть, стыд... выдумали люди... Послушай, сынок, сказать хочу тебе кое-

что, исповедоваться... Не прерывай... Трудно уйти из этого мира, не облегчив души, столько лет тяготит меня бремя — раздели его со мной.

Тревогой наполнили внука слова старика.

— Смутное было время, всюду беспорядок, разброд, — хрипло начал старик. — Не стало твердой власти, за разные идеи бились люди, одни к одному стремились, другие к другому, это и губило народ, брат поднимался на брата, сын на отца. В ту пору нельзя было без оружия: по ночам — перестрелка, топот копыт, не разберешь — где свои, где враги... Верх брала то одна сторона, то другая, люди подлаживались к тем, кто оказывался сильнее... Эх, внучек, человек хорош и достоин доверия, когда он один, сам по себе, а вместе с другими, в толпе — грош ему цена, если ж и веры и цели нет единой...

Дали мне задание — контрабандой завозить оружие через перевал. Помогал мне тут один — многим доверять не приходилось, сложно было в те времена разобрать, кто чем дышит, чего стоит...

Стояла весна, бурный шел паводок, но не до рыбы было — вечная тревога, опасность, запах пороха заслонили и подавили все будничное. Дни и ночи вел я по горным тропам караван навьюченных оружием лошадей. Скажу одно — интересная была жизнь, имела смысл... Брат мой — двойняшки мы с ним — кадровый офицер, подполковник, находился в армии. Долго не получали мы от него вестей. В стране беспорядок был, все смешалось, все друг друга подозревали, все осторожничали, и мы не ведали ни сна, ни покоя.

Мы с братом росли сиротами и очень любили друг друга. Нам чуть поболее месяца было, когда отца потеряли — вероломно убили его на свадьбе. В чем-то заподозрили, подсыпали чего-то в вино, напоили до бесчувствия и в спину вонзили кинжал...

Внук достал сигарету.

— Можно, дед, не побеспокою?

— Кури, кури, меня уж ничем не обеспокоишь... Слушай же дальше. Был у меня на границе побратим, в глухой деревушке в горах, где все промышляли контрабандой, пасли скот и за мзду переводили людей через границу. Стар и млад были проводниками и не

тревожили себя высокими помыслами, жили тихо, своими заботами.

Однажды мы провозили оружие во время паводка. С трудом одолевали путь—буйствовали реки и речушки, талые воды переполнили русла, а в лощинах и ущельях еще белел снег.

Шалый поток унес у проводника бурку, и я отдал ему свою кожанку — сам, разгоряченный тяжким подъемом, не чувствовал холода, от меня пар валил — спешил я, делом чести почитал поскорее доставить и раздать оружие.

Чистые голубые глаза проводника, моего побратима, внушали доверие, весь он располагал к себе. Возбравшись мы на перевал, передохнули малость, перекурили и расцеловались на прощанье. Я благополучно довез оружие и, валясь с ног, потащился домой.

Ночью меня то знобило, то в жар кидало, все тело ломило, я обливался потом — и холодным, и горячим, забывался кошмарным сном и тут же просыпался от жутких смутных видений, разбитый, изнуренный.

Внезапно в дом осторожно постучали. Время было опасное, беспокойное, и мы загасили лампу. Я велел матери принести винтовку, приставил ее к изголовью, из-под подушки вытащил маузер и нацелил на дверь.

Мать пошла отпирать, откинула щеколду, подставив себя пуле нежданного пришельца, скорее всего — недруга.

— Как вы тут? — едва донесся, будто почудился, опасливый родной голос.

На пороге стоял брат, пять лет не подававший о себе вести.

Со скрипом затворилась дверь, стукнула, опустившись, щеколда, брат взволнованно смотрел в наши проснявшие лица, таившие мольбу и надежду.

У меня не было сил поднять голову, палец соскользнул со спуска, рука с маузером упала на одеяло, глаза приковались к родному лицу. Брат глядел на меня встревоженно, а в душе моей разливался покой. Мать лила слезы радости.

Умиротворенный, я погрузился в блаженный сон без кошмарных видений.

А утром застал мать в горьких слезах, она каза-

лась надломленной, постаревшей. Брат сидел у камина, грея руки, в глазах его залегли тоска и печаль.

Политическими врагами оказались мы с братом, разными жили идеями, разному служили. Тайком явился он домой, и куда бы ни направился, не избежать ему было ареста и казни. Один был у него выход, одно спасенье — перебраться через границу, бежать.

Я молчал, не зная, что сказать. Возбужденный жаром, мозг пытался осмыслить страшный факт, свыкнуться с ним — куда было деться от жестокой реальности? И решил я спасти брата — родную плоть и кровь — хотя б даже ценой жизни.

Но мне самому, больному, не провести было брата через границу. Злился я на свое бессилие, и вдруг всплыли в памяти голубые глаза моего побратима. Я попросил мать принести бумагу, перо и, когда она вышла, велел брату выдвинуть ящик комода — там, в голенище мягкого азиатского сапога, хранился узелок с золотом.

Мы уговорились о знаке, который брат подаст, если благополучно перейдет границу и устроится. И долго смотрели друг на друга с деланной беспечностью.

Мать собрала его в дорогу.

Брат отправлялся в путь.

Большие трудности пережила страна, через тяжкие испытания и беды прошел народ, но время шло, позади оставались лишения и невзгоды. От брата все не было вестей. Неведение угнетало, я старался не видеться с матерью, избегал ее заплаканных глаз. Чуть свет уходил из дома, возвращался за полночь, благо дел в деревне было невпроворот. Однажды нам сообщили, что готовится тайный заговор. Надо было обезвредить заговорщиков, пока они не замутили народ. К счастью, обошлось без крови, но устали мы порядком и решили передохнуть и перекусить в доме нашего единомышленника. И там у одного из товарищей я увидел вдруг маузер, тот самый, что дал на прощание брату. В глазах помутилось, словно обухом по голове стукнули, зловещее предчувствие сжало сердце, но я ничем не выдал себя, похвалил оружие и поинтересовался, откуда у него маузер. Оказалось — от моего побратима! Ошеломленный, я опустил поднесенный к губам стакан. Вскоре, сославшись на головную боль, я ушел. До-

ма я не находил себе места, хватался то за одно дело, то за другое, дважды прочистил и без того сверкавшее ружье. Долго не мог уснуть, а едва забрезжило, взнуздal коня и, прикрыв лицо башлыком, пустился в путь. Ехал безлюдными глухими ущельями, боясь встретить кого-нибудь.

Побратима я не застал дома, однако его жена пригласила в дом, сказав, что хозяин вот-вот вернется.

Вошел в комнату, и волосы у меня зашевелились — на стене висела бурка моего брата! У плеча зияли следы от пуль. Бросился в глаза и кинжал в золоченых ножнах с резной рукояткой из слоновой кости — наш, отцовский!

Все во мне заклокотало, не мог я дольше оставаться там и терпеливо ждать, спросил у хозяйки, хлопотавшей с ужином, где он, и погнал коня туда.

Мне показалось, что побратим встревожился, увидев меня. И снова всколыхнулось уже укрепившееся во мне подозрение. Неудержимо задергалась левая бровь, руки затряслись, и я стал теребить гриву коня, чтоб скрыть дрожь.

— Мне надо срочно перебраться через границу, — сказал я побратиму с наигранным дружелюбием. — Пеневеди.

— А что случилось? — насторожился он.

— Объясню по дороге.

— Погоди, мне же подготовиться надо.

— Я золото везу, драгоценности! — Мне показалось, что у него алчно заблестели глаза.

— Хорошо. Лошадь оставим тут.

— Знаю. — Ярость огнем бушевала во мне, раскаленными угольями жгла грудь.

Я следовал за ним, не спуская с него глаз, чтоб не быть застигнутым врасплох. Дорога шла круто в гору, и я начал задыхаться. Побратим обернулся, и я тут же, не рассуждая, нажал на курок.

При свете луны я заметил изумление в его голубых глазах и невольно содрогнулся.

С чувством жестокого удовлетворения спустился я обратно в ущелье.

Неделю просидел дома, запершись, все еще не утोलив мстительной ярости. Мать лила слезы, чую, говорит, нависла над нами беда. А вскоре мне снова приш-

лось взять в руки оружие, защищая завоеванное, и я снова сутками не слезал с коня. Дважды ранило в плечо и под лопатку, чудом выжил. И вот тогда-то дал знать о себе брат, прислал письмо и фотокарточку, сообщал, что мой побратим благополучно перевел его через границу, помог устроиться, и он в благодарность подарил ему свое оружие, вещи, и они поклялись друг другу в верности, тоже стали побратимами...

Вновь все во мне перевернулось, можешь себе представить, что я испытал в ту минуту.

— Невыносимо мне, внучек, тяготит, тяжким камнем давит на сердце, извелся, никому не открывался, казнил себя, терзался, да, видишь, не выдержал, знаю, последние минуты доживаю, потому и поведал тебе, под конец жизни понял — жалок человек один, жалок и беспомощен, сынок, прости, успокой мою душу, утешь и пожалей!—И старик засохшими, занемевшими губами приник к руке внука. — Прости, сынок, прости великодушно, если...

Крик разнесся по всей деревне, женщина в черном всплескивала руками, раздирала щеки. «До чего похожа на высохшего скрюченного паука», — врач отбросил окурок, печально взял сумку — нужды в нем здесь больше не было...

Внук, окаменев, сидел возле старика.

...Кто-то вошел в комнату, обхватил его за плечи.

— Уйди, уйди, сынок, оставь нас, мы займемся им...

Боже, прими и упокой душу горемычного...

...Он опустился на скамейку под ясенем.

Росная осенняя ночь ярко озарялась луной. Лениво брехали собаки, стрекотали кузнечики, во двор заходили соседи, осторожно открывали дверь, нерешительно переступали порог...

Кто-то вынес ему куртку, набросил на плечи, говоря: «Зайди в дом, сынок, свежо, простынешь...».

Он отрицательно помотал головой, закурил; в доме обряжали покойника, доносились тихий говор, причитания, а он все сидел, курил в каком-то дурмане. И в прошлом году он во время паводка навестил деда, привез ему сеть...

...Заскорузные пальцы ощупывали сеть, а он смотрел на деда и улыбался. заправляя в брюки взмокшую рубашку — весь день за рулем был, вспотел.

Старик подобрал сеть, помял ее рукой.

— Суровая, внучек, — отметил он и с улыбкой глянул на него, сиял весь, довольный. — Суровая, да не беда...

— Что, что? — не понял он.

— Ничего, нагрузу сеть.

— Как это — суровая?

— А-а, не понял. Суровая нить, сынок, грубая, воду не прорежет.

— Что же делать?

— Говорю же — не беда, распустим шнур, утяжем малость, сколько в ней фунтов?

— Семь кило.

— И батмана¹ нет, фунтов пять придется набавить, — дед снова подобрал сеть. — И мотню надо чуток поднять.

— Это-то да, я тоже подумал.

— Поешь, сынок, тогда и поднимем.

Потом он привязал к ручке двери длинный шнур, и водил и водил по нему пчелиным воском, воск таял в разгоряченной ладони.

Дедушка улыбаясь следил за ним с веранды, обреза я ножиком свинцовые грузила со старой сети.

Ночь они провели на плетени для ловли рыбы. Напоенная тальми водами, бешено, безудержно мчалась во мраке ошалелая река, гнала с верховьев рыбу. В отсветах пляшущего пламени коптилки блестели черные спины рыб. Ему никак не удавалось скрутить цигарку, и дедушка, усмехнувшись, сам скрутил для него. На заречной стороне он увидел несколько освещенных костром палаток и недоуменно кивнул на них. «Геологи это, с месяц как расположились тут», — объяснил дед.

Всю ночь буйствовала река, швыряла на плетень белобрюхих рыб.

Незаметно, как конокрад, подобрался рассвет.

Через край навалили они рыбы в большую корзину из вишневой коры. Плетень вытащили из воды и неторопливо зашагали вверх по склону...

Потом он с веранды наблюдал за палатками, за людьми с рюкзаками. Геологи тоже рыбачили, и у них

¹ Батман — мера веса, примерно 8 кг.

имелась сеть. Посмеиваясь про себя, следил он за тем, как неумело, неловко закидывали они ее — этак разве что чудом можно было поймать рыбу.

Постепенно паводок пошел на убыль, потом и во все угомонился.

В заводи у висячего моста он предполагал рыбу. Перекинул сеть через плечо и, насвистывая, сбежал по косогору к реке, продрался через кустарник, плечом отстраняя ветки.

Мост под ним чуть покачивался. Вдоль берега шли геологи — с тремя сетями. Недалеко от моста он приметил еще каких-то людей, закидывавших сеть. «Распугают мне всю рыбу, не успею спуститься к заводи», — подумал он и решил забросить сеть с моста. Торопливо подобрав сеть так, чтобы грузила оказались с внешней стороны, он стал боком и, изогнувшись, размахнулся. Сеть выгнулась куполом и, переливаясь на солнце, легко опустилась в поток — вода едва всплеснула. Не обманула его надежда — в сети забились, заметались рыбы. Мельком глянул на изумленные лица геологов, застывших с сетями в руках, выпрямился и прыгнул, как был, одетый, в воду, наступил на мотню. Ухватив шнур и наматывая его на одну руку, а другую подсунув под сеть и ощутив, как заскользили по коже барахтавшиеся рыбы, осторожно потащил ее к берегу. Кинув взгляд на другой берег, он увидел женщину. Она завороженно смотрела на него, вся напряженная, устремленная вперед, казалось, вот-вот слетит в воду. Он невольно опустил голову, жарко покраснел, по-мальчишески смутился.

Вытащив сеть на песок, он искоса взглянул на женщину. Присев на одну ногу — обнаженное колено казалось травы — она с простодушным восхищением следила за ним. Прыткая рыба выпрыгнула из сети, перевернулась на песке и вмиг канула в зеленоватую глубину.

— Поосторожней, поосторожней! — раздался над ним холодный голос, и не был он благожелательным, остерегающим, он был неприятный, неприятнее, чем потеря рыбы.

Он приподнял голову — над ним стоял один из трех рыболовов, бледный, бескровный мужчина с ледящим блеском голубых глаз. И от всей его фигуры —

поджарой, как бы скованной, исходило что-то зловещее и враждебное.

В душе вспыхнула непонятная неприязнь к нему, но он переборол себя, улыбнулся даже.

— Не беда, рыбы сколько хочешь,—и резко выпрямился, взглянул в застывшее лицо с тонкими чертами, подобрал сеть, намереваясь метнуть ее. — Всем телом надо забрасывать, сильно откинуться спиной и плечом, а правый локоть держать вот так,—и размахнулся. Сеть с тихим шелестом раскинулась на воде. — А теперь медленно потянуть за шнур, дать рыбе попасть в мотню и тащить.

В сети неистово билась одна-единственная рыба. С громкими возгласами подбежали другие геологи, женщина все в той же позе все так же не сводила с него замороженных глаз. Голубоглазый мужчина стоял истуканом, и ему почему-то подумалось: «Наверно, развалится, если шевельнется». Зловещим холодом веяло от этого странного человека, и у него тоже похолодело в груди.

— Как? Как, вы говорите, надо? — переспрашивали геологи. — Удивительно! Поразительно! Как вам удастся так закидывать!

Потом они вместе ловили рыбу, поднимаясь вдоль по течению, но избавиться от неприязненности к голубоглазому ему не удалось. Он рвался уйти и не мог, его сковывал могильный холод.

Солнце начало припекать, пора было расходиться. Он отдал геологам свой улов, они смутились, не хотели брать, но он заверил их, что у него еще есть рыба в плетени.

— У вас плетень? — спросила женщина.

— Да.

— Интересно! А как она выглядит?..

— Приходите посмотреть, — предложил он с искренним радушием. — Сегодня, правда, не стоит, вода очистилась, надо во время дождя, когда река взбалтывается.

— И вы загляните к нам, — пригласил его добродушный смуглый парень. — Мы и на охоту ходим в горы.

— Непременно загляну,—пообещал он и, перекинув мокрую сеть через плечо, направился вверх по косо-

ру — помочь дедушке на винограднике. Привязанная к поясу корзина была пуста.

— Неужто без улова? — дед улыбнулся. По всем приметам должна была быть рыба...

Он передернул плечами, развесил сеть на ветке ясеня и, стянув шнур, обмотал его вокруг ствола...

«Зайди, сынок, в дом, свежо, простынешь, — упрашивала его женщина в черном. — Пойдем к бедному твоему дедушке».

Он встал. Во рту и в горле было сухо, шершаво. Охваченный жалостью, сознанием одиночества, он не хотел больше видеть деда — не хотел и не мог представить его неживым. Попросил у кого-то сигарету — тотчас протянули и прикурить дали. Во двор, причитая, темными тенями заходили люди — вся деревня шла проститься с дедом.

В доме горел свет. Соседки с грохотом переносили мебель из большой комнаты в задние. На помощь им подоспел кто-то из мужчин.

— Осторожнее, зеркало не разбей! — остерегла одна из женщин, и тут же зазвенело разбитое зеркало в старинной красной раме.

— Ой, как же вы это?!

— Занесло тебя сюда на беду!

— Этого не хватало — зеркало разбить! Мало в доме горя, еще накликал! — негодовали женщины.

— Ладно, будет вам, — сказал еще кто-то, входя в комнату. Веник несите, веник, нашли о чем тужить, подумаешь — зеркало! Считайте — на счастье разбилось.

Он стоял к дому спиной, курил.

Смерть деда не была неожиданной, но все равно он испытывал острую жалость к нему, больно сжималось сердце, когда он думал о тайне, которую открыл ему дед. Он никак не мог прийти в себя — слышал, как сокрушались о зеркале женщины, благодарно пожимал руки людям, пришедшим разделить его скорбь, но весь поглощен был безрассудным, сгоряча совершенным преступлением деда; все мерещились ему ясные голубые глаза, угнетали душу.

Он пытался выкинуть из головы страшную историю, но она представлялась ему так явственно, зримо, так ужасающе ясно виделись голубые глаза, расширенные не от страха — от изумления, так неотвязно преследо-

вало его бледное в мертвенном свете луны, перекошенное лицо человека — жертвы недоразумения и неблагодарности, что он позабыл и деревню, и двор, где курился сейчас, и дом, где лежал покойник — хилый, немощный старик со впалой грудью, некогда отважный и грозный.

И, размышляя об этой злосчастной ночи, расколовшей его жизнь, он понял — никуда отныне не деться от этого давнего преступления, бездумно содеянного полстолетия назад родной ему плотью и кровью, понял — до конца дней осужден он нести страшное непосильное бремя.

Ошеломленный, подавленный неведомым ранее состоянием, безысходным отчаянием, он порадовался вдруг, что его окружали люди, опечаленные смертью деда, озабоченные неизбежными при этом хлопотами, примирившиеся с неотвратимостью судьбы, горестно сетующие на бренность и тщету жизни и все равно надеющиеся на день грядущий.

Сейчас они спокойно, деловито толковали о том, как достойно предать старика земле, соблюсти положенные обряды, и в них была могучая, умиротворяющая сила жизни, неукротимая, неумная, как паводок. И было отраднo, что двор и дом озарялись не только полной, поосеннему яркой луной, но и лампочкой на веранде.

И на душе стало покойнее и вроде бы стало легче возложенное на него тяжкое бремя.

— Эх, ничего не поделаешь, — утешающе молвил кто-то, и крупная натруженная рука стиснула его руку. — Все мы в плену своей судьбы и ведать не ведаем, что нам сулит провидение.

И опять содрогнулась, смутившись, душа, и он испуганно отвел взгляд от говорившего, и вновь возникли ясные голубые глаза с залегшим в них упреком, недоумением. И эти глаза — почувствовал и осознал он внезапно — требовали от него ответа, ему предстояло нести ответ за проступок деда.

— Славный был человек! — проговорил кто-то.

И снова представил он себе дедушку, исхудалого, с запавшей грудью, с торчащими ключицами, с иссеченной морщинами шеей и мутными, поблекшими глазами, ожидавшими от него утешения и прощения. «Где он брал силы, как выдержал столько времени?» — подумал он, в смятении подняв глаза к небу, и понял — от-

ныне на нем грех деда, его будет угнетать преступление, о котором никто не знал и которое никому не откроешь.

Вечер был теплый, легкий ветерок нежно ворошил поредевшую листву деревьев.

— Вот и осень пришла, дедушка, — прошептал он, чувствуя, что жаждет сейчас одного — одиночества...

...Женщина сидела перед палаткой, рядом над огнем булькал котел, потрескивал сырой хворост, грохотала оголтелая река. Уткнувшись подбородком в колени, обвив их руками, она оцепенело смотрела на буйную, иступленно бьющуюся о берега реку.

Медленно, исподволь пробуждалась в женщине давно угасшая, заглушенная страсть к живописи, река возвращала ей ощущение красок, будила нетерпеливое желание рисовать.

На другой стороне реки кто-то сбежал по косогору с переброшенной через плечо сетью. Не смутил его бешеный поток. Он уверенно забросил сеть, и женщина суеверно увязала вдруг ее со своей судьбой. С трепетом следила, как загорелые руки тянули к берегу сеть, в которой трепыхалась рыба, и странное чувство родства с рыболовом охватило женщину.

Рыболов снова метнул сеть...

Женщина смотрела на буйную реку, на уверенные размашистые взмахи рук рыболова. Блестело, отливая медью, его тело, сверкала, переливаясь, закинутая сеть. И женщина ощутила извечную мощь, красоту, волшебство природы, слились в ней воедино разум, душа и тело, — и она поняла, что должна рисовать, должна дать выход пламени, вырвавшемуся из-под испепеленных чувств... И она метнулась к палатке...

...Женщина установила мольберт, разложила кисти, краски, поглядывая на бушующий поток, на загорелое гибкое тело рыболова.

Внезапно ей померещились леденящие глаза мужа, его холодное, жесткое лицо, поджатые в насмешливой улыбке губы, тонкий классический профиль, крепкая ладная фигура.

Сердце сжалось в комок. Пять лет связывали ее с мужем, пять горьких, безрадостных лет.

Мелким, нестоящим было увлечение юности: восхищения не осталось даже в памяти, таким оно было коротким. Когда она узнала его поближе, всмотрелась в

него сторонним взглядом, он показался ей искусственным, сколоченным из деталей, не вязались с ним его руки, нос, голос, все как будто заимствованное, нарочитое а жесты и движения—театральные, рассчитанные на эффект. Ей было жаль себя, безмерно жаль, она попыталась уверить себя, что любит его, ведь он любил ее, вернее — был невыносимо докучливо внимателен, ревниво следил за ней каждый миг, ревновал к книге, к спектаклю, к увлечению живописью.

В конце концов она смирилась со своей участью и замкнулась в себе, но в душе долго еще лелеяла страсть к краскам, потом и это влечение исчезло, она потеряла интерес ко всему.

И в постели с ним чувствовала себя гадко, всякий раз захлестывал стыд, не был он близким, желанным, она в отчаянии стискивала зубы, сдерживая стон, и лишь когда он засыпал, она облегченно переводила дух. Он спал, а она беззвучно плакала рядом. Но и с этим свыклась, перестала лить слезы и даже сожалеть, что губила себя, подавляла, душила.

И вот сейчас поняла — не все пропало. Что-то расковалось в ней, взбурлило, как этот поток, медленно, но упорно поднялось из бездны души пьянящее ощущение яркой пестроты мира, вновь наполнили ее восторгом краски и цвета. Она рисовала буйный разгул природы. Кисть шла легко, без напряжения, божественная сила лилась в душу, в тело, она отдалась захватившему ее неукротимому порыву.

На мольберте возникала картина схватки ловкого гибкого рыболова с ошалевшей рекой. Взбурлившаяся вода яростно катила вырванные деревья и кусты и обрушивала всю свою исступленную злобу, весь свой яростный пыл на уверенного в себе, спокойного рыболова, по пояс вошедшего в поток и взметнувшего над собой раскрытую сеть.

И тут опять льдисто сверкнули голубые глаза мужа. Женщина вздрогнула, но ничто уж не могло подавить упоение красками, до боли сладостное, кисть скользила безудержно и поразительно точно, сами подбирались, сочетались цвета.

Опускались сумерки, женщина досадовала, что наступил вечер, а потом — с юности этого не было — не-

терпеливо дожидалась рассвета, чтобы вновь унываться красками и цветами. Мощно неслась река, могучая неуемная сила захлестнула ущелье. Но вот паводок унялся. По новому руслу, с размытыми, обгрызанными берегами текла река, переливалась под солнцем прозрачная вода. Но в женщине не утихло страстное желание рисовать. Возрожденная к жизни, она ждала утра, чтобы рисовать, а ночью выбиралась из палатки к звездам и стояла, смотрела, чувствуя, как сливается с окружающим миром.

Неведомую силу обрела женщина, преисполнилась гордости, и не страшил, не подавлял ее больше грозный, надменный муж. Снисходительно не обращала она внимания на его навязчивое внимание, на ревность. Она сбросила путы, вырвалась из теснин. Безмерный простор открылся перед ней и в ней самой.

Потом в природе возобладал осенний багрянец, янтарно зажелтели деревья в лощинах, и кристально ясной, тихой стала река. Ярко озаряла землю холодная луна. В ночной темени взлаивали собаки, томительно стрекотали кузнечики.

Уставшие за день геологи мирно спали в своих палатках, когда громкий крик с заречной стороны вспорол покой теплой осенней ночи.

Выскочили из палаток, недоуменно всматривались в мерцавшие в проулках фонари — по всей деревне двигались огоньки.

Утром узнали — умер старый рыбак.

На исходе осени геологи вернулись в город.

Женщина жила ожиданием весны, радостно предвкушая будущий паводок, буйство возрожденной природы. В мрачном бесцветном городе, в большой, забитой вещами квартире она жила мечтой об ущелье, о неистойвой, разъяренной реке. Уйдя в себя, обретя покой и внутреннюю свободу, она обнаружила вдруг, что муж теперь для нее — просто вещь, часть обстановки, он ничего уже для нее не значит, безразличен ей со своим вниманием и ревностью.

Она упоенно ожидала весеннего паводка...

Медленно проходили дни...

...Палатки разбили на прежнем месте, расположились основательно. Мужчина с ледяными глазами давал

указания новичкам, искоса поглядывая на тонкую фигурку жены, тихо сидевшей у реки, возбужденной непонятным ему колдовством. Он иронически кривил губы, заглушая страх и робость. Совсем стемнело, когда геологи наконец устроились и развели между палатками костер, который казался во тьме особенно значительным. Намотались за день, спешили отдохнуть, кто-то тихо запел, лениво брэнча на гитаре.

Улеглись.

Мужчина вынес из палатки куртку, накинул ей на плечи. Глаза женщины засветились, но мужчина понял — не к нему относился ее сияющий взгляд, и померчал, разозлился, достал сигарету, прикурил от уголька, глубоко затянувшись, и шагнул в палатку.

Небо заволокло тучами, в горах шел дождь.

Вода в реке стремительно поднималась — в верховьях таял снег, оттаивала заледенелая природа, лил дождь, начинался паводок.

В палатках слышали, как взревела, загрохотала река — было ясно: вот-вот разойдется, разбухнет...

Вода вздымалась, клочотала, вырывала деревья, захлестывала берег, разливалась по ущелью.

Чуть свет поднялась женщина, поспешила к буйной реке, словно истомилась по любимому. И снова одолела ее неумемная сила, неудержимо поманил исступленный поток. И захотелось ей нарисовать умиротворенную, прозрачно-тихую реку и малахитовую заводь, рыболова на висячем мосту, ослепительно белеющий купол закинутой сети. Неукротимо было это желание, подавило все...

Мужчина теребил пуговицу на куртке, застыл перед мольбертом. Не чувствовал ни усталости, ни голода, ни тяжести рюкзака с камнями, врезавшимися в спину. Застыл, как пригвожденный, и только на запястьях билась жила, и теребили пуговицу пальцы, выдавая бушевавший в нем самый паводок. Злая, грубая сила толкнула его к мольберту, он изодрал в клочья холст с малахитовой заводью, с рыболовом на висячем мосту и раскинутой в воздухе сетью. Копившаяся в течение года ярость, ревность ослепили, смяли его. С трудом успокоившись, он заставил себя отойти. Весь год терпеливо пытался покорить душу женщины, отвлечь от

ненавистного рыболова, погасить в ней желание рисовать его, но иссякло терпение, изменила ему воля.

Весь вечер душила злоба, терзали подозрения. Раньше обычного забрался он в спальный мешок, загнал туда вместе с телом бешенство и злость.

...Внук сидел на веранде, заполненной домочадцами и родственниками, но все равно пуст был дом. Светила полная луна, носился легкий влажный ветерок. Грозно рычала река, переливалась под луной бушующая вода, у изгиба темнела плетень.

«Паводок начался, дедушка рыбы нанесет...» И неожиданно встал, взял коптилку, встряхнул—есть ли в ней керосин, и спустился к реке...

Он шел осторожно, вглядываясь в темень, проникаясь недобрым предчувствием. Страх, незнакомый ему страх, рождала в нем злое тьма. «Не вернуться ли?» — мелькнуло, но устыдился мгновенного малодушия, зашагал решительно. Исступленно, яростно встретила его клокотавшая река. Он медлил, стоя на размытом берегу, не свойственная ему осторожность, интуиция уговаривали вернуться назад. Он ступил на мостик, недоверчиво проверяя—прочно ли закреплен. В бурлящей воде таилось зло, уставилось на него голубыми глазами — он отступил невольно, ухватившись за проволоку, зажмурился, влажно похолодела спина от злое предчувствия. Он стоял и ждал, когда исчезнет жуткое видение. Потом решился — открыл глаза: перед ним была вода — взбаламученная, бушующая, но всего-навсего вода, и он взял себя в руки, шагнул к плетени. Пристроив коптилку в сухом месте, вытащил доску-заслон и присел, нетерпеливо дожидаясь, когда вода забросит в плетень первую рыбу.

...В нагретой за день палатке было душно, нестерпимо пахло бензином.

Мужчина не спал, не ощущал усталости изнуренного, натруженного за день тела. Время от времени ветер откидывал полог, и врывалась струя воздуха.

Он думал о женщине, поразительно изменившейся за последнее время. Мысли обратились к прошлому, наполнили тоской и тревогой, лихорадочно возбужденному сознанию мерещилось гибкое смуглое тело рыболова, неотделимое от реки, мелькали рисунки женщины, ка-

рандашные наброски, зарисовки и мольберт с еще не просохшими красками.

Сердце колотилось, мучительно отдавался каждый удар, не хватало воздуха. Униженный, он думал о своей любви к женщине, приносившей ему страдание, и задыхался, удушливо, жарко теснило в груди. Выбрался из палатки, глотнул свежий воздух. И заметил у притухшего костра жену — одинокую, поглощенную своей мечтой и радостью. Вспыхнула в нем злоба, смешалась с обидой, с усилием перевел глаза с женщины на разъяренный, лавиной летевший поток. У плетени мерцала коптилка, тускло высветляя сгорбившуюся на корточках фигуру.

Замутила рассудок, скрутила его бешеная ненависть.

Бесшумно отошел он от палатки, двинулся к реке, сам еще не ведая зачем, спустился к висячему мосту, взошел на него. От сверкавшей бешено мчавшейся воды зарябило в глазах. Откинув голову и цепко держась обеими руками за проволоку, он с опаской перебрался на другой берег. А паводок нарастал — ревела, грохотала сокрушающая громада воды. На мосточке, переброшенном к плетени, сидел на корточках рыболов, вода перекрывала мосточек, и виднелась лишь его спина в куртке.

Мужчина нечаянно зацепился за проволоку и чуть не упал. Проволока удерживала и мосточек, и плетень. Мужчина безотчетно потянулся к проволоке — сердце воспротивилось помутненному разуму, но не сумело одолеть, подавить чудовищную злобу, ревность, захлестнувшие его. Дрожащие непослушные пальцы раскрутили толстую проволоку, и вода мгновенно вышвырнула незакрепленную половину мосточка, разом потянула вниз... Подобие улыбки промелькнуло на угрюмом жестком лице мужчины... Он тихо попятился, пристыв взглядом к рыболову. Раздался хруст — плетень разваливался, а прямо на него неслось огромное, вырванное с корнем дерево, и в свете коптилки мелькнуло испуганное лицо рыболова, тщетно искавшего мосточек и проволоку, чтобы выйти на берег. И когда дерево налетело на плетень, мужчина вздрогнул, в ужасе бросился вниз. Неведомая сила заставила все же оглянуться,

и он увидел, как подкинуло рыболова и увлекло в глубь пучины. И словно очнулся мужчина, бросился в воду, но река и его подкинула и отшвырнула, руки нащупали землю, вода подхлестнула, отбросила еще дальше, жажда спасения прибавила силы, он рванулся — и ноги ощутили опору. Он перевел дух и, подстегиваемый страхом, пополз в сторону от реки. Снова вспыхнул свет копилки, и вопль вырвался из груди мужчины, горестный, содрогающий душу — вопль побежденного. Он побежал вдоль по течению взъяренной реки.

Бежал за рекой, кричал, словно соперничал с природой, целый год терпевшей, копившей клокочущую ярость и хлынувшей, наконец, бешеной водой.

Мужчина в состоянии был уже соображать, он понимал — бессмысленно бежать, и все равно бежал, причитая и вопя, пока не споткнулся и не упал. И тогда он заплакал — заплакал беззвучным, бесслезным плачем осужденного, побежденного человека...

Перевод Элисо ДЖАЛИАШВИЛИ

ХРОНИКА

НА прошедшем недавно XII Всесоюзном телефестивале в Минске приз жюри завоевала документальная лента «Лунный глобус» молодого тбилисского режиссера Георгия Левашова - Туманишвили. Его сорежиссером был Михаил Антадзе. Художник — Леван Меликишвили, операторы — Нодар Намгаладзе и Тристан Канделаки. Авторы сценария — Арчил Кезели и Георгий Левашов-Туманишвили.

НА традиционном 36 Международном фестивале в Ман-

гейме (ФРГ) главным призом награждена лента молодого кинорежиссера Давида Джanelидзе «Светлячки». Фильм снят по сценарию писателя Ревана Инанишвили.

В работе международного жюри, председателем которого был известный немецкий режиссер, актер и сценарист Перси Адлон, участвовали выдающиеся кинематографисты разных стран мира, среди них — грузинский режиссер Элдар Шенгелая.

* * *

Сколько дней в небесах этой полной луне,
 Столько прожитых лет у меня за спиной.
 Бьютги, жрец, раскаленным тавром на спине
 Мне число «двадцать восемь», мой возраст земной.
 Небо, синий аквариум наших отрад,
 Расколосось над нами в ночной глубине.
 То, что вылилось, влить невозможно назад,
 Вот пора расплескаться по капле и мне.
 Но хотел бы запомнить навеки с тоской,
 Как ваш голос в окне все звучит и звучит;
 Вместе с болью копил я надежду, покой,
 Вместе с радостью — горечь досад и обид.
 Резкий ветер швырял так упрямо, так зло
 Мне в лицо тьмы и света небесную смесь,
 Он лепил, он ваял меня так тяжело,
 Что я вскоре распался, рассыпался весь.
 Ветер снова несется ко мне, чернокрыл,
 Навсегда занавесить глаза темнотой.
 Но зачем же я рос, наполнялся и жил,
 К небу шел по тропе каменисто-крутой,
 Но зачем я однажды явился на свет,
 Я, ровесник луны, что взошла надо мной,
 Если в сердце трепещет с младенческих лет
 Призрак старца, трясущийся, жалкий, больной?

Монолог Модильяни

Сколько можно терпеть черный сумрак почной?
 Я хочу перекрасить его в голубой цвет.
 Я — Амедео, лежу в зимнем парке больной,
 Жду, когда наступит рассвет.
 Мадемуазель, вы под этим небом бывали?
 Посмотрите, как звезды на звезды похожи.
 Ваша маска-лицо мне подходит едва ли, —
 Я рисую то, что под маской, под кожей.

А ветер на шансонье похож,
Гуляет по парку, изящен и прост.
Знаете, свет может ранить, как нож,
А до правды далеко, как до звезд.
Не надо со мной богатством делиться,
Ухожу по другую сторону света и тени.
Жизнь — парижская уличная блудница,
Кто останется, купит ее за деньги.
Те пьянеют от грусти, не от вина,
У кого есть сердце, а веры нет.
Вот над зимним Парижем висит луна —
Это мой портрет.
Я никак эту ночь скоротать не могу,
Не могу перекрасить ее в голубой цвет,
Я — Амедео, лежу на листьях в снегу,
Жду, когда наступит рассвет.

Таинственный голос

Мы поле пололи у Чанисцкали
И голос на том берегу услышали.
Он в сумерках лился из темноты,
И мы побросали мотыги в кусты,
И каждый подумал,
Что только его
Этот голос зовет,
И каждый, таясь от других,
Пошел через реку вброд.
А голос то близился,
То отдалялся на миг,
Как будто кукушки
Обманчивый крик.
Мы шли на него,
Как по следу идут на охоте,
И наши следы увязали
То в черном болоте,
То в серой пыли неизвестных равнин.
Мы все шли на голос,
Но каждый в пути был один.
Густые леса оставались за нами,
И ветки, колючие, словно пламя,
Царапая лица,
Во тьме шелестели.

1935
1935

По склонам холмов
Мы спускались в ущелья.
Когда же вконец от скитаний устали,
Вдруг поняли,
Что у реки Чанисцкали,
Все там же по-прежнему стоя,
Мы полем вечернее поле
И хором поем нашу песню «Одоия»,
А голос, наполненный смутною болью,
Один, затерявшись в безвестном пространстве,
Сам жаждет каких-то таинственных странствий.
Кого он зовет для туманных дорог,
Никто бы из нас догадаться не смог.

* * *

День сегодня
Похож на больного,
Который годами лежал взаперти,
Прикован к постели, и вот, наконец,
Впервые вышел на воздух.
День сегодня так бледен,
Так слаб,
Что невольно хочешь дать ему опереться
На плечо, проводить до садовой ограды,
Усадить на камень и рядом присесть,
И побыть с ним вдвоем,
Пока вечер не придет и снова
Не уведет его в дом.

Перевод Ларисы ФОМЕНКС

АВТОГРАФ ПЕРЕВОДЧИКА

Лариса ФОМЕНКО

В Археополисе

I

Как дождь, который уже не пройдет никогда,
Шумит и шумит в Техури вода,
Бурлит и бурлит в непрерывном движенье,

Уносит все дальше твое отраженье,
Туда, где волна из прозрачной лазури,
Наткнувшись на острые камни на дне,
Вскипит и растает, как пена.

Шумит Техури,

Шумит во мне,

Окрасив лазурью вены.

Когда я однажды усилием воли,

Словно скалой, перекрою ей путь,

Она наводнит меня жгучею болью

И разорвет мне грудь.

Чем дальше твое отраженье в реке,

Тем ближе предчувствие бури.

Это не слезы текут по щеке,

Это капли воды из Техури.

II

Шумит и шумит в Техури вода,

А слышится: дождь зарядил навсегда,

Он льет за окном, за горой и везде,

И столько спокойствия в этом дожде,

И столько забвенья в его постоянстве,

Что, кажется, нет ни волнений, ни странствий,

Ни нас и ни дома у горной гряды,

Есть ровный колдующий рокот воды.

Сместились эпохи, но не раскололись:

Еще только будет Археополис.

А мы уже были

И мифом, и былью,

Потом стали пылью

И этим дождем,

Отжили, отмучались, больше не ждем

Ни часа прозренья, ни судного дня.

Нас нет, но я знаю: ты любишь меня.

Шумит и шумит в Техури вода,

А слышится: дождь зарядил навсегда,

И он уже льет бесконечно давно.

Не надо выглядывать в это окно

И видеть, что время идет чередой,

И дождь не колдует над горной грядой,

И этот кирпич под лозой винограда —

Руины чужого, не нашего града,

И воды Техури твердят свою ложь,

А ты тоже лжешь, говоря, что не ждешь
Ни часа прозренья, ни судного дня.
Мы есть, но ты больше не любишь меня.
А я уже ждать не хочу ничего,
Пока существует еще волшебство,
И дождь моросит за окном и везде,
И столько спокойствия в этом дожде,
И столько покоя во мне заодно.
Не надо выглядывать в это окно.

ЭТОТ ВОЗДУХ

Двери, ставни, высокие стены
Не скрывают старинный свой возраст.
Здесь внутри все целебно-бесценно,
Но целебней всего — этот воздух.
Отгоняет грехи и помехи
Воздух, веющий вечным, исконным,
В старом каменном доме в Метехи
С голубым деревянным балконом.
Воздух мягко, беззвучно сочится
Паром чая и запахом мяты.
Пахнет краской, цветами, корицей,
Книжной пылью и соком граната.
В тихом шашае медной посуды,
В одинокой молитве тюльпана
Льется воздух — метехское чудо,
Льется воздух — всемирная прана.
С каждым вдохом спокойней и глубже
Вера в подлинность жизни и смерти.
Воздух льется из дома наружу
Сквозь картину в углу на мольберте,
Замирая на миг в кипарисе,
Растекаясь по крышам и склонам.
Я клянусь этим домом в Тифлисе
И его несравненным балконом.

Роман МИМИНОШВИЛИ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Каждый из нас знает, трудно двигаться против течения, почти невозможно ускорять темп с усилением сопротивления потока, иными словами, устремляться вперед быстрее, чем тебя влечет в обратную сторону.

Впрочем, возможно ли такое? В жизни так не бывает, ответит умудренный опытом читатель, и с ним спорить будет трудно. В действительности мы стараемся следовать по течению, хотя не всегда, к сожалению, это нам удается. Так что же говорить о движении против течения! А все-таки иногда возникает такая необходимость, к примеру, надо вести парусное судно против ветра. Искусным яхтсменам это удастся. Видели вы такое? Видели. Они умудряются использовать сопротивление ветра в свою пользу. Значит это явление не сверхъестественное, «божественное» (с помощью, допустим, Нептуна), а вполне естественное. Следовательно, такое умение человека может быть применимо и в других условиях, скажем, для преодоления сопротивления бюрократизма, равнодушия, застоя, толкающих нас назад. В этом и заключается суть перестройки...

Мне хочется рассказать один «печальный детектив», правда, не совсем в астафь-

14 09 53 40
210-1110333

евском духе, да, пожалуй, и не вполне детектив, но уж печальную историю точно.

Итак, мы допускаем, что в жизни возможно идти против течения. Если это так, то почему это невозможно и в технике?.. А случается и так: что возможно в технике, стало невозможным в жизни. Как раз об этом и наш рассказ.

Хотелось бы начать его словами: «в некотором царстве, в некотором государстве...». Прямо как в сказке. Но не для того, чтобы уйти от действительности, сожалея о том, что эта история происходила рядом с нами, но и потому, что когда-нибудь, быть может, даже в XXI столетии расскажут своим внукам эту нашу быль как сказку. Однако поручим это дело нашим милым внукам — уважаемым бабушкам XXI века, сами же поведаем все, как было, лишь оговорив предварительно одно обстоятельство.

В детективной повести личность преступника с самого начала известна только автору, читатель же до последней ее страницы ломает голову — кто бы это мог быть? Чем запутаннее сюжет, чем дальше отодвигается развязка, тем интереснее книга. А я вынужден с самого начала огорчить моего доверчивого читателя — ни я и ни он до конца моей повести не будем знать, кто виноват; вместе будем ломать головы и все равно никогда этого не узнаем. Ибо это детектив особого рода, в нем нет виновных, хотя все делается плохо, нет виновника, кроме, допустим, самого положительного героя, желающего сделать добро и напрасно наломавшего много дров. Сидел бы спокойно за своим столом в каком-нибудь конструкторском бюро, выполнял бы никому не нужную работу, в лучшем случае, такую, конечная цель которой ему безразлична, не портил бы своими конструкторскими идеями жизнь ни себе, ни подчиненным, ни, тем более, начальству, которое особенно не любит этого... Впрочем, проследив за сюжетом, вы сами во всем убедитесь.

Но перед тем, как приступить к нашему рассказу, позволю себе привести эпизод из выступления Героя Советского Союза за профессора И. Н. Цицишвили. Несколько лет тому назад на одном из Пленумов ЦК КП Грузии он поделился воспоминаниями о том, как наши войска форсировали в конце октября 1943 года Днепр. Был построен через реку мост длиной в 451 метр (и это в условиях непрекращающегося огня со стороны противника). Через этот мост, наведенный за фантастически короткий срок — всего за четверо суток — прошли наши войска и вся военная техника — танки, орудия, бронетранспортеры... (за эту операцию молодой специалист И. Н. Цицишвили полу-

чил звание Героя Советского Союза). Такой мост, продолжал оратор, в наших мирных условиях, сегодня, можно построить не за четверо суток, а минимум за четыре года! Один год пойдет на составление проекта и технико-экономической документации, один — на их утверждение и внесение в план следующего года и еще два — на строительство. Это в лучшем случае! Далее он привел пример строительства вблизи Уплисцихе семидесятиметрового моста, сооружение которого продолжалось в течение пяти лет; и первая же прошедшая по нему машина (не танк, а автомашина!) разрушила этот мост. Его достраивали еще четыре года.

Рассказ И. Н. Цицишвили весьма поучителен, он имеет, хотя и не непосредственное, но все же прямое отношение к нашей истории.

В 1973 году инженер Константин Шалвович Гвелесиани имел несчастье сделать открытие в технике. Это произошло примерно так.

Котэ наблюдает за движением парусной яхты против ветра, который упорно отгоняет судно назад. А яхтсмен старается преодолеть натиск стихии. Он подставляет ей парус под таким уклоном, что яхта, используя силу ветра, движется не назад, а вперед, правда, не по прямой линии, а по диагонали, зигзагообразно, в нужный момент меняя галсы. Значит, думает Котэ, если можно зигзагом, меняя галсы, использовать силу ветра, то почему бы не сделать этого и спиралью, как бы ввинчиваясь в сопротивляющийся поток. Ветер со всей силой дует на яхту, но вместо того, чтобы отогнать ее назад, словно всасывает в себя, притягивает к себе. А теперь представим, что все это происходит в трубе, с воздухом или жидкостью. Если против движения потока, используя его силу, мы захотим двинуть предмет, то он должен следовать примеру яхты, перемещаясь или зигзагообразно, или спиралеобразно. В плане спираль и есть зигзаг. Но это невозможно, ибо некому менять галсы. А что, если прикрепить к этому предмету пропеллер, вращение которого заменит парус? Но какая от этого будет польза? Огромная! Представим себе локомотив с таким пропеллером, который тянет за собой весь состав контейнеров. И вот родилась идея. В мире уже ведутся работы по использованию нефте- и газопроводов для перевозки грузов в направлении потока. Что даст осуществление этой идеи? Груз будет двигаться в одном направлении. Скажем, от источника газа, где кроме него вряд ли можно найти какой-либо другой ценный груз. В обратном направлении порожнюю тару и другие грузы при-

дется везти уже другим видом транспорта. Сделав же движение двухсторонним, получим значительную выгоду, ибо нефтяные и газовые месторождения больше нуждаются в подаче груза, хотя бы стройматериалов, чем центр страны. Это ясно. И вот группа изобретателей во главе с К. Гвелесиани приступает к осуществлению новой идеи. Много бессонных ночей уходит на разные вычисления, делаются чертежи, надо найти оптимальную схему контейнера, его двигателя и т. д. Не будем вдаваться в технические подробности, и без того понятно, какая это трудная работа. А после того, как была сделана первая действующая модель, все представлялось легким, ясным и естественным! Впрочем, большое открытие потом всегда кажется простым. Настолько даже, что в данном случае со страниц всесоюзного журнала стало возможным предложить юным изобретателям самим смастерить аналогичную модель. И маленький контейнер в пластмассовой трубке будет двигаться против струи, образованной обыкновенным домашним пылесосом (см. журнал «Юный техник», № 8, 1978 г.). Забавно ведь?

Но К. Гвелесиани и его группе не до забав. Прошло 14 лет после завершения изобретения, а их контейнер приносит не больше пользы, чем та детская игрушка. Им восхищаются, удивляются, пожимают плечами, но дальше этого дело не движется.

28 августа 1973 года группа изобретателей в составе К. Ш. Гвелесиани, З. И. Каджелашвили, А. Ш. Цвितिцидзе ставит в известность о своем изобретении министра нефтяной промышленности СССР В. Д. Шошина и просит о помощи. Пока идет спокойная переписка и никаких затруднений не возникает. Это сообщение министерство пока ни к чему не обязывает — можно ответить, зачем отказываться. И уже 10 сентября (через две недели — ведь быстро?) группа получает письмо от заместителя начальника Техничко-экономического управления Миннефтехимпрома СССР Н. А. Сидорова, требующего выслать копии заявок на предполагаемое изобретение.

Требуемые копии были высланы в тот же день, 10 сентября. И воцарилось гробовое молчание. Нужна практическая помощь, нужно что-то решать, а это труднее, чем вести переписку. Через месяц, 20 октября, нетерпеливые изобретатели вновь беспокоят министра: «Вторично просим Вас увеличить численность нашей службы на 40 единиц. Это не так уж много и вполне под силу Министерству, особенно после издания приказа № 472 от 17 сентября 1973 г., где на стр. 3—4 читаем: «...обеспечивать надлежащие условия для творческой деятель-

ности изобретателей и рационализаторов, оказать им всестороннюю помощь в реализации изобретений и рационализаторских предложений, создавая для этой цели в необходимых случаях на предприятиях, в организациях и учреждениях **лаборатории и специальные группы**». И далее «**2. ...с выделением изобретений, имеющих межотраслевой характер, для включения их в соответствующие планы**». В заключение позвольте выразить надежду, что данное письмо не останется безответным, подобно первому».

Наш дорогой Константин Шалвович допустил в этом письме ряд непростительных ошибок. Во-первых, таким тоном с министром не разговаривают; во-вторых, не напоминают ему об изданном им же приказе, который не выполняется; в-третьих, не подчеркивают в его словах то, что кажется более важным, ибо в приказе все важно; в-четвертых, не напоминают ему, что подчиненные почти никогда не доводят порученное дело до конца, если их постоянно не контролируют и не напоминают о поручении.

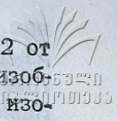
Вот почему Н. А. Сидоров в письме от 6 декабря 1973 года требует представить Министерству технико-экономическое и сметно-финансовое обоснование, без которых якобы невозможно решить вопрос о выделении 40 штатных единиц.

А вот ответ К. Гвелесиани от 17 декабря 1973 года:

«В свое время Вы нам писали, что «Для рассмотрения и подготовки решения по Вашему предложению о развитии в Грузинском комплексном отделе «СевКавНИПИнефть» научно-исследовательских и конструкторских работ прошу Вас выслать в наш адрес копии заявок на предполагаемые изобретения, упомянутые в письме от 28 августа на имя министра тов. Шашина В. Д.». Мы незамедлительно выслали запрашиваемый материал и надеялись в простоте душевной, что для инженеров этого достаточно. Тем более, что опыты по перемещению грузовых контейнеров в трубопроводах против потока газа или нефти энергией самого потока, увенчались успехом.

Далее устно и письменно мне было сообщено, что необходимо представить технико-экономическое обоснование, сметно-финансовые расчеты и т. д. для обоснования проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Вам лучше, чем кому бы то ни было известно, что технико-экономическое обоснование на каждый типоразмер машины требует наличия мощной службы экономического прогнозирования и длительного времени, чего у нас нет и почему возбудили мы просьбу к министру. Кстати, ни постановление ЦК

КПСС и СМ СССР и ни приказ Миннефтепрома за № 472 от 17 сентября 1973 г. не предусматривают представления изобретателями технико-экономических обоснований на стадии изобретения. Этого не требует даже Госкомитет СМ СССР по делам изобретений и открытий, выдавая авторские свидетельства.

Указанным постановлением обязали руководителей министерств, ведомств, предприятий, организаций и учреждений: «...обеспечивать надлежащие условия для творческой деятельности изобретателей и рационализаторов, оказывать им всестороннюю помощь в реализации изобретений и рационализаторских предложений, шире привлекать авторов к участию в работе по подготовке к использованию их предложений, создавая для этой цели в необходимых случаях на предприятиях, в организациях и учреждениях лаборатории и специальные группы».

Прошу Вас помнить, что хотя мы и изобретатели, в первую очередь мы инженеры и далеко не сутяжники. Поэтому мы прекращаем всякую переписку по данному вопросу с кем бы то ни было, однако напоследок все же заметим, что, наверное, при желании не трудно было бы себе представить колоссальную эффективность только для нефтяной отрасли контейнерной бесперебойной доставки в Тюмень материалов для цементажа скважин, глинистых растворов, гравия и многого другого. Ведь достоверно известно, что доставка 1 м³ гравия в Сургут обходится в 20 рублей! Но на нет — и суда нет.

С уважением К. Ш. Гвелесиани».

На этом и кончился первый раунд неравного боя. Был нанесен нокаутирующий удар, причем пострадал сам К. Гвелесиани, «с уважением» нанесший его.

В перерыве между раундами я и познакомился с К. Ш. Гвелесиани. Это было уже в 1974 году.

Меня, конечно, заинтересовало изобретение, но не меньше — сам изобретатель, его одержимость, стремление во что бы то ни стало дать дорогу своему детищу. Он верил, что это удастся в скором будущем, что главное — найти человека, который возглавит учреждение, а сам он будет заниматься новыми идеями. Я тоже верил, что К. Ш. Гвелесиани скоро удастся осуществить задуманное, но не мог поверить в то, что можно найти готового директора предприятия, которому лишь дай свои идеи и чертежи и он с той же одержимостью превратит их в такие машины, о которых ты мечтаешь. А что если ему понравится не твоя идея, а кресло, которое ты ему предложил, и он будет стараться дольше и спокойнее сидеть в

нем, не входя в конфликт ни с вышестоящими инстанциями, ни даже с соседями по положению? Не будет вести борьбу ни вертикально, ни горизонтально. Разве мало таких директоров? Кажется, я убедил Гвелесиани. И он начал второй раунд.

Должен признаться, я использовал свое служебное положение и в меру своих скромных возможностей помог К. Гвелесиани. Прямой выход на всесоюзное Министерство изобретателям ничего не дал. Надо было найти обходной путь — через партийные органы. Я тогда работал заведующим сектором художественной литературы отдела культуры ЦК КП Грузии. Конечно, в мои функции не входило вмешиваться в вопросы промышленности. Но тем не менее, убедившись, что имею дело с важным открытием, счел своим гражданским и партийным долгом предпринять шаги, выходящие далеко за рамки моих обязанностей. Я проинформировал о «гвелесиановском» деле тогдашнего отраслевого секретаря ЦК З. А. Патаридзе. Ныне покойный Зураб Александрович, прошедший путь от начальника смены в шахте до Председателя Совета Министров республики, был человеком неумемной энергии, исключительно преданным своей работе, с удивительной легкостью и быстротой проникающим в суть дела. Котэ рассказывал мне, что как только он начал говорить о своем изобретении, З. А. Патаридзе прервал его и, к изумлению изобретателя, сам начертил на бумаге схему контейнера и закончил изложение идеи. «Я правильно Вас понял?» — с улыбкой спросил он.

Через некоторое время во дворе здания ЦК было продемонстрировано действие модели. В конце большой прозрачной пластмассовой трубы стоял крошечный контейнер, с противоположной стороны с большим напором в трубу пустили воду из пожарного шланга. И контейнер, вместо того, чтобы по логике вещей, выскочить из трубы, наоборот, с бешеной скоростью врезался в поток и доскочил против направления потока прямо к его источнику — пожарному шлангу! Эксперимент наблюдали члены бюро ЦК. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе спросил З. А. Патаридзе: «Где Вы нашли такого изобретателя?» А тот с улыбкой ответил: «Это результат протекции!»

Так благополучно начался второй раунд. Последовали поиски ведомств, способных создать экспериментальную базу для продолжения работ и открыть соответствующее финансирование. Может быть, использовать для этой цели возможности Грузинского Политехнического института имени В. И. Ленина?

1035940
512-1110933

И вот 20 февраля 1974 года проректор по научной работе ГПИ профессор Т. Н. Лоладзе посылает в Государственную экспертизу Госплана СССР тов. Ю. И. Боксерману письмо, в котором говорится: «Анализ существующих путей развития трубопроводного транспорта сыпучих грузов в контейнерах, а также результатов предварительных исследований, проведенных при кафедре самолетостроения ГПИ им. В. И. Ленина по просьбе ГКО СевКавНИПИнефть показывает, что оригинальная конструкция контейнеров... является весьма перспективной... Учитывая особую важность возникших задач и необходимость ускорения их реализации, считаем целесообразным сосредоточить проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в данной области в ГПИ...»

Причем руководство ГПИ, не без основания полагая, что делу могут помешать межведомственные противоречия, считает, что такие препятствия исключаются в ГПИ.

По тому же адресу (Ю. И. Боксерману) неделей раньше было отправлено письмо аналогичного содержания за подписью начальника ГКО «СевКавНИПИнефть» Ш. Киркиташвили. 15 марта он сообщает и Председателю Комиссии по проблемам транспорта АН СССР, члену-корреспонденту АН СССР А. В. Гориннову о содержании письма к Боксерману, а 18 марта направляет ему же копию процитированного выше письма ГПИ.

Как видим, идет бойкая переписка между организациями, никто не отрицает важности дела, скорее всего, наоборот. Но если что-то и находится в движении, то только бумаги, а дело прочно стоит на месте.

Вскоре сам К. Гвелесиани убедился, что включение в эту историю ГПИ было ошибкой. Институт не мог при всем своем желании осилить новое для него начинание и вряд ли Минвуз СССР и Минвуз республики в состоянии чем-нибудь этому способствовать.

Этот канал переписки — СевКавНИПИнефть — ГПИ — Боксерман вскоре заглох. Надо найти другого покровителя. Может, «Грузгипроводхоз»?

9 октября 1974 года ЦК КП Грузии поручает министру мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР Г. С. Кобулия объединить научную группу комплексного отдела института «СевКавНИПИнефть» с родственным подразделением института «Грузгипроводхоз».

Минводхоз этого не хочет! Во-первых, новое изобретение к его министерству прямого отношения не имеет. Министерство

нефтяной промышленности СССР никаких шагов в этом направлении не предпринимает, несмотря на то, что по логике вещей это прямая его обязанность, зачем же тогда Минвдоху проявлять инициативу? Во-вторых, кому приятно взваливать на свои плечи лишний груз? И, в-третьих, что особенно важно, новое изобретение может подорвать авторитет проводимых его министерством работ, на так называемом полигоне «Лило-1», где сооружаются обычные трубопроводы по направлению потока. Да, у министра есть свои соображения, но об этом он не докладывает ЦК, не без основания опасаясь того, что его могут обвинить в противлении делу научно-технического прогресса. Поэтому министр молчит и не предпринимает никаких мер по осуществлению поручения ЦК. И смотрите, во что это выливается: 12 декабря начальник «СевКавНИПИнефть» Ш. Киркиташвили издает приказ: «В связи с решением Главтранспорта Министерства нефтяной промышленности о прекращении разработки тем... в связи с прекращением финансирования... научную часть ГКО «СевКавНИПИнефть» ликвидировать с 1 января 1975 г. с выплатой работникам двухнедельного пособия». И вот та самая группа, которая работала над новым изобретением, оказалась за бортом! Вместо того, чтобы премировать, всячески поощрять, их лишают даже работы! Вот они, новоявленные «мученики» от науки: К. Ш. Гвелесиани, З. М. Каджелашвили, А. Ш. Цквинидзе, О. В. Татишвили, Л. Н. Баханова, М. Г. Кухианидзе, Г. А. Шатиришвили. Прямо напрашивается заглавие агнографического произведения: «Мученичество святого Константина Тбилисца и пяти братьев и сестры его». Но это уже совсем другой жанр. А мы обратим внимание на поспешность решения одного из подразделений Министерства нефтяной промышленности: наконец-то можно избавиться от Гвелесиани! И вот незадачливый изобретатель получает во втором раунде нокдаун, но не сдается. Я свидетель того, как он переживает — из-за его затеи без работы остались шесть человек! Он делится со мной своим новым опытом: «Все идет хорошо на высшем уровне, на уровне секретаря ЦК: есть решение, дано поручение. Но оно не выполняется. Я могу в любое время зайти к З. А. Патаридзе, он дал мне это право. Но опасно жаловаться, ведь я полностью завишу от тех людей, на которых приходится жаловаться!»

Да, такой опыт есть у всех нас. Если начальство вдруг спросит — почему не выполняется поручение, подчиненные легко догадываются, кто ему напомнил об этом. У многих бюрократов выработана привычка не спешить с выполнением ре-

золюции, подождать, убедиться, насколько это серьезно, последует ли за резолюцией звонок... Если нет, можно отделаться отпиской. Нет, звонок последовал, резкий, требовательный. Ах, этот Гвелесиани! Что делать, вновь зашевелилась машина деловых переписок.

18 декабря 1974 года заместитель директора ВНИИПИ-Транспрогресс Всесоюзного промышленного объединения «Союзтранспрогресс» Министерства строительства предприятий, нефтяной и газовой промышленности профессор Л. Н. Щукин пишет в министерство мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР: «Финансирование работ... будет производиться Миннефтегазстроем СССР... Передача тематики в Грузгипроводхоз и вопросы финансирования согласованы с Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР».

Надеюсь, вы догадываетесь, что это письмо было организовано не по обычным каналам, а после вмешательства партийных органов. Минводхоз продолжает молчать. Вновь поступает к нему бумага, в которой речь идет о том, что прием специалистов из «СевКавНИПИнефть» был отложен до получения вышеуказанного гарантийного письма. Письмо о финансировании работ на сумму 560 тысяч рублей, согласованное с Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР уже лежит в Минводхозе Грузии. Но несмотря на это, не решается вопрос даже трудоустройства специалистов! Вновь, несмотря на соответствующую резолюцию, Минводхоз занимает выжидательную позицию. Последует ли звонок? Звонок последовал, резкий, требовательный. Значит, тов. З. А. Патаридзе серьезно заинтересован? Ах, этот Гвелесиани! И издается соответствующий приказ по министерству; специалистов приняли фактически 5 февраля 1975 года, оформив приказ задним числом с 15 января. Но не будем мелочными, все равно сейчас ничего нельзя доказать. То, что эти даты хорошо помнят Гвелесиани и члены его группы, то, что они пережили за период «безработицы», никого сейчас не волнует, и тогда мало кого волновало.

Совершенно другое отношение к изобретению проявляет пресса тех лет. Газета «Социалистическая индустрия» (9 января 1975 года) пишет: «И дело перемещения контейнеров по действующим трубопроводам удалось воплотить в жизнь работникам ГКО «СевКавНИПИнефть». Созданные здесь контейнеры и контейнерные поезда движутся в трубопроводах как в направлении потока, так и против него, используя энергию основной транспортируемой среды. Кстати, скорость движения

контейнера против потока может превосходить скорость перекачиваемой жидкости или газа в два-три раза».

Все это правда, если рассмотреть действующую модель, но до внедрения ее в практику, до воплощения в жизнь, увы, далеко! В том же году в газете «Правда» печатается статья Г. Лебанидзе «Пойдут по трубам эшелоны», в которой излагается важное народнохозяйственное значение нового изобретения. Я ничего не говорю о республиканских газетах, таких как «Заря Востока», «Вечерний Тбилиси» и другие, которые, начиная уже с 1973 года часто обращаются к этой теме.

Чуть позже «Экономическая газета» (№ 32, август 1976 г.) публикует интересную статью В. Веселова «Контейнеры идут по трубопроводу». Вначале автор ссылается на то, что XXV съезд КПСС указал на необходимость развития пневмоконтейнерного транспорта (приводим цитату из решения съезда: «Шире внедрять непрерывные виды транспорта — конвейерный, трубопроводный, в том числе и пневмоконтейнерный» — Р. М.). Далее он сообщает: «Пневмотранспорт, обладая по меньшей мере такой же эффективностью, как железнодорожный и автомобильный, лишен присущих им недостатков. Пневмопоезд — это в принципе тот же парусник. Он не разрушает окружающую среду».

Это, конечно, очень важный момент. Прокладка железных дорог в некоторых местах связана с огромными расходами, встает вопрос защиты архитектурных памятников, необходимо строительство множества подпорных стен, мостов, тоннелей, нередко приходится вмешиваться в установившуюся экологическую систему, в ущерб ей уничтожаются целые полосы лесных массивов, загрязняется воздух и вода и т. д.

Немаловажно и сравнение протяженности железных дорог и нефте- и газопроводов в нашей стране. В статье приведены цифры: 140 тысяч километров железной дороги против 150 тысяч нефте- и газопроводов. Сейчас соотношение иное: если общая протяженность железной дороги в нашей стране за эти годы еще не достигла 160 тысяч километров, то нефте- и газопроводов перевалила за 350 тысяч километров. Но, увы, ни один километр не используется для двухстороннего движения!

В статье В. Веселова говорится об экономическом эффекте изобретения К. Гвелесиани и его группы. Не надо прокладывать новые трубы, не надо переделывать и старые, как на железнодорожных станциях, аналогично на станциях трубопроводов, предназначенных в настоящее время для очистки труб и регулировки давления, есть разъездные линии, с помощью

которых встречные контейнеры разойдутся. За сутки контейнеры в направлении потока пройдут 350 километров, против потока — даже в два-три раза быстрее. От себя добавлю, что не требуется никакого горючего, никакой электроэнергии. Даже нельзя сравнить ни с одним видом транспорта!

Далее автор статьи отмечает, что Центральный Комитет КП Грузии всячески помогает изобретателям. Это, как мы убедились выше, верно. «Однако, — заключает В. Веселов, — никакого внимания на новую контейнерную систему пока не обратили там, где по логике вещей должны были бы скорее всего ею заинтересоваться, — в министерствах нефтяной и газовой промышленности».

Увы, это замечание «Экономической газеты» осталось гласом вопиющего в пустыне. Оно немного приободрило К. Гвелесиани, может быть, слегка огорчило некоторых сотрудников указанных министерств («Читали «Экономику»? Там что-то про нас пишут!»), но никто не спохватился («Как мы это могли упустить?»), никто не возмутился, и жизнь пошла своим чередом, спокойно, равнодушно... Вообще, в те времена мы упивались своими достижениями, видели только победы...

Один из благожелательно относящихся к К. Гвелесиани высокопоставленных лиц сказал ему: «Слушай, да перестань ты бомбардировать нас прессой. Что бы ни писали, все равно в министерстве будут делать так, как сами захотят». На возражение изобретателя, что он при всем желании не мог организовать центральную прессу, наоборот, редакции сами заинтересовались новшеством, он назидательно ответил: «А ты разными предложениями отшиби этих непрошенных журналистов, они только и делают, что раздражают наше начальство».

Я не называю фамилию этого товарища. Об этом меня просил Котэ, и на сей раз я ему уступаю. Действительно, зачем же доброжелателя превращать в противника, их и так хватает.

О прессе мы еще будем говорить, а сейчас продолжим прерванный разговор о дальнейшей судьбе изобретения.

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий 4 марта 1975 года разрешает запатентовать изобретение грузинских инженеров в США, Канаде, Италии, Японии, ФРГ, Франции и Великобритании. 30 апреля этот же Госкомитет доводит до сведения начальника технического управления Миннефтегазстроя СССР О. М. Ивацкова:

«Госкомизобретений направляет Государственному Комите-

ту Совета Министров СССР по науке и технике предложения о включении в координационный план на 1976—1980 гг. разработки группы специалистов института «Грузгипроводхоз» Министерства мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР «Магистральная трубопроводная контейнерная система». Тема решает актуальную задачу по использованию действующих магистральных нефте-газопроводов, протяженностью к 1990 г. — 350 тыс. км одновременно и в качестве транспортного средства для перемещения сыпучих грузов.

Указанная тема предусматривает использование 6 изобретений, патентируемых за границей: в США, Канаде, Японии, ФРГ, Италии, Франции, Англии.

В качестве патентирующей организации выступает ВНИПИ—транспрогресс Миннефтегазстроя СССР.

Просим Вас учесть предложения Госкомизобретений при составлении координационного плана на 1976—1980 гг., а также рассмотреть вопрос о включении данной темы в план 1975 года».

25 июня 1975 года первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Ю. Б. Баталин пишет Председателю Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили:

«Учитывая большую значимость и перспективность вышеупомянутых разработок, а также необходимость форсирования работ, Миннефтегазстрой СССР считает целесообразной организацию на базе инициативной группы специалистов «Грузгипроводхоза» в г. Тбилиси филиала Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института по трубопроводным контейнерным системам (ВНИИПИтранспрогресс) Миннефтегазстроя СССР численностью до 400 человек... До организации филиала ВНИИПИтранспрогресс запланирована организация в г. Тбилиси комплексного отдела этого института численностью в количестве до 50 человек».

В этом же письме говорилось о необходимости выделения рабочей площадки и земельного участка. Г. Д. Джавахишвили поручил соответствующим руководителям ведомств положительно решить вопрос. К сожалению, решение практических вопросов затянулось, так что уже к концу следующего 1976 года 24 ноября заместитель Председателя Госкомизобретений Совета Министров СССР В. В. Быков доводит со сведения Председателя Совета Министров Грузинской ССР З. А. Патаридзе:

«Учитывая важное значение изобретений в деле механизации и автоматизации транспортных процессов, а также ори-

гинальное выполнение устройства, вышеуказанные изобретения были запатентованы за границей (США, Канада и т. д.) с целью продажи лицензий. Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий просит Вас принять меры к использованию указанных изобретений в народном хозяйстве республики».

Здесь что-то не так! Попробуем разобраться. Поскольку всесоюзное министерство поначалу не обратило никакого внимания на изобретение, республиканские партийные органы нашли нового покровителя в лице Минводхоза республики и приняли все меры, чтобы создать комплексный отдел всесоюзного института с перспективой организации филиала. Теперь уже планирование, финансирование и техническое обеспечение работ зависит от всесоюзных органов, которым непосредственно подчиняется группа К. Гвелесиани. Всесоюзное же ведомство просит республику внедрить изобретение в народное хозяйство? Это ведь уже не прерогатива республики...

Изобретением заинтересовалась не только пресса, но и многие предприятия страны, которые хотят использовать новую технику.

5 января 1977 года уполномоченный Минвнешторга СССР по Грузинской ССР Р. С. Елигулашвили пишет К. Ш. Гвелесиани:

«Имея патентную защиту приоритета изобретения, демонстрация действующей модели за рубежом вызывает большой интерес у представителей деловых кругов и может послужить предметом заключения лицензионных контрактов и соглашений о научно-техническом сотрудничестве».

Прекрасное предложение. Но увы, для его осуществления не нашлось денег ни у уполномоченного и его министерства, ни у К. Гвелесиани и его министерства! Два мощнейших союзных министерства не нашли мизерной суммы? Не захотели.

30 марта 1977 года главный строитель объединения «Сибжилстрой» Г. И. Тимофеев из прессы узнает о новом изобретении и ищет адрес К. Гвелесиани. Он обращается к Грузинскому обществу изобретателей и рационализаторов: «Идея транспортировки грузов... в контейнерах с Урала на Север (Назым, Сургут) для нас очень важна, и мы готовы рассмотреть ее для претворения в жизнь». Адрес К. Гвелесиани был, конечно, установлен и завязалась переписка между предполагаемыми партнерами.

25 июня 1977 года начальник объединения «Сибжилстрой»

И. А. Шаповалов обращается со следующей просьбой в Миннефтегазстрой СССР:

«Объединение «Сибжилстроя», ознакомившись с принципом действия противопоточных трубопроводных контейнерных систем... считает крайне необходимым провести широкие эксперименты в данной области для выявления возможности транспортирования 1 млн. тонн инертных материалов и цемента с Урала до Надыма и Сургута. В связи с изложенным просим Вас выделить нам средства по новой технике в объеме до 100 тыс. руб. в 1977 году для заключения договора с ВНИИПИ-транспрогресс».

Какое действие возымела эта просьба и просьба К. Гвелесиани, видно из письма К. Гвелесиани к И. А. Шаповалову (16 ноября 1977 г.): «Нам не удалось убедить ВПО «Союзтранспрогресс» и его институт ВНИИПИ-транспрогресс в целесообразности начала разработки в 1977 году», — пишет он и предлагает предполагаемому партнеру повторно просить министерство о выделении средств уже на 1978 год.

Читатель, конечно, догадался, что ни повторная просьба, ни многочисленные аудиенции К. Гвелесиани, и не только К. Гвелесиани, но и некоторых руководителей республики в Москве, в Миннефтегазстрое СССР и его подразделениях ни к чему не привели. Хотя речь шла о сумме для Министерства незначительной, о 100 тысячах рублей. Правда, в министерстве понимали, что это деньги только для начала, но ведь в будущем эти затраты могли обернуться миллионами, а по всей стране — миллиардами экономии! Но это в будущем...

14 апреля 1977 года К. Гвелесиани обратился с просьбой к председателю Грузинского республиканского Совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) В. В. Кипиани: «...через центральный совет ВОИР просить ГКНТ СССР восстановить целевое финансирование разработок именно противопоточных контейнеров «с колесно-винтовыми движителями»...

Это не помогло. 7 сентября, через пять месяцев, К. Гвелесиани вновь обращается к председателю Грузинского республиканского Совета ВОИР В. В. Кипиани с просьбой возобновить ходатайство перед ГКНТ СССР о восстановлении целевого финансирования. Все тщетно!

Надеюсь, читатель обратил внимание, что через все деловые бумаги проходит мысль о важности, перспективности изобретения, о необходимости его скорейшего внедрения в жизнь, но несмотря на это и на то, что действующая модель

экспонируется в павильоне газовой промышленности ВДНХ СССР с февраля 1977 года для всеобщего обозрения, никто практически ничего не делает.

041935940
302-1110333

23—28 апреля 1978 года в Тбилиси проводится советско-английский семинар по трубопроводному гидротранспорту твердых продуктов и контейнерному пневмотранспорту, и в протоколе этого семинара, подписанном с советской стороны профессором А. Г. Джваршеишвили, а с английской стороны доктором Дж. В. Фитчи записано: «Стороны полагали бы целесообразным вести совместные работы в области создания противопоточных контейнерных систем применительно к действующим нефте- и газопроводам на взаимовыгодных началах». Однако и этот факт повисает в воздухе.

Теперь обратимся к прессе тех же лет. В 7 номере за 1977 г. журнала «Наука и жизнь» напечатана статья заместителя председателя Совета Министров Грузинской ССР О. Е. Черкезия, в которой говорится: «...универсальная система трубопроводного транспорта разработана в грузинском отделе института «ВНИИПитранспрогресс...» Уже сейчас эти контейнеры могут использоваться для очистки существующих газо- и нефтепроводов, транспортирования всевозможных приборов и механизмов, изучающих внутреннее их состояние и автоматически устраняющих неполадки. Все это происходит при непрерывающейся перекачке жидкости или газа. Специалисты говорят, что для внедрения этой системы не потребуется особо сложных дополнительных устройств, так как большинство магистральных трубопроводов оснащено пускоприемными станциями очистных устройств. Насколько важна эта работа, можно понять, если взглянуть на карту проложенных трубопроводов, пересекающих на сотни километров труднодоступные и малообжитые районы страны. Транспорт в этих местах решает все».

8 января 1978 года в газете «Известия» опубликована статья С. Давитая «Магистралы под землей», в которой читаем: «По предварительным подсчетам по трубопроводу протяженностью в тысячу километров при диаметре 1.200 миллиметров можно перевести до 10 миллионов тонн груза... Недавно работники тбилисского отделения Всесоюзного института по трубопроводным контейнерным системам получили письмо из Тюмени. Объединение «Сибжилстрой» сообщает, что хотело бы использовать изобретение тбилисских инженеров на доставке грузов с Урала до Надыма и Сургута по нефтепроводам».

Вы уже знаете, чем кончилась эта затея!

Особо хочется остановиться на публикации журнала

«Изобретатель и рационализатор». В 10-м номере за 1977 год напечатана статья Н. Виноградовой «Подземный парусник». Автор описывает принцип движения контейнеров против потока. Говоря о трудностях работы изобретателей, она сообщает: «Изобретатели в обиде на министерства нефтяной и газовой промышленности, которые не проявляют интереса к теме, ссылаясь, что она в компетенции других министерств. К. Ш. Гвелесиани считает, что без помощи этих министерств реализовать предложение, основой которого является использование уже существующих нефте- и газопроводов, невозможно. Ведь наиболее ощутимую выгоду при освоении нового транспорта получают именно нефтяники».

21 декабря 1977 года К. Ш. Гвелесиани благодарит главного редактора журнала «Изобретатель и рационализатор» Н. И. Карасеву, опубликовавшую эту статью, и просит взять шефство над изобретением, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Редакция журнала так и поступает. 26 декабря Н. И. Карасева обращается к министру Миннефтегазстроя СССР с просьбой ознакомиться со статьей «Подземный парусник» и «довести до конца начатое дело, оказать изобретателю необходимую помощь». 9 января 1978 года министр Б. Е. Щербина наложил резолюцию на это обращение: «Т. Курочкиной Л. М. Для подготовки ответа». Ответ редакция получила от врио директора института ВНИИПИ транспрогресс А. Н. Гускова. Резонно, что редакции отвечает институт, в чью компетенцию входит этот вопрос, но содержание ответа нас, мягко говоря, удивляет: «Прямое внедрение таких систем в существующие магистральные трубопроводы невозможно без замены арматуры на полнопроходную. В настоящее время работы по противопоточным системам ведутся на стадии научно-технической проработки и подготовки предложений по исследовательским стендам. Создание таких стендов планируется на полигоне института в г. Раменское Московской области. В этой связи сведения об организации полигона в Грузии, приведенные в статье «Подземный парусник», следует считать ошибочными».

Во-первых, никто не требовал прямого внедрения систем в существующие магистрали, предварительно не проверив это экспериментально, во-вторых, А. Н. Гусков заранее знает даже без предварительной проверки, что без замены арматуры это невозможно. В-третьих, если группа изобретателей работает в Тбилиси, почему экспериментальный полигон для них должен создаваться в Московской области? Такая отписка могла ввести в заблуждение кого угодно, но не редакцию специального

журнала, а автора статьи тем более. Даже я, человек далекий от техники, но не от науки, от принципов элементарного логического мышления, как видит читатель, — не очень-то растерялся.

Мое особое внимание привлекло письмо К. Гвелесиани от 24 января 1978 года к Н. И. Карасевой, очень характерное для того времени, полностью подтверждающее основательность предупреждения одного доброжелателя К. Гвелесиани; помните, я говорил, что не следует прессой бомбардировать министерство?

К. Гвелесиани благодарит редакцию журнала за помощь и дополнительно просит: «Затребовать у Миннефтегазстроя шифр по ГКНТ и поэтапный план за 1978-80 гг.; рекомендовать министрам нефтяной и газовой промышленности изучить возможность применения противопоточных контейнеров в рукодимых ими отраслях; обратить внимание Госплана СССР (т. Бирюкова В. Е.) и ГКНТ СССР (т. Гвишиани Дж. М.) на необходимость широкого обсуждения вопроса».

Заметим тут же, что, как видно из письма редакции к К. Гвелесиани (от 23 марта 1978 г.), она по этим вопросам обратилась к министру нефтяной промышленности СССР Н. А. Мальцеву, министру газовой промышленности С. А. Оруджеву и председателю ГКНТ В. А. Кириллину. Редакция сделала свое дело.

Но мне хочется снова вернуться к вышеуказанному письму К. Гвелесиани. Заканчивается оно трагически: «В том случае, если журнал найдет нужным удовлетворить нашу просьбу, то, думаю, излишне напомнить, что ссылаться на нас не следует, т. к. в противном случае Тбилисский отдел ВНИИПИ-транспрогресс будет ликвидирован». Горький опыт взаимоотношений с властью имущими инженерами подсказывал К. Гвелесиани быть осторожным, «у страха глаза велики», ему даже казалось, что он борется с тремя-четырьмя министерствами! Его настороженность, к сожалению, не была беспочвенной.

А. Н. Гусков и институт ВНИИПИ-транспрогресс не остались без поддержки, против статьи «Подземный парусник» выражает и другое подразделение того же Миннефтегазстроя СССР. Так, 16 июня 1978 года заместитель начальника Главтранснефти А. М. Гусаров пишет: «Проблема использования контейнеров в нефтепроводном транспорте должна быть рассмотрена авторами с технико-экономических позиций. Однако для проведения хотя бы приблизительных технико-экономических расчетов пока нет необходимой информации и экспери-

ментальных исследований движения контейнеров в жидкостных потоках». Трудно возразить против этого заключения.

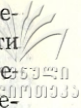
Только нельзя не заметить, что соображения А. М. Гусарова как две капли воды схожи с соображениями А. Н. Гускова, скроены они по одной схеме, что дает повод для размышлений о том, что разные подразделения Миннефтегазстроя объявили крестовый поход против Гвелесиани. Вот что пишет А. М. Гусаров: «Условия для движения контейнеров в жидкостных потоках могут быть созданы лишь за счет существенных потерь напора жидкости. Ориентировочно указанные потери могут быть оценены в 10—15% напора насосных станций. В соответствующей степени возрастут и расходы энергии на перекачку. Кроме того, скорости перекачки нефти и нефтепродуктов не превышают 1,5—2 м/сек, и этих скоростей недостаточно для передвижения контейнеров против направления потока».

Вынужден повториться: если эти доводы приведены для того, чтобы ошеломить и сбить с толку непосвященного человека, скажем, меня, то автор может иметь определенные шансы на успех, но специалистов не обмануть, их можно только заставить замолчать, дав понять, что дальнейшая борьба бесполезна. Однако, рассуждая логически, нельзя не заметить: допустим, А. М. Гусаров прав, считая, что преждевременно до экспериментов говорить о конечных результатах, но почему же он, вопреки своему выводу, сам торопится объявить конечный результат. Если ему все известно заранее, зачем нужны эксперименты?

13 июля 1978 года автор статьи «Подземный парусник» Н. Виноградова пересылает копию письма К. Гвелесиани: «Поскольку оно затрагивает узкоспециальные темы, мы находимся в некотором затруднении — что и как отвечать. Пожалуйста, подскажите, каким образом поддержать Ваше изобретение еще раз, не вдаваясь в технико-экономические расчеты, которые не в нашей компетенции». 25 июля К. Гвелесиани посылает в редакцию подробную информацию. Думаю, чтобы ввести читателя в курс дела, необходимо дать некоторые пояснения.

В первую очередь следует разобраться в том, что такое и по какому принципу действует магистральный нефтепровод. Это трубопроводная система большого грузопотока, оснащенная головной, промежуточными и концевой насосными станциями. Межстанционное расстояние по всей трассе выбирается в зависимости от рельефа и, чаще всего, составляет 80—120 км.

Главная станция, расположенная в районе месторождения нефти, получает ее из резервуаров, повышает давление до 50

атмосфер и направляет нефть по магистрали до первой промежуточной насосной станции. По трассе на перемещение нефти расходуется примерно 45 атмосфер. Далее нефть под давлением оставшихся 5 атмосфер попадает в насосы первой промежуточной станции, которая опять повышает давление нефти до 50 атмосфер и т. д. Цикл продолжается до конечного пункта. Все насосные станции магистральных нефтепроводов оснащаются избыточными мощностями (не менее 5 процентов необходимых мощностей) из-за наличия в системах целого ряда сопротивлений, вызванных как низким уровнем оснащения, так и низкой культурой эксплуатации. В письме Гвелесиани приведены причины этих сопротивлений. Во-первых, установка на нефтепроводах неравнопроходных задвижек: так, на трубе диаметром 1220 мм установлены чаще всего задвижки с проходным сечением лишь 800—900 мм. Во-вторых, нерегулярная очистка нефтепроводов от парафинно-смолистых отложений значительно снижает активное сечение трубопровода. В-третьих, появляются грязе-водяные пробки в низких точках трубопроводов.

Однако все эти препятствия должны быть преодолены, и они преодолеваются, ибо нельзя, чтобы объем поступающей нефти колебался, этого не позволит ни потребитель, ни плановое задание. Поэтому приходят в действие избыточные мощности насосных станций, обеспечивающие перекачку через суженные сечения трубопроводов планового количества нефти. Примерно такое же положение в газопроводах.

Надо учесть существующее положение в нефте- и газопроводах, чтобы рассмотреть эффективность изобретения К. Гвелесиани применительно к ним. А теперь посмотрим, что предлагают наши изобретатели. Когда они предлагают применить в действующих нефте-газопроводах противопоточные контейнерные системы, то учитывают использование только избыточных мощностей, о которых говорилось выше, которые останутся неиспользованными при оснащении нефтепроводов равнопроходными задвижками и регулярном проведении обязательных на сегодня профилактических мероприятий по исключению сужения сечения трубопроводов. Проводить регулярную очистку труб труднее, чем использовать избыточную мощность, заставляя нефть двигаться по суженным трубам. Но изобретатели предлагают: дайте нам пользоваться этой избыточной мощностью, и противопоточные контейнерные системы сами будут выполнять, помимо своей основной, также функцию трубоочистных устройств! Видимо, это-то и не устраивает А. М. Гусаро-

ва. В письме К. Гвелесиани есть такие строки: «Тов. Гусаров А. М. должен помнить, во сколько миллионов рублей обходятся его же институту ВНИИПИНефть бесконечные исследования примитивных скребков (очистных устройств), ненужное финансирование которых спровоцировано «приблизительными технико-экономическими расчетами». Англичане оказались умнее Гусарова А. М. и всех тех, кто делает политику новой техники у нас в стране. Они уже опередили нас по расходам (около 1 миллиона фунта стерлингов) в данной области и только после этого предложили нам сотрудничать под эгидой нашего патента: на «взаимовыгодных условиях» (имеются в виду итоги советско-английского семинара, о котором говорилось выше — Р. М.). Да, трудно отказаться от своего ради поощрения хоть и лучшего, но чужого!

Изобретатели отрицают, что для их системы нужны дополнительные мощности: «Если бы мы, по А. М. Гусарову, предусматривали бы увеличение мощностей насосных станций на 10—15 процентов, то тем самым в зародыше убили бы способ противопоточного движения». Они отвергают и другой довод А. М. Гусарова о том, что якобы скорость 1,5—2 м/сек недостаточна для системы. В жидкостных средах контейнеры работают именно при потоках, скорости которых не превышают именно указанную скорость. Изобретатели приглашают А. М. Гусарова убедиться в этом у них на стенде. В данном случае низкие скорости потока компенсируются плотностью нефти (соответствующие цифры мы опускаем). Так что контейнеры могут развить 350—500 километров в сутки, причем беспрепятственно. Согласитесь, это ничем не уступает скорости товарных эшелонов, развивающих большую скорость, но простаивающих на станциях в ожидании свободного пути.

Следует особо отметить, что предлагаемая изобретателями система предусматривает движение контейнеров по однопутной магистрали как против потока, так и в направлении потока. Последнее направление уже широко внедряется во всем мире. Ведутся широкие опыты и у нас в стране на магистральных трассах. Система Гвелесиани позволяет транспортировать грузы, как уже неоднократно отмечалось, и против потока, что одновременно помогает возвращать порожнюю тару в исходный пункт при распространенном транспортировании грузов в направлении потока. Такова перспектива, сулящая по всей стране миллиарды экономии, оправдывающая мизерные затраты, необходимые на эксперименты. Нам понятно возмущение, прорвавшееся в конце письма К. Гвелесиани: «Видимо, Гуса-

ровых не прошибить. С сожалением приходится констатировать, что мы еще долго будем находиться в роли сырьевого придатка технически развитых стран». К счастью, это не так, но торможение научно-технического прогресса в интересующем нас направлении может привести к таким печальным последствиям.

Не слишком ли я утомил тебя, дорогой читатель, оперируя выкладками из разных журнальных и газетных публикаций, из деловой переписки? И все же хочется остановиться еще на статье А. Мавленова «Замедленные скорости пневмопоезда» (журнал «Техника и наука», № 8, 1975 г.). Автор ссылается на постановление Совета Министров СССР 1974 года: «Придавая большое значение быстрейшему созданию и широкому внедрению в народное хозяйство трубопроводных контейнерных систем для транспортировки рудного сырья, строительных материалов, топливо-сырьевых ресурсов, зерна и других грузов, предусматривается: создание в 1974—1978 гг. 28 опытно-промышленных систем общей производительностью свыше 45 миллионов тонн в год угольной промышленности, черной и цветной металлургии, химической, автомобильной, нефтяной промышленности, в промышленном строительстве, на которых должен быть накоплен опыт для дальнейшего всемерного расширения этого нового прогрессивного вида транспорта». Далее автор, сопоставляя трубопроводный и железнодорожный транспорты, говорит о том, что из железнодорожного транспорта встречный ветер выдувает до 1—1,5 тонн угля. Критикует строительство пневмотрассы «Лило-1», оказавшейся неудачной, и сомневается в перспективности поспешно строящейся пневмотрассы «Лило-2». Также, по его мнению, не смогли организовать это дело вблизи Москвы, в Донецкой и Горьковской областях. Причиной этого автор считает то, что «просто не было научно-производственной базы». Редакция журнала не случайно поднимает вопрос о пневмотранспорте. Положение нового вида транспорта, не говоря уже о системе Гвелесиани, вызывает озабоченность. В этот разговор, естественно, включается и группа К. Гвелесиани и 10 октября 1975 года посылает в редакцию свои соображения.

К этому времени в Тбилиси пневмоконтейнерными системами уже активно занимаются несколько организаций, так, например, Грузгипроводхоз тиражирует установки «Лило-1» и «Лило-2» для республик Средней Азии и Казахстана, кафедра горной механики ГПИ им. В. И. Ленина строит на одном из текстильных предприятий г. Тбилиси пневмоконтейнерную систему

в качестве межцехового транспорта, ОПКБ института пищевой промышленности республики строит пневмотрассу для транспорта сахарного завода, аналогичными работами занимается Институт горной механики АН Грузинской ССР и Тбилисский отдел ВНИИПИтранспрогресс Миннефтегазстроя СССР. Одним словом, вопросами пневмотранспорта занимаются все — кто как умеет. Нет специализации и координации. То же самое происходит по всей стране. По мнению отдела К. Гвелесиани, «в стране около сотни неспециализированных организаций занимаются трубопроводными контейнерными системами и в основном своими неквалифицированными рекомендациями дискредитируют их». Трудно что-либо возразить авторам этих строк. Перечень организаций, занимающихся этим делом в одном лишь городе Тбилиси, говорит сам за себя. Либо не могут все быть специалистами, либо пневмотранспорт — это такое пустяковое дело, что с ним могут справиться и физики и лирики... Не похоже...

Я хочу вынести на суд читателя отрывок из письма К. Гвелесиани и его товарищей в редакцию журнала «Техника и наука»:

«Тем временем специализированный институт ВНИИПИ-транспрогресс, не успевший совершенствовать свои установки в Сычах и Горьком, развернул лихорадочные работы и в таких направлениях, каковыми являются трубопроводный гидротранспорт, пассажирский транспорт на магнитных подушках, конвейерно-контейнерные системы, конвейерные поезда и другие. Доподлинно известно, что каждое из этих направлений требует специализированного института с большим числом квалифицированных конструкторов. Таким образом, для основного направления ВНИИПИтранспрогресс не остается ни средств, ни специалистов. Более того, часть разработок института по профилю (например, противопоточные контейнерные системы, которые запатентованы в США, Канаде, Англии, ФРГ, Франции, Италии и Японии и над которыми усиленно работают английские государственные исследовательские центры,) исключена из утвержденного ГКНТ СССР координационного плана. Кто виноват во всем этом? Кто виноват и в том, что ВНИИПИтранспрогресс, со дня основания сидящий на хоздоговорах, не имея при этом почти никаких экспериментальных наработок, вынужден выуживать у уступчивых заказчиков лимитные деньги на разработку технико-экономических обоснований сомнительного качества всевозможных транспортных систем? Очевидно, дела пойдут хорошо, когда найдутся ответы на

поставленные вопросы. Прекратится анархия во ВНИИПИ-транспрогресс, наступит пора специализации института, прекратится утечка кадров, наладится экспериментальное производство с полигоном и тогда ускорят свой бег пневмопоезда, столь нужные народному хозяйству».

Я допускаю, что тбилисские изобретатели звонят со своей колокольни, они считают, что главное в разработках института — это их система. Допускаю и возможность некоторой тенденциозности, субъективности в их суждениях, несколько их не осуждая. Но с другой стороны, совершенно очевидно, что перечисленные направления действительно не под силу одному институту, поэтому ни одно из них не может развиваться без ущерба для другого. Если один институт способен решить вопросы всех прогрессивных видов транспорта в соответствии со своим названием «Транспрогресс», то почему бы ему не работать над усовершенствованием самолетов, ледоколов, подводных лодок, межпланетных кораблей? Так ведь можно дойти до абсурда! Конечно, не нам решать вопрос о специализации института, определять его масштабы, но нам кажется, что правы изобретатели, возмущаясь снятием их тематики с плана. Или надо довести начатое дело до конца, или иметь мужество и, доказав несостоятельность изобретения, вообще отказаться от него. Но доказать нерентабельность, бесперспективность нового вида транспорта невозможно, не проверив его на практике. Невозможно потому, что существует действующая модель (ее, кажется, уже и дети могут построить!), нет в этом никакой мистики, ничто не противоречит законам природы. Крошечные контейнеры действительно движутся против потока, изобретатели утверждают, что так же будут вести себя большие контейнеры на большом расстоянии. Кто может доказать обратное? Никто, если только не вооружиться демагогическими доводами о значительных затратах дополнительной энергии и т. д. Да, демагогия всесильна, тем более в устах людей, от которых зависит решение вопроса.

Впрочем, мы пытаемся рассуждать, следуя законам логики, а ведомственные интересы не всегда подчиняются логике, вернее, у них своя логика, определенная для каждого отдельного случая.

Вернемся к деловой части нашего рассказа. Мы говорили выше о попытке «Сибжилстроя» использовать новое изобретение в своих интересах, сказали о том, как провалилась эта попытка, не нашедшая никакой поддержки со стороны соответствующего министерства, но Геологическому управлению Туркмении в этом отношении частично повезло. Заключив договор

с изобретателями, изыскав минимальные средства, оно при участии грузинских специалистов провело опытно-методические работы по совершенствованию методики и технологии спуска герметизирующего устройства для ликвидации открытых газовых фонтанов в обсаженных скважинах Даулетабадского газового месторождения.

Большой вред окружающей среде приносит неконтролируемый фонтан в нефте- и газовых месторождениях, не говоря уже о том, что впустую расходуется народное добро. Закупоривание бьющих фонтанов связано с огромными затратами. Родилась идея — впустить в струю контейнер Гвелесиани, который против течения донесет до дна нужное устройство и закупорит мощнейшую струю. Но для этого нужно было провести предварительные эксперименты в безопасной среде, скажем, в воде. Средств для этого никто не дал. Пришлось идти на риск, пустить устройство в действующий природный, огнеопасный фонтан. Малейшая неосторожность могла спровоцировать взрыв. Экспериментаторы проявили подлинный героизм, сам К. Гвелесиани назвал это чудом, и попытка закрытия фонтанов увенчалась успехом. Заключение о проведенных работах, утвержденное директором ТуркменНИГРИ Я. А. Ходжакуловым, подписывают: заместитель директора института по экспериментально-производственной части Е. Л. Барсук и непосредственные участники работ Р. А. Исмаилов, Ю. А. Гаврилов, Д. Е. Косой, О. Ш. Тусишвили. В результате:

«...— определен методический подход к расчету параметров потока и прочности ходовых элементов противопоточных транспортных средств для условий открытого фонтанирования нефти или газа из скважин;

— разработано на уровне заявки на предполагаемое изобретение транспортирующее средство для ликвидации аварийных фонтанов из скважин, отличающееся значительно большими мощностью и коэффициентом полезного действия по сравнению с ранее известными;

— разработаны рабочие чертежи и изготовлены два опытных образца противопоточных движителей для закрытия аварийных фонтанов на глубине вблизи работающего пласта;

— предложены принципиальные схемы зонтичного пакера для парциального снижения давления и расхода потока фонтанирующих нефти и газа, а также счетчика стыков обсадных труб для контроля установки пакерующих устройств в заданном месте обсадной колонны;

— испытаниями в условиях воздушного, водяного и газового потоков установлена работоспособность созданного противопоточного транспортного средства.

УДК 62-50
62-50:62-50

Определены основные задачи дальнейших работ:

— разработать механизмы опорно-двигательного роликового блока, обеспечивающего надежное удержание ПТС в потоке фонтанирующего газа или нефти с перекрытием интервала внутренних диаметров труб в пределах 6—8 мм;

— определить профиль, рассчитать и изготовить турбинные диски отдельно для жидкостного и газового потоков;

— произвести конструкторскую разработку, изготовить и испытать опытные образцы зонтичного пакера и счетчика стыков обсадных труб;

— создать стенд для изучения скоростных и тяговых характеристик ПТС, а также рабочего ресурса отдельных блоков и всего движителя в целом;

— провести широкий комплекс испытаний в условиях управляемого газового и нефтяного потоков для оценки реальности решения задачи ликвидации открытых фонтанов на глубине посредством ПТС.

Как видим, проведена значительная работа, подтверждающая большое значение и перспективность изобретения К. Гвелесиани. Если даже допустить, что это единственная сфера его применения, продолжение работы над системой вполне оправдано.

В первом номере за 1982 г. журнала «Изобретатель и рационализатор» появляется заметка: «Парадоксальное изобретение тбилисского инженера К. Ш. Гвелесиани — противопоточный транспорт... впрягается в рабочую упряжку. Намечено испытать новый движитель на полигоне Туркменского научно-исследовательского геологоразведочного института. Нефтяной фонтан должен сам себя подавить — утащить в глубь снаряд, закупоривающий скважину». И далее: «Остается лишь сожалеть, что до сих пор в Тбилиси не создана экспериментальная база для отработки идей изобретателя К. Ш. Гвелесиани, и ее приходится искать на стороне».

«Парадоксальное изобретение» — великолепный эпитет! — точнее определить невозможно. Правда, автор безусловно прежде всего имел в виду оригинальность, необычность изобретения.

Я же парадоксальность изобретения К. Гвелесиани вижу

и в том, что, несмотря на очевидность его большого народно-хозяйственного значения не только для нашей страны, но и в мировом масштабе, оно в течение 14 лет (!) не может выйти из первоначальной стадии. До сих пор нет экспериментальной базы. Не это ли парадокс нашего механизма хозяйствования? В условиях перестройки нашей экономики, всего народного хозяйства огромное значение приобретает ускорение внедрения и новых видов транспорта.

Надо сказать, что только сейчас предпринимаются шаги, правда, пока еще не совсем уверенные, для восстановления справедливости. Вблизи Тбилиси, у села Норйо, начато строительство полигона с экспериментальным заводом. 4 ноября 1985 года Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности ССР В. Г. Чирсков пишет Председателю Совета Министров Грузинской ССР Д. Л. Картвелишвили: «Во исполнение постановления Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и более широкому внедрению непрерывных и новых специализированных видов транспорта» Тбилисскому комплексному отделу поручено в 1986—1990 гг. создание и освоение в эксплуатации систем промышленного трубопроводного гидротранспорта, включая объекты сельскохозяйственного гидротранспорта сапропелл.

В этих целях в Норйо осуществляется строительство экспериментального полигона с опытным заводом. Поручением Совета Министров Грузинской ССР от 25 января 1983 г. Тбилисскому горисполкому предложено выделить комплексному отделу в пределах города производственные помещения. Прошу Вас ускорить решение данного вопроса, имея в виду выделить Тбилисскому отделу ВНИИПИ гидротрубопровода помещения площадью около 1 000 кв. м. Министерство передаст соответствующие фонды на жилую площадь Тбилисскому горисполкому».

В Норйо началось строительство, но, к сожалению, в 1986 году Управление Грузтрубопроводстрой, подрядившись строить опытный полигон с экспериментальным производством, не справилось с заданием. Хочется надеяться, что в будущем дела пойдут лучше. Но как быть отделу, руководимому К. Гвелесиани, которому поручено внедрение нового вида транспорта в практику в 1986—1990 годах? Прошло уже два года, а базы все нет. Даже при условии, что строительство будет закончено в текущем году (а это нереально), конструкторам для реализации своей задачи останется всего три года. А отвечать за срыв плана будет К. Гвелесиани?

Пока еще не решен вопрос и о выделении помещения в Тбилиси, правда, заместитель председателя Тблгорисполкома З. Кахнашвили своим письмом от 5 марта 1987 года уверяет Институт трубопроводного гидротранспорта, что выделение помещения в доме № 9 по Ташкентскому переулку будет произведено в 1988 году.

Итак, наша история подходит к концу.

Чем же занимались за прошедшие 14 лет К. Гвелесиани и его группа, исключая переписку и хождение по инстанциям?

Были построены и опробованы модели. Оригинальность разработок позволила запатентовать девять изобретений в данной области в семи промышленно развитых капиталистических странах. Были проведены экспериментальные работы по самостабилизирующимся контейнерам. Был разработан новый способ моноканатной тяги с автономным бензо- и электродвигателем, построены и опробованы модели натуральной величины... Так что К. Гвелесиани понадобится еще много 14-летних циклов до внедрения в жизнь существующих замыслов. А вдруг (не дай бог!) изобретательский ум К. Гвелесиани и его друзей зайскрится новыми идеями?

Что можно к этому добавить? Пожалуй, читателя может заинтересовать и такая подробность: в течение 9 лет (с 1970 года по 1979 год) К. Гвелесиани ни разу не пользовался отпуском, а нервы у него, как выяснилось, не стальные — человеческие, вследствие чего он перенес инсульт и окклюзию внутренней сонной артерии, что повлекло за собой потерю зрения в одном глазу... Но богатый жизненный опыт научил его переносить всяческие стрессы: «Когда я узнаю об очередной неприятности, начинаю насвистывать и ухожу гулять...»

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев в своем докладе на июльском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС, проанализировав нынешнее состояние нашего хозяйственного механизма, так охарактеризовал его отношение к дальнейшему нашему росту: «Невыгодно повышать качество продукции, невыгодно внедрять достижения научно-технического прогресса».

Думаю, что мы предложили красноречивую иллюстрацию к этому положению. Как я и полагал, даже в конце нашего «детектива» мы не выявили конкретного виновника всех этих бед — загадочного героя нашего приключенческого повествования. Но зло без причины не свершается. А причину все же следует искать в неуклюжем хозяйственном механизме, к пе-

рестройке которого приступила партия, наш народ. Но ведь хозяйственный механизм создают люди, и без перестройки нашего отношения к делу, без нового мышления никакой механизм сам собой не перестроится, значит, и новое отношение к изобретению грузинских инженеров будет одним из примеров начавшегося большого, всенародного, революционного процесса перестройки.

ХРОНИКА

УКРАИНА ЧЕСТВУЕТ ПАМЯТЬ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ВЕЛИЧЕСТВЕННО прошли Чавчавадзевские юбилейные торжества на Украине. Издательство «Дніпро» выпустило новое издание произведений великого писателя, куда вошли стихи, поэмы, повести и публицистика Ильи. Знаменательно, что эту книгу подготовило молодое поколение картвелологов. Особенно много сделал для пропаганды творений И. Чавчавадзе известный переводчик и литературовед Грицко Халимоненко. В эти дни во многих газетах и журналах напечатаны его статьи «Батько картвелів», «Батько грузинського народу», переводы лирических произведений.

На юбилейном вечере, который состоялся под председательством лауреата Государ-

ственной премии УССР им. Т. Шевченко Ивана Драча, выступили известные картвелологи Олекса Синиченко, Рауль Чилачава, гости из Грузии — поэт Нодар Гурешидзе, лауреат премии им. Павла Тычины Отар Баканидзе.

В Союзе писателей Украины за круглым столом состоялся диалог «Киев—Тбилиси», участники которого наметили планы будущей творческой деятельности. Украинские друзья сообщили о присвоении имени Ильи Чавчавадзе одной из киевских улиц, с благодарностью отозвались о работе клуба «Украина» при Тбилиском университете, выразили готовность открыть при Киевском университете им. Т. Шевченко клуб «Сакартвело», а также учредить праздник «Давид Гуррамишвили».

В. КАТЕЛЬНИЦКИЙ.
Киев.

ДИАЛОГ: Григол ДЖУЛУХИДЗЕ,
Отиа ИОСЕЛИАНИ

«У ТВОРЯЩИХ СУД ПРАВЕДНЫЙ ДАЖЕ ПОСОХ РАСЦВЕТАЕТ...»

Григол Джулухидзе. — Приехав в Цхалтубо, я спросил первого же встречного, как найти Отиа Иоселиани. Он вежливо объяснил мне, куда идти, а в заключение сказал: сынок, этот человек прекрасно складывает камни, если ты по этому делу и тебе удастся уговорить его, не вздумай предлагать деньги. Для него главное, чтоб ты ему обещал — в построенном им очаге всегда будет гореть огонь и ты никогда не бросишь его...

Отиа, я приехал сюда не для того, чтоб просить вас сложить мне очаг, мне хочется просто побеседовать с вами. Вижу, что вы очень заняты и постараюсь не отвлекать вас от работы, а если найдется мотыга и для меня, я с удовольствием помогу вам в огороде, заодно и поговорим.

Отиа Иоселиани. — Что выйдет из нашей беседы, не знаю, но коли уж вы сами сюда заявили, вот вам мотыга, и если вы в моем деле поможете, разве ж я пожалею для вас пару-другую слов?!

Г. Д. — Мне кажется, беседа у нас получится. Тем более сейчас, когда наша жизнь переживает процесс коренной перестройки. Мы, читатели, знаем, что вы вместе с другими писателями всегда были за перестройку и где только не искали засыпанный золой волшебный уголек, чтоб разжечь в об-

¹ Афоризм Ш. Руставели.

шестве обновляющий огонь. Доказательством тому — ваше многожанровое творчество.

О. И. — Конечно, тема для разговора всегда найдется... Лично я всегда был против всякого рода интервью — и газетных и телевизионных — поскольку о чем-то можно было говорить, о чем-то нельзя. Нам даже не напоминали, о чем именно нельзя, мы знали и так, и в этом отношении всегда были «дисциплинированы».

Г. Д. — Для писателя лучшая трибуна — его перо. И с этой трибуны ваш голос был слышен всегда, а если вы и отказывались давать интервью, то ничего не потеряли — ваш читатель все равно был с вами, и вы говорили ему то, что находили нужным. Если кто и грешил порой... Не будем грешить и мы сейчас, сваливая все на ту самую «дисциплинированность». Будь и впрямь все так, не были бы написаны «Жила-была женщина» или «Женщина шла изменять мужу». Поэтому, что бы мы ни говорили -- мы всегда про себя печалились и сокрушались, и когда красили и штукатурили комнатку на улице Читадзе, и когда в Норико на полоске отчуждения вдоль железной дороги незаконно разбивали виноградник, и когда в Мухатцкаро складывали камин. Теперь же дела идут так, что нет необходимости с оглядкой говорить о наболевшем, можно говорить громко, чтоб было слышно всем, в том числе и тем, кто еще совсем недавно так заботливо «советовал», что говорить, а что — нет. И поскольку мы друг другу интервью не давали, а просто обсуждали общие беды и горести, давайте и сегодня поговорим так же.

О. И. — Тем более, что такая практика у нас имеется.

Г. Д. — Но не надо думать, что будет напечатано все, что мы скажем. Кто знает...

О. И. — Думаю, мы еще долго не сможем избавиться от «советчика», утвердившегося в нашем сознании от рождения. Отпусти на волю выросшего в клетке дикого зверя, он погибнет — не сможет найти ни пристанища, ни пищи. Привыкший есть, что дают, и «мыслить» так, как наказывают, он может вновь постучаться в свою клетку. Как может пользоваться свободой тот, кто не знает ей цены?!

Г. Д. — Не потому ли вы не навязывали нам свои мысли и не давали интервью?

О. И. — Возможно, и поэтому поскольку «иной раз и словом можно согрешить». Кроме того, никто особенно и не интересовался моими мыслями. Кого могли интересовать чьи бы то ни было мысли и суждения, когда нам преподносили готовое

«мнение» и проторенный «путь». Мы шли одним путем к одной общей цели, и различного рода соображения никого не интересовали. Но это не значит, что я сидел в дремучем лесу и хранил молчание. Писатель, так или иначе не высказавший правдивого слова, и не писатель вовсе. Тем более, если он не помышлял и не помышляет о чинах. Зачастую эти интервью — газетные ли, телевизионные — служат прикрытием для неблагоприятных помыслов. Мы все прекрасно знаем, как и что делалось у нас, но, как известно, лбом стену не прошибешь.

Г. Д. — Между прочим, я специально не составил вопросник, авось, беседа наша свернет не в «ту сторону»...

О. И. — С одной стороны, вы поступили правильно, с другой — так нам будет сложнее. Предоставленные самим себе, мы можем либо «потеряться», либо, подобно привыкшему к ярму волу, вновь подставить под него шею, не сумев уйти от стандартов.

Г. Д. — Мы, ваши друзья, знаем, что вы человек в некоторой степени категоричный, ваши романы, рассказы и пьесы стандартными не назовешь.

О. И. — Не знаю, мне трудно судить об этом, я всегда старался выразить то, что думаю, донести до читателя свой «мир». И если, вы считаете, в моих произведениях есть нечто «мое», то я искренне рад этому.

Мне кажется, в «Звездопаде» удалось показать войну без необходимых для нее атрибутов — ружей, пушек, боев и прочее. Даже иные наши «доброжелатели» считают, что грузины войны не видели. Именно для них я и писал, и еще, не знаю, удалось ли мне донести то, что я хотел сказать, — человека убивают не только оружием. Эту тему впоследствии разрабатывали и другие грузинские писатели. Я это говорю не для того, чтоб подчеркнуть свой приоритет и новаторский подход, боже упаси, боюсь, как бы не обвинили в обратном...

Г. Д. — Ваши новеллы 50-ых годов, на мой взгляд, действительно были новаторскими, вспомним «Вдовьи слезы», «Игра», «Со скорого поезда», «Басара» и другие. Что же касается критики общественных пороков, то она нашла свое отражение в ваших пьесах и романе «Жила-была женщина».

О. И. — Тем не менее, написанные на эту тему позднее произведения других авторов были восприняты чуть ли не как открытие. Известное дело — у иных даже вата гремит. Грешно кого-либо конкретно обвинять в этом узаконенном несчастье. Когда есть возможность погремечь своей ватой, зачем заботиться о чужих крепких орехах?! Есть у нас такая практика:

напечатаете что-либо в журнале петитом и бросите на произвол судьбы, ну а коли вещь, как овца, осталась без призора, нечего пенять, если ее съест волк. Свою скотину самому надо пасти и беречь, никому не поручишь рыскать по лесу и искать ее, а, отыскав, разбираться — твоя она или нет. Критики же откликаются только на те произведения, авторы которых стоят у них с дубинками над головой.

Г. Д. — Видно, вы не особенно довольны критикой?!

О. И. — Не совсем так. Я не могу категорически утверждать, что у нас нет ценителей литературы. Критика у нас не сидит без дела. Вся наша литературная периодика — «Мнато-би», «Цискари», «Литературули Сакартвело», «Критика» — интенсивно работает. Но есть еще у нас авторы, личность которых неприкосновенна. Они то и дело издают свои толстые-претолстые книги и, надо сказать, немалыми тиражами. Некоторых из них упрекнули в этом, правда, весьма мягко, но тиражи от этого не стали скромнее. В большинстве случаев мы, к сожалению, предпочитаем промолчать, но ведь молчание наше воспринимается как одобрение, и потому те же авторы издаются и за пределами нашей республики, наверное, для того, чтоб их «достижения» стали достоянием всех, не делать же из них секрета, ведь не боевое это оружие.

Г. Д. — Большая литература и искусство — детище эпохи, и порой не только критику, но всему национальному мышлению бывает трудно по горячим следам определить место тому или иному произведению. Вспомните Стендаля, его появление прошло не замеченным для французов. Но ведь плохое от хорошего всегда можно отличить?! Оставим в стороне художественные достоинства произведения, правду от лжи можно отличить всегда.

О. И. — Правда еще не определяет качества литературы, это всего лишь материал, из которого хороший мастер может создать хорошее произведение. А вот ложь обречена изначально, никакой волшебник не сделает из нее стоящей вещи. Я не хочу сказать, что все без разбору слабые произведения надо повыбрасывать и ждать появления великих, замечательных... Великие замечательные произведения рождаются весьма редко, и за них надо благодарить небеса. Но вы правы — ложь от правды можно отличить всегда. Тот, кто стоит лицом к востоку, даже в темноте на ощупь будет идти навстречу солнцу, ложь, как бы привлекательна она ни была, все равно остается ложью. В искусстве недопустимы также делячество, семейственность, злоупотребление служебным положением...

Г. Д. — Поэтому в ходе перестройки в первую очередь разграничиваются ложь и правда, черное и белое.

О. И. — Да, ложь и фальшь — корень всех зол и всех бед, они могут обречь на неудачу самое благородное начинание.

Г. Д. — Казалось бы, чего проще, говорить исключительно правду, когда на дворе темно, сказать, что ночь, а когда сияет солнце — что день.

О. И. — То, что дважды два четыре — знает даже школьник, и над этим незачем ломать голову, а вот, чтоб доказать, что дважды два — пять, надо помучиться. Ведь знали же, что король голый, но никто не сказал этого вслух, он ходил в чем мать родила, а вокруг твердили, что он наряжен в парчу и бархат. И он сам уверовал в это, или что там с ним случилось, но он ведь даже не пытался прикрыться.

Г. Д. — Казалось, только вчера мы прошли урок «теории бесконфликтности», а ума так и не набрались.

О. И. — Горький урок: литература нескольких десятилетий почти ничего ценного не дала, а если и дальше так пойдет, подвергнется переоценке и то немногое, что у нас осталось.

Г. Д. — Что означают ваши слова «если и дальше так пойдет»? Ведь вы, насколько мы вас знаем, писатель, в произведениях которого читатели всегда черпали надежду.

О. И. — Не дай бог никому потерять ее. Видимо, строить нашу жизнь так, как мы ее строили, было легче, нежели сейчас перестраивать ее. Если человек не судья своим поступкам, если он не считает, что ложь — это зло, а взятка — величайший проступок, как можно верить в то, что он может исправиться. Возьмем, к примеру, хотя бы торговлю. Дела, которым человечество занималось издревле, сегодня попросту не существует. Это не торговля, а воровство. Раньше молодая невинная девушка со стыда сгорела бы, если бы мужчина посмотрел ей в глаза. А сейчас эти самые девушки с дипломом торгового техникума или без него стоят за прилавком и без зазрения совести обвешивают и обсчитывают этого самого мужчину и, конечно, не только его. А он стоит перед ней такой мужественный, с щегольскими усами и напряженно следит за ее руками и весами, и ему тоже не стыдно. Глядя на это «нежное» создание, он думает: знаю я тебя, бандитка, воровка, ободрать как липку хочешь меня, но я настороже, я держусь за свой карман, чтоб ты не украла у меня кусок, предназначенный для моего ребенка, и не отнесла своему. Женщина — воровка! Впрочем, сейчас у нас равноправие! Не будем гово-

речь о том, зачем она это делает, я думаю, нет обстоятельств, которые могли бы оправдать воровство и ложь.

Г. Д. — Но ведь не все такие?!

О. И. — Все! И мы с вами одинаково хорошо это знаем, и если вы настаиваете на том, чтобы это сказал именно я, то это дань тому самому привычному злу, которое у нас было. Помните, раньше мы так и делали, если и говорили кое-что о наших бедах, то начинали непременно с «наших достижений», с того, что «страна цветет», «идет вперед», что «царит высокий подъем» и т. д. Мы не скупались на высокие слова и эпитеты, а под конец стыдливо, вскользь упоминали о «некоторых недостатках», «об исключениях»... И считали это большой смелостью, чуть ли не подвигом.

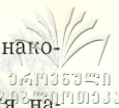
Г. Д. — Нам надо еще о многом поговорить, а мы столько времени уделили торговле и работникам прилавка.

О. И. — Да, действительно, можно подумать—все зло в них. Но дело в том, что магазин — это место, где мы несколько раз на дню сталкиваемся со злом, и его не избежать ни молодым, ни старым, в том числе и детям, которых мы ежедневно посылаем за хлебом, при этом напоминая, сколько он должен получить сдачи.

О детях я заговорил потому, что это наш завтрашний день. Когда ребенок покупает в магазине молоток или отвертку с выбитой на них ценой, а затем не досчитывается сдачи, как ему объяснишь это? Наверное, надо предупреждать, чтобы был внимательным, следил за тем, чтоб его не обсчитали. Так мы и делаем! А как быть с теми изделиями, на которых выбита цена, ведь их увидят наши потомки? Чем они объяснят столь странный факт? В литературе и искусстве мы воспеваем наш высокий дух и нравственность, а тут отвертка с выбитой ценой! Вы думаете, наши дети и внуки памятник нам за это поставят? Как бы не разнесли на куски тот, что мы сами себе воздвигнем.

Г. Д. — Что же делать, как быть, если «тети» и «дяди» не захотят исправиться?! Не посылать ребенка за хлебом?! Пошлешь — обманут, а потом, гляди, и он в свою очередь начнет обманывать других — в школе и дома. Мы же потом будем возмущаться, кто научил его вранью и жульничеству. Но видя, что творится вокруг, может он вести себя по-другому?

О. И. — В рассказе «Краса деревни» и в романе «Женщина шла изменять мужу» я рассказал о том, как страдает семья, когда женщина теряет свойственную ей чистоту. А что

значит семья для человека, государства, для общества, наконец, знает каждый...

Г. Д. — Выходит, мы опоздали, и все наши старания напрасны?

О. И. — Мы должны прийти к единому мнению в одном: основа основ — истина, от которой «даже посох расцветает»...

Г. Д. — Это безусловно так.

О. И. — Истина — начало всех начал. Нельзя ни на что закрывать глаза, даже на «пустяки», поскольку теперь уж лучше выколоть себе их, чем закрыть. Надо говорить прямо и нелицеприятно. Слава богу, к этому призывает наше правительство. Сейчас мы уже предпочитаем горькую правду сладкой лжи и розовым очкам, благодаря которым мы столько лет ходили в слепцах. Горькие пилюли — залог исцеления. Один наш «доброжелательный» коллега — сибирский писатель — недавно вознамерился лечить нас. Он всегда честно и правдиво писал о горестях, бедах и пороках своего народа, потому и является хорошим писателем. Меня удивило только то, что за лечение больного взялся такой же больной.

Г. Д. — Нельзя закрывать глаза на то, что мы очень чувствительны к критике и предпочитаем ей лесть. Бывает, поставим гостя перед микрофоном или телекамерой и, держа наготове блокнот и ручку, спрашиваем, как ему понравилась Грузия, наш народ, наше гостеприимство. Что же остается ему делать, как не хвалить нас? Если нам недостает ума и такта, это не значит, что и он должен проявить бестактность. Поставьте себя на его место!

О. И. — У меня, как у всех у нас, нередко бывают гости, и я всегда стараюсь доставить им удовольствие. Гостеприимство наше традиционно, хочешь — не хочешь принимаешь гостя как положено. Что касается приставаний к гостю, понравился ли ему прием, я о таком даже не слышал. Напротив, если гость благодарит за гостеприимство, испытываешь даже какую-то неловкость, да не за что, ведь это так естественно. Ни одного своего гостя я не допытывал, не ставил к микрофонам и телекамерам, как не допытывал, между прочим, и того, кто двадцать пять лет назад приехал ко мне по собственному желанию. Уведомленный заранее, я отправился за ним в Гагра и привез его к себе в Цхалтубо. Не дай он знать о себе, мне бы и в голову не пришло за ним ездить. По дороге из Гагра в Цхалтубо мы ни разу не остановились. Гость пробыл у меня всего три дня, а затем вернулся обратно в Гагра. Никто не понуждал его писать о Гелати, но, покоренный историей древ-

него храма, он по горячим следам написал о нем и включил эту вещь в один из своих сборников. Кстати, она тогда же была переведена на грузинский. А через двадцать пять лет он написал то, что теперь знают все. Разумеется, он изменил мою фамилию и имя, но упомянул село. Теперь уже не имеет значения, о ком он писал. Дело в другом — если ему все так активно не понравилось у нас, почему он не написал тогда же, почему тогда же не осудил нас столь строго, кто ему запрещал делать это?! И какая муха вдруг укусила его через двадцать пять лет?! Может быть, он не мог мне простить того, что я не посадил свою дочь за стол вместе с гостями, но ведь тогда ей было девять лет?! Допустим, что в Зугдиди, как он пишет, продавались автоматы Калашникова и он увидел это из мчащейся на большой скорости машины, или кто-то сообщил ему это по секрету, но кому, как не ему, фронтовику, знать, что в Зугдиди нет оружейного завода и что оружие это выпускается совсем в другом городе, значит, там оно и продается!.. Университет имени Ломоносова находится не в Грузии, и если дипломы его продаются, то, верно, продаются они по месту его нахождения. И все в том же духе! Мы не против критики, мы против лжи и клеветы! Каким болезненным воображением должен обладать человек, чтоб гребешок индюшки напомнил ему гнилое мясо, а лопнувший гранат — больные десны. В этом уж точно нет нашей вины. Мы не можем принять еще и это «обвинение». Но упрекать его за то, что наша страна не понравилась, не показалась раем, мы не имеем права. Публикация этой вещи совпала с началом нашей перестройки. Тогда, очевидно, мы все еще пребывали, (а некоторые продолжают пребывать и поныне!) во власти бытовавших ранее «традиций», иначе чем объяснить тот факт, что журнал, напечатавший «Ловлю пескарей в Грузии», не соизволил напечатать мой отклик на нее. Оказывается, редактор был в отпуске, а вернувшись, нашел, что отклик запоздал. Под рубрикой «Наша почта» журнал опубликовал письмо за подписью трех грузинских писателей. Гнев, говорят, плохой советчик, и мы в тот момент не задумались над тем, что вызвало эту публикацию, почему писатель, настроенный столь дружелюбно, вдруг почти через четверть века излил столько беспричинной злости. Ведь за ним же явно стоит другой «лекарь», направляющий и журнал, в котором нашла место эта вещь...

Г. Д. — В вашем отклике, который журнал не опубликовал, но который тем не менее знают все, вы шутили: знай я, что можно купить диплом, непременно обзавелся бы им. Мно-

гие могут принять эту шутку всерьез. Мы ведь часто бываем склонны принимать шутки всерьез. Поговаривали ведь о том, что гостю обо всем мог поведать хозяин, иначе откуда бы постороннему человеку проявить такую осведомленность. Известное дело, враг берет крепость тогда, когда в ней есть его пособник.

О. И. — Я с вами полностью согласен. Наши крепости стоят на таких неприступных скалах, что, не открой ворота, их не возьмешь. Я не собираюсь оправдываться. В то время гость был настроен дружелюбно и написал о нас хорошо. Но я, видимо, должен был учесть, что настроение его спустя четверть века может измениться. Виноват, не учел. Обвинять в его рассказах хозяина, значит признать, что он говорил правду. Неужто в Зугдиди и в самом деле продаются автоматы Калашникова и дипломы ломоносовского университета?! Может быть, мы с Отаром Свани были бы виноваты в этом, не будь это бесовственной ложью! Надо думать прежде, чем говорить.

Г. Д. — Давайте лучше вернемся к основной теме нашего разговора. Я хотел бы поговорить о вашем романе «Черная и голубая река». Три книги его вышли в свет, готовится четвертая, так, кажется?

О. И. — Понимаю, вы хотите сказать, не много ли это — четыре книги?!

Г. Д. — Честно говоря, да. Ведь самая большая и шумевшая книга Фолкнера — всего лишь трилогия: «Деревня», «Город», «Дом».

О. И. — Больше примеров не надо, достаточно и этого. Я согласен с вами, четыре книги — это уж слишком. И если учесть, что они написаны в век бешеных скоростей и стрессов, наверное, прочесть их почти невозможно... Впрочем, это было бы тяжело в любое другое столетие. Читателю, может, и трудно будет одолеть их, но каково было мне, новеллисту, писать этот роман. Помимо всего прочего, у меня всегда масса дел — хозяйственных, строительных и так далее. В своей «Автобиографической новелле» я так и пишу: писательское дело — десятое мое «ремесло», которым я владею, пожалуй, хуже остальных. И все-таки мне никак не удалось сказать коротко то, что я хотел. Несмотря на то, что вот уже четырнадцать лет с того дня, как я сел за роман, я пытаюсь сделать это. Порой уничтожаю уже написанные главы. Я не могу объяснить, почему это происходит, казалось бы, все зависит от меня. Но, видимо, это не так.

Г. Д. — Следовательно, начиная писать роман, вы не рассчитывали, что получатся четыре книги?

О. И. — Боже упаси, конечно, нет...

Г. Д. — Я не прозаик, опыта такой работы у меня нет, но думается, нельзя написать такой большой роман, не имея предварительного плана?

О. И. — Разумеется, общий план, наброски были. Не сочтите за нескромность, но, как видно, я писатель стихийный, если можно так выразиться. Входя в «водоворот», я хоть и смотрю вперед и уверен, что достигну противоположного берега, но никогда не знаю, насколько глубока река и обрывисты ее берега, о какой валун меня ударит волной, в каком месте выбросит на берег. В кругу своих близких друзей, которых, конечно, это интересовало, я как-то рассказывал, что мне бывает обычно трудно вызвать из хаоса воображения своих героев, дать им имя и фамилию, близко познакомиться с ними, узнать все стороны их характера. Затем, когда они начинают действовать как живые люди, мне остается немного — только поспевать за ними и записывать их «деяния». Могу ли я после этого навязывать им свою волю и желания? Меня не слушаются даже мои дети, и кто куда из них бежит и где сворачивает шею, я и не знаю... Так что меня никто не слушает... Впрочем, я, конечно же, знал, что должно получиться большое эпическое полотно. Это почему-то стало необходимостью. А затем, хотел я того или нет, исчез покой, ведь, как говорил Ладосатиани, «поэт никогда не знает покоя». Увиденное, пережитое, вымышленное прошлое, настоящее, будущее, наследственность, кровь, национальность, повседневное бытие и небытие — все это накапливается годами и никуда уже не вмещается. Особенно в новеллу. Новелла живет по своим канонам, и тут ничего не поделаешь.

Г. Д. — Но у вас есть и довольно большие рассказы: «Солдат вернулся», «Краса деревни», «Волы, или мудрость одного дня».

О. И. — И все же объем рассказа весьма ограничен. У него свои рамки, своя цель, он всегда написан под каким-то определенным углом... О войне создано немало произведений — со дня ее начала и по сей день, и, наверное, еще многое будет создано. Я также достаточно рассказал о ней. Но настоящего, истинного — мало... Почти во всех произведениях, да и фильмах о войне, человек непременно был героем. Почему он не может быть голодным и замерзшим от холода, почему он не

должен бояться смерти? Страх ведь так же присущ человеку, как и уши. И если действительно родится некто, не знающий страха, то о нем надо писать как о явлении исключительном, аномальном.

Г. Д. — Вот и ваш герой Мамука Амаглобели, заживо погребенный во время бомбежки, потерял после этого чувство страха и голыми руками стал душить немцев. Его демобилизовали как душевнобольного.

В трех ваших опубликованных книгах очень четко выражена мысль: с войны не возвращаются.

О. И. — Да, это основная мысль моего романа — с войны не возвращаются, и победителей в войне не бывает. Война — плод извращенного мышления, если хотите, порождение злого гения, она направлена не только против поработаемого народа, но и против народа-победителя. Нельзя назвать победой то, что куплено миллионами жизней. Победа — синоним радости, счастья, все, что связано со слезами и смертями, никак нельзя назвать победой. Или вот призывают на фронт юношу, который не может зарезать курицу и утопить народившихся щенят, призывают, чтобы убивать людей! И если, пройдя через девять кругов ада, он вернется с войны домой, можно ли считать его победителем? Или это возвращение трагичнее гибели?!

Г. Д. — В вашем творчестве именно тема войны, на мой взгляд, кажется самой интересной и заслуживающей глубокого исследования. Если не ошибаюсь, свое начало она получила в ваших новеллах и обрела монументальное звучание в более поздних рассказах и романах.

Наша республика по сравнению с другими в процентном отношении потеряла больше жизней, но она пережила и трагедию тыла — тяжелую, губительную. Несчастное овдовевшее и осиротевшее поколение вплоть до шестидесятых годов заживало незаживающие раны. Как раз об этом вы и писали, что, быть может, схватка с врагом на поле брани предпочтительнее существования в тылу, где повсюду чувствуется его присутствие, и люди гибнут так же, как на передовой, но в отличие от передовой враг здесь невидим и недосягаем.

В эпиграфе к своему роману «Звездопад» вы писали в 1960 году: «Дорогой Виктор Петрович! Как-то раз в беседе со мной ты сказал: «Вы, грузины, войны не видели!» — «Может, и не видели», — отвечал я. «Вы, наверное, даже немецкий самолет не видели?» — «Лично я не видел», — отвечал я.

Мы с тобой давно не встречались, и я уже скучаю по твое-

му громкому смеху и откровенным разговорам. Сейчас я дома один, на улице — дождь. Я сижу и пишу — пишу для тебя — то, что запомнилось мне из военной поры».

Наверное, продолжением этого письма можно считать рассказ «В плену у пленников» и роман «Черная и голубая река»? А что касается Виктора Петровича, то это, верно, Виктор Астафьев?

О. И. — Да, это Астафьев — известный русский писатель, друг студенческой поры.

Г. Д. — Надо полагать, по прочтении ваших произведений у Виктора Астафьева изменится представление о том, как жилось грузинам во время войны.

О. И. — Что он теперь думает, честно говоря, не знаю, он мне давно ничего не писал.

Г. Д. — Если напишет, не задерживайтесь с ответом...

О. И. — Я старался показать суть войны, те нравственные потери, которые терпит человечество. Разумеется, человек, вынужденный убить другого, чтобы защитить себя, становится убийцей поневоле, и он достоин сострадания. Человек, взявший в руки оружие, обречен. Я пытался передать душевную смятенность, разлад с самим собой, страдания, напряженность духа — и все, что испытывает нормальный человек на войне, насколько мне это удалось, не знаю, но это то, что я хотел сказать в своих четырех книгах. Я не утверждаю, что открыл Америку, но «моя» война в этом романе несколько отлична от «других» войн. Я не говорю, что она описана хуже или лучше, чем у других, но у меня она другая — безжалостная, разрушительная в физическом и духовном смысле.

Сейчас уже наши общие с героями этого романа муки подходят к концу. И, видимо, потребуется новая работа над произведением в целом, поскольку оно продиктовало свой стиль, свою форму. Я хочу несколько переделать его, оно уже живет по своим канонам. Мне не хотелось искусственно «навязывать» моему роману какие бы там ни было рамки (поэтому в первой книге немало погрешностей, но затем он, кажется, нашел свое русло...). Пользуясь случаем, хочу принести своему читателю извинения за несовершенство опубликованных книг. Я рассчитываю на его милосердие, поскольку мы с ним современники, и он наверняка знает, как трудно приходится писателям, не занимающим никаких должностей, они должны писать, переписывать, отшлифовывать и снова переписывать, и только потом уже издавать. А жить на что?! Имеем ли мы право издавать две книги в год или печататься одновременно в двух издатель-

ства?! Ни в коем случае! Когда мне исполнилось пятьдесят лет, вроде было задумано издать двухтомник моих избранных произведений. Эту мысль поддержало помимо издательства и наше правительство. Но только вышел первый том, как раздалась протестующие голоса — надо было заранее позаботиться о включении избранного в план.

Издательский план утверждается за несколько лет вперед, и я, оказывается, в 42—43 года должен был начать хлопотать о юбилейном издании. Но 43 года исполняется в жизни только раз, опыта у меня, естественно, не было, а подсказать мне никто не подсказал! Теперь уже поздно сетовать, надо смотреть вперед, скоро мне шестьдесят... Сейчас идет перестройка, и мне кажется, наше издательское дело очень нуждается в перестройке. Ведь раньше писатель мог смело издаваться по нескольку раз в год. Чехов скончался в сорок три года, а написано им более тридцати томов. Боже упаси, я не сравниваю себя с Чеховым, но в наше время ему пришлось бы туго. Кто ему стал бы печатать в год хотя бы по книге?! Или взять Александра Островского, который писал только пьесы, что бы он делал, ведь наши издатели так не любят пьес?! Написал я как-то детские рассказы и сказки и отнес в издательство. Вот одна из сказок. У самой обычной волчьей пары как-то родился голубоглазый волчонок. Папа-волк с сомнением смотрел на него. Волчонок подрос и стал проявлять вовсе не волчьи качества — был незлобив, кроток, мяса в рот не брал, ел одну траву. Никому вреда не причинял. Ну как прикажешь с ним быть?! Под конец волки не вынесли его поведения — сами же его и съели. Я думал, мои сказки давно внесены в издательский план, но когда поинтересовался, мне услужливо показали план: убедитесь, дескать, своими глазами, в плане нет. «А если бы были?» — спросил я. «Что за разговор, издали бы, конечно». Я не посмел спросить, может быть, сказки сами должны были внести себя в план. Пришел я в издательство и в этом году, сказок в плане 1987 года тоже нет. В 1988 году, может быть, будут изданы. Тогда я предложил приступить к редакционной работе над ними. Ладно, приступили. Редактор, дойдя до сказки о голубоглазом волчонке, была неприятно поражена его поведением, внешностью. «Почему он голубоглазый?» — недоумевала она. «Но именно в этом его несчастье», — оправдывал я волка. «Вообще тут все очень непонятно — какие-то сомнения, волки съедают своего же, я постарела в издательстве, но о таком не слышала, и я не собираюсь перед выходом на пенсию портить себе жизнь из-за какого-то волка», — сказала мне

она. Разумеется, я тоже не захотел приносить ее в жертву голубоглазому волчонку...

Г. Д. — Да, перестройка нужна во всем и везде. Последнюю роль должна играть здесь литература. Меня интересует такой вопрос: готовы ли писатели к перестройке?

О. И. — В общем, наверное, да. Но перестройку трудно осуществить, когда писателю постоянно твердят, что много писать не следует. Если ткачиха на фабрике вместо одного метра соткет два, ее за это похвалят, она получит вдвое больше зарплату и даже премию, ее покажут и по телевизору, выберут и в депутаты. Будет ли у нее потом время для того, чтобы ткать, это уже неважно. Но если писатель напишет две книги в год вместо одной, посмотрим, где их издадут и получит ли он за них премию. Речь идет, конечно, о настоящем писателе!

Г. Д. — Но вы, как мы знаем, не гонитесь за премиями, чинами и медалями. Известно, вы противник всего этого.

О. И. — Те, кто с чинами и медалями, скажут: раз у него их нет, то он может себе позволить говорить такое. И все же я уверен, писателю, так же как и ученому, ни к чему орден и чины. Когда ткачихе дают орден за продукцию, которая вдвое выше заданного плана, или сборщице чая за собранный ею урожай, это понятно, но скажите, каким мерилom мерить то, что создает писатель, художник, композитор, ученый?! Дело, конечно, не в количестве созданного. Было время, когда за каждый роман раздавались премии и ордена (С. Бабаевский, к примеру, за свои романы «Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землей», «Белый свет» трижды получал Государственную премию СССР — в 1949, 1950, 1951 годах). Но время показало, что это была, мягко говоря, неважная литература. Тогда же мы громко аплодировали лауреату... Надо сказать, что мы очень любили аплодисменты, руки наши никогда не оставались без дела, мы дружно поднимали их, чтоб, упаси боже, никто не опередил. Мы были слишком единодушны и единогласны. Для оценки произведений литературы и искусства, как известно, нужно время, почему же мы всегда торопимся вынести приговор, может, стоит немного выждать, поразмыслить, посмотреть, не слиняет ли произведение от времени. Может быть, немного отступить назад, нет, не назад, а в сторону, и даже не в сторону, просто на определенное расстояние. Мы же аплодируем и аплодируем... Потом выясняется, что аплодировать было незачем. У Резо Чейшвили есть чудесный рассказ — «Открытое письмо»: у героя этого рассказа от аплодисментов на

чалась болезнь рук, аплодировать он уже не мог, а другого дела никакого не знал — никто от него ничего другого не требовал...

Как-то с высокой трибуны было произнесено: плохо, что люди живут в горах, там водятся волки (кстати, их давным-давно там нет), там бездорожье, надо переселить их на равнину. Бурные аплодисменты и выкрики: правильно! правильно! Срочно эвакуировали горцев, переселили... Прошло время... Выяснилось, что ошиблись, не надо их было трогать! Но коли уж ты спасал ближнего, вырывая его у волка из пасти, зачем же теперь, спасенного, снова отдаешь на растерзание волкам?! Если перед людьми не стыдно, то, может быть, стоит задуматься, как мы выгядим в глазах тех самых волков?

Г. Д. — Да, все это верно, но я хотел бы вернуться к разговору об издании ваших книг. Насколько мне известно, недавно вы получили сотую по счету изданную вашу книгу...

О. И. — Да, из Софии...

Г. Д. — И я думаю, у вас нет причин сетовать, что вас не издают. Если бы дело обстояло так, как вы говорили, на издание сотни книг вам понадобилось бы минимум двести лет.

О. И. — Каюсь, грешен, с изданием моих книг у меня особых трудностей до последнего времени не было, но я говорил не только о себе... Более того, в позапрошлом году издательство «Мерани» вне плана выпустило в свет мой роман «Женщина шла изменять мужу». Но там же мне отказали в избранном. Когда ты просто писатель — без чинов и наград — как-то неудобно издавать твои сочинения томами! А однажды я потребовал для себя гонорар, который выдается только премированным писателям, правда, не получил его, но ведь требовал...

Г. Д. — Батоно Отиа, о гонорарах поговорим в следующий раз, и без того слишком много наболевших проблем мы затронули сегодня. Впрочем, другого я и не ждал. Ведь эти проблемы — не только наша с вами боль, это боль всех достойных представителей нашего народа. Поэтому слово «перестройка», мне кажется, в первую очередь подразумевает самовоспитание, если можно так выразиться, «самоперестройку». Вы всегда были строги к себе, не считите это за лесть, об этом говорят многие. Я помню, как вы совершенно один восстанавливали старую мельницу в окрестностях Цицамури, а потом писали там, в продуваемом холодными зимними ветрами помещении, суровые, жестокие эпизоды военных лет для «Черной и голубой реки». Голодный и холодный, уединились вы в

построенной вами лачуге у полотна железной дороги в Норйо, которая больше походила на землянку военных лет, и писали о таких же голодных и неприкаянных людях. Теперь вы живете в своем селе в новом, только что покрытом крышей доме, где все еще стоит запах древесной стружки, роман ваш закончен, и я думаю, читатель вправе ждать от вас новых произведений?!

О. И. — Я вам уже говорил, что герои моих книг всегда живут не зависимой от меня жизнью, они уже находятся здесь, и надо только уделить им внимание, иначе они исчезнут. Мой переезд сюда способствовал тому, что я лучше узнал свой народ и сблизился с ним, хотя разве я его плохо знал?! Но истинное сближение происходит только тогда, когда живешь вместе с ним. Теперь, похоже, весь народ вознамерился поселиться в Тбилиси, все деятели искусств, писатели скучились в столице, так что мое отсутствие останется незамеченным. Вообще я думаю, всем нам лучше рассредоточиться по стране, хотя бы для того, чтобы не есть поедом друг друга и находиться друг от друга на спасительном расстоянии.

Мне здесь очень хорошо. Помогли мне обосноваться тут районные руководители и руководители республики. Здесь большой размах строительных работ, а меня ничто так не радует, как кирпич, доски и рубанок. За прошедшие два года я посадил четыреста саженцев лозы и фруктовых деревьев. Минувшей весной они зацвели, зазеленели, и я не мыслю дня, чтоб не вспомнить их, не полить, не убрать лишние побеги.

По утрам я выхожу из дому, рядом лес, я слушаю самую волшебную на свете музыку — пение птиц. Хотел бы завести коня, но боюсь — а вдруг не достану овса и ячменя, порой даже с бензином бывают перебои, но машина без бензина не пропадет, а коня голодом морить — грех...

Г. Д. — При всей вашей занятости вы, наверное, и напишите что-нибудь новое...

О. И. — Пока я не могу сказать, о чем буду писать завтра, быть может, опять вернусь к новеллистике, а может, меня вновь увлечет роман. О завтрашнем будем думать завтра...

«ГРУЗИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ, ШЕКСПИР...»

Едва ступив ногою в Грузию, Борис Пастернак так обратился к Кавказским вершинам и стране, открывшейся ему с этой головокружительной высоты:

Пока я голову заламываю,
Следя, как шею укреплений
Плывут по синеве сиреновой
И тонут в бездне поколений,
Пока, сменяя роци вязовые,
Курчавится лесная мелочь,
Что шепчешь ты, что мне предсказываешь,
Кавказ, Кавказ, о что мне делать!
Объятье в тысячу охватов,
Чем обеспечен твой успех?..

Ведь это то зрелище жизни и ожидание того ответа, которые явят ему собственная «допущенность к делам истории», «участие в ее будущем», талант и дар тайновидца («визонера дивинация»), способного не только «знать» нечто, но и «понимать» суть и высший смысл узнанного, хотя бы с помощью такой, мыслью и воображением построенной перспективы:

Кавказ был весь как на ладони
И весь, как смятая постель,
И лед голов синел бездонней
Тепла нагретых пропастей.

...И в эту красоту уставясь
Глазами бравших край бригад,
Какую ощутил я зависть
К наглядности таких преград!

О, если б нам подобный случай,
И из времен, как сквозь туман,
На нас смотрел такой же кручей
Наш день, наш генеральный план!

Передо мною днем и ночью
Шагала бы его пята,
Он мял бы дождь моих пророчеств
Подшвой своего хребта.

Ни с кем не надо было б грызться.
Не заподозренный никем,
Я вместо жизни виршеписца
Повел бы жизнь самих поэм.

Так начал Борис Пастернак свой «Кавказ подо мною», чтобы вслед за живописанием его красоты и уже в отличие от великого предшественника, столетье с лишним назад завершившего свой дифирамб Кавказу горестно-элегическим — «так буйную вольность законы теснят... так ныне безмолвный Кавказ негодует», — чтобы в отличие, повторяем, от Пушкина, двинуть дальше свою поэму, «повести ее жизнь» «в предвиденьи и наяву» к близящимся далям сбывающегося будущего —

Ты рядом, даль социализма.
Ты скажешь — близь?—Средь тесноты,
Во имя жизни, где сошлись мы, —
Переправляй, но только ты.
Ты куришься сквозь дым теорий
Страна вне сплетен и клевет,
Как выход в свет и выход к морю,
И выход в Грузию из Млет.

Вот так и «сошлись» в «жизни» и «во имя жизни» — предвиденье и явь, даль и близь, волны моря и волны поэзии, музыка и революция, поэт и социализм, выход в будущее и выход в Грузию.

Первое стихотворение цикла «Тифлис» («Весенний день тридцатого апреля»), готовя публикацию 1932 года, автор объединил с двумя иными стихотворениями 1933 года, а в одном из списков (хранящемся в архиве В. Г. Лизина) дал этой триаде характерное заглавие — «гражданская триада». Второе стихотворение нового цикла «Столетье с лишним — не вчера» оказалось особо значительным — на новой исторической дистанции здесь вновь воскрешалась проблематика финала «Высокой болезни», световой луч был направлен на заново сложившееся соотношение истории и личности, просматривались верительные грамоты последней, выяснялись ее «авторские права» по отношению к «заглавным страницам» истории, подлежала осмыслению чистота моральных обоснований этих прав, повелительную необходимость коих подтверждал, как об этом говорилось в «Высокой болезни», бессмертный пример того, кто «столетий завистью завистлив, ревнив их ревностью одной, он управлял теченьем мыслей и только потому — странной». В этом стихотворении 1931 года были призваны на помощь пушкинские строки из «Стансов» 1826 года, что имело решающее значение для общего и главного смысла новых стансов, вновь воскрешающих в нашей памяти порывы «арктических Петровых выюг»:

Столетье с лишним — не вчера,

А сила прежняя в соблазне

В надежде славы и добра

Глядеть на вещи без боязни.

Хотеть, в отличие от хлыща

В его существованьи кратком,

Труда со всеми сообща

И заодно с правопорядком.

И тот же тотчас же тупик

При встрече с умственной ленью,

И те же выписки из книг,

И тех же эр сопоставленья.

Но лишь теперь сказать пора,

Величьем дня сравненье разня:

Начало славных дней Петра

Мрачили мятежи и казни.

Итак, вперед, не трепеща,

И утешаясь параллелью,

Пока ты жив, и не моща,

И о тебе не пожалели.

Стихи эти поражают своей пророческой силой и пронзительностью исторического ясновидения. Знаменателен здесь сам отзвук пушкинского камертона «надежды» и связанных с ним мотивов, призванных выразить естественность стремления поэта и гражданина к органическому единству с эпохой, если и дававшей повод к тем или иным историческим аналогиям, то являвшей и вполне достаточные основания для твердой веры в торжество своих субстанционных черт («величьем дня сравненья разня»).

Недаром в третьем, заключительном стихотворении «Гражданской триады», посвященном выходу в будущее, само это будущее рисуется не идиллическим раем, а становится самим собой, начинается в день и миг, когда человек «предает» райское блаженство и делает роковой шаг к познанию добра и зла, шаг из рая на землю. Дерево познания, его запретный плод — Правда и Понимание — вот путь и средство сотворения того будущего, о котором говорилось еще в «Высокой болезни» с привлечением персонажей из той же ветхозаветной истории («про то, как вдруг в конце недели на слепнувших глазах творца рождаются стены цитадели»). Но вот эта онтологическая «неделя» уже давно позади. И чтобы человек сам стал творцом, он должен иметь право сказать о себе хотя бы в тех же мифологических иносказаниях:

Будущее! Облака встрепанный бок!
Шапка седая! Гроза молодая!
Райское яблоко года, когда я
Буду, как бог.
Я уже пережил это. Я предал,
Я это знаю. Я это отведал.
Зоркое лето. Безоблачный зной.
Жаркие папоротники. Ни звука.
Муха не сядет. И зверь не сигнет.
Птица не порхнет — палящее лето.
Лист не шелохнет — и пальмы стеной.
Папоротники и пальмы, и это
Дерево. Это корзины ранета.
Раненой тенью вонзенное в зной
Дерево девы и древо запрета.
Это и пальмы стеною, а «ну-ка
Что там, была не была, подойду-ка».

И Борис Пастернак подошел.

Умонастроение, запечатленное в двух взаимопереплетенных циклах («Тифлис» — «Гражданская триада») все более и более крепло и утверждалось в поэте на протяжении первой половины тридцатых годов (1931—1936). У этого явления, кроме субъективно-биографических, были, разумеется, и более общие стимулы и побудительные причины. Их можно было бы охарактеризовать лаконичной формулой Тициана Табидзе — «то, что переживают сейчас народы нашего Союза, и дает дыхание советской поэзии». Об этом же писал позднее в автобиографической заметке Симон Чиковани: «Как раз в начале тридцатых годов, столь богатых бурными событиями в жизни страны, ознаменованных глубочайшими процессами коренной перестройки всего ее уклада, действительность властно вторглась в творческую жизнь... внесла в нее свои коррективы, обновила ее, изменив многие и многие наши представления о сущности и назначении, о подлинной революционности и подлинном новаторстве поэзии. Многие мои духовные склонности и потребности — тяга к просторам, к путешествиям, жадный интерес к жизни различных уголков моей родины и к жизни других народов — получают в эти годы новый, глубокий и конкретный смысл... В плане творческом — это был верный путь к реализму».

В жизни Бориса Пастернака эта пора охватывает, как мы знаем, обе поездки в Грузию, начало и невиданно быструю кристаллизацию его дружбы с грузинскими поэтами, первый этап работы над грузинскими переводами, участие в работе бригады по ознакомлению с грузинской литературой, а затем — в 1934 году — в работе первого съезда советских писателей (на котором Борис Пастернак выступил с яркой речью вместе с Тицианом и Паоло в числе других выступающих), поездку в 1935 году в Париж на международный антифашистский конгресс (вместе с Галактионом Табидзе в числе других делегатов).

В плане творческом это были годы «Второго рождения» и «Охранной грамоты», «Путевых записок» и «Художника», «Грузинских лириков» и интенсивной переписки с грузинскими друзьями, начала работы над большим прозаическим произведением и зарождения ряда иных планов. И нет, разумеется, никаких оснований считать первую половину тридцатых годов «кризисной» или «наиболее трудной, переломной для поэта порой», когда якобы он «мало создает оригинальных произведе-

ний, отдавая основные силы переводческой деятельности»¹. А такой неверный взгляд иногда высказывался. Можно, конечно, предположить, что в таких случаях имелись в виду следующие несколько лет, вплоть до начала военной поры, но и тогда следовало выделить первое шестилетие, а уже далее говорить о «кризисе» отнюдь не в применении к поэту. Кстати, и работа его над переводами в 30-х годах относится к их первой половине. И вот как оценивал эту работу сам Борис Пастернак в одном из предисловий к своим переводам: «Годы моего первого знакомства с грузинской лирикой составляют особую, светлую и незабываемую страницу моей жизни. Воспоминания о толчках и побуждениях, вызвавших эти переводы, а также подробности обстановки, в которой они производились, слились в целый мир, далекий и драгоценный, признательность которому не вмещают рамки настоящего предисловия».

Взгляды и умонастроения, все более четко складывающиеся на таком общественном, творческом и биографическом фоне, с исповедальной искренностью запечатлеваются и в переписке Пастернака этих лет, и в его публичных выступлениях, речах и статьях, и в собственно поэтическом творчестве. Как раз у «верхнего порога» отмеченной поры — в 1936 году — в стихотворении «Безвременно умершему» (на смерть того самого Николая Дементьева, которому в свое время адресовал Багрицкий свое знаменитое прославление революционной

¹ В июле 1932 года Б. Пастернак писал Паоло Яшвили с Урала: «Собираясь засесть на днях за прозу о всякой всячине, северной и военно-гражданской, я несколько верю в исполнимость этого решения только потому, что об Урале буду писать мысленно из Окрохан и что это в вещи найдет свое отражение». В этом же письме содержалось знакомое нам рассуждение о Грузии: «Это и в более общих отношениях страна, удивительным образом не испытывавшая перерыва в своем существовании, страна, еще и теперь оставшаяся на земле и не унесенная в сферу абстракции, страна неотсроченной краски и ежесуточной действительности, как велики бы ни были ее нынешние лишения. Именно в этом свете увидели мы сейчас Грузию и поразились пережитому с Вами, как невысказанности и легенде. Ах, ведь это я, наверное, и предчувствовал, когда, путаясь и не находя выражений, говорил с М. С. Джавахишвили о Грузии, как о форме».

романтики — «А в походной сумке — спички и табак, Тихонов, Сельвинский, Пастернак...»), в этом программном и во многом продолжающем «Гражданскую триаду» стихотворении мы встречаем такие строки:

Эпохи революций
Возобновляют жизнь
Народа, где стрясутся,
В громах других отчизн.
Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Простой уставный шрифт.
Затем-то мы и тянем,
Что до скончанья дней
Идем вторым изданием,
Душой и телом в ней.
Но тут нас не оставят.
Лет через пятьдесят,
Как ветка пустит паветвь,
Найдут и воскресят.
Побег не обезлиствел,
Зарубка зарастет.
Так вот — в самоубийстве ль
Спасенье и исход?
...Прощай. Нас всех рассудит
Невинность новичка.
Покойся. Спи. Да будет
Земля тебе легка.

Шагнуть смело к «древу познания», испытать счастье «допущенности к истории», обрести «пониманье» и сохранить вместе с тем «невинность новичка», т. е. право быть не только истцом, но и судьей, — это значило в новых звеньях цепи метаморфоз стараться соединить в себе лермонтовскую субъективность с пушкинской объективностью. То, чем был Лермонтов для Пастернака в 1917 году, тем стал для него Пушкин в 1931-36 годах — «столетье с лишним» спустя после той черты, которая отделила Пушкина до «Пророка» и «Стансов» от Пушкина после них. Позднее (в августе 1959) сам Пастернак

даст такое определение этих двух начал, питавших родную ему духовную культуру: «Пушкин возвел дом нашей духовной жизни, здание русского исторического самосознания. Лермонтов был его первым обитателем. В интеллектуальный обиход нашего века Лермонтов ввел глубоко независимую тему личности, обогащенную впоследствии великолепной конкретностью Льва Толстого, а затем чеховской безошибочной хваткой и зоркостью к действительности. Но тогда как Пушкин объективен, достоверен и точен, тогда как Пушкин позволяет широчайшие обобщения, все творчество Лермонтова проникнуто его страстью, поэтому Лермонтов ограниченнее. Пушкин глубоко реалистичен и служит как бы проводником высшего творческого начала. Лермонтов — живое воплощение личности. Вы правы, утверждая, что в нем иной раз слишком сильно проступает романтический пафос. Влияние на него Байрона бесспорно, под его обаянием находилась тогда чуть ли не половина Европы. Однако то, что мы ошибочно принимаем за лермонтовский романтизм, в действительности, как мне кажется, есть не что иное, как стихийное, необузданное предвосхищение всего нашего современного субъективно-биографического реализма и предвестие поэзии и прозы наших дней. Я посвятил «Сестру свою жизнь» не памяти Лермонтова, а самому поэту, как если бы он еще жил среди нас, — его духу, до сих пор оказывающему глубокое влияние на нашу литературу. Вы спросите, чем он был для меня летом 1917 года? — Олицетворением творческого поиска и откровения, двигателем повседневного творческого постижения жизни» (Из письма Юджину М. Кейдену).

Борис Пастернак тяготеет в 1931-36 годах именно к «широчайшим обобщениям», не поступаясь ни своей «личностью», ни своей «страстью». В стихах «Безвременно умершему», как и в связанной с ними «Гражданской триаде», степень такого обобщения достигает особой силы, создавая как бы посредствующее звено между «Высокой болезнью», «Спекторским», «Вторым рождением», с одной стороны, и «Художником», «Путевыми записками», «Земным простором» — с другой. В первой, журнальной (в «Знамени» № 4 за 1936 год) публикации стихотворение «Безвременно умершему» было даже включено в цикл «Художник», хотя затем и намечалось к публикации вне цикла. Но основные мотивы роднят его не только с другими стихами 1936 года, но и с наиболее значительными письмами этого же года, с выступлением на съезде писателей в тридцать четвертом, со всем тем комплексом «надежды славы и добра», который повелительно влек его к «труду со всеми со-

обща и заодно с правопорядком», побуждая мысленно вспоминать, через тройное напластование, пушкинские призывы — «во всем будь пращурю подобен: как он, неутомим и тверд и памятью, как он, незлобен». Конечно, Пастернаку ли не было ведомо, что «надежда славы и добра» таила в себе опасные для Пушкина (и вообще-то не сродственные ему) иллюзии, но он-то знал, какая цель двигала поэтом, в сочинениях которого почти непосредственно перед «Стансами» стоял «Пророк» (да еще с существующим первым вариантом его концовки!).

Лермонтовское начало в душе Пастернака встретило бы в пытки саму возможность таких иллюзий («О, полно!..» — возвысил свой голос Лермонтов в адрес боготворимого автора «Стансов» столетие с лишним назад), но Пастернак ведь прибегал к данной аналогии, «величьем дня сравнение разня», и даже за четыре предвоенных года, когда настал его черед «молчать, потупя очи долу», он знал, что «страницы века громче отдельных правд и кривд», что «ветка пустит паветвь», «зарубка зарастет» и «безвременно умерших» «найдут и воскресят». Но пока, в 1936 году, он мог бы обратиться к своим друзьям пушкинские строки, адресованные в Сибирь Пуцину и в сочинениях ютящиеся между «Пророком» и «Стансами»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!

И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,

Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:

Да голос мой душе твоей

Дарует то же утешенье...

В знакомом нам уже письме Пастернака к Тициану Табидзе — в том же апреле 1936 года, когда было напечатано стихотворение «Безвременно умершему», — такое «пушкинское» состояние и устремление было выражено так: «Дорогие друзья мои Тициан и Нина!.. Я хотел Вам протелеграфировать не о любви своей и верности, это Вам известно и давно надоело. Я хотел Вам сказать, чтобы Вы не унывали, верили в себя и держались... Как меня порадовал телефонный звонок Ваш!.. Можете быть спокойны. Не я один в Вас верю и знаю Вам цену. Не верьте растворам. Верьте революции в целом, судьбе, новым склонностям сердца, зрелищу жизни... Веку, а не неделе...»

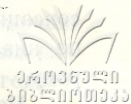
Тяга к «широчайшим обобщениям», постоянная внутренняя апелляция к контексту истории, эпохи. уметь мысленно удержать или наладить «дней связующую нить», как бы тонка и иллюзорна она ни была в иную пору, постижение феномена преэминентности истории и культуры, чему революция должна была стать подспорьем и ферментом, «возобновляющим жизнь», поиски «неотсроченной краски» там, где земля «не испытала перерыва в своем существовании» и «связь времен» была отнюдь не нарушена, а закреплена революцией, поиски, в конечном счете, того, что он сам назвал «формой» в том значении этого слова, которое ближе всего к категориям философии истории — все это мироощущение и миропонимание, вся эта напряженная жизнь духа так и «рвется музыкаю стать и вся на рифмы просится». И как бы спонтанно из артезианских глубин души поднимаются струи новой лирики, в чем-то подхватывающей движение волн «Второго рожденья», а в чем-то ошеломляюще оригинальной, не похожей на свою ближайшую родню и предшественницу. И чистые струи эти сосредоточиваются на просторах мыслей и чувств, связанных с понятием таким же высоким, как небо и земля. И имя этому небу, этой земле — народ.

Поэт, не принимай на веру
Примеров Дантов и Торкват.
Искусство — дерзость глазомера,
Влечение, сила и захват.
Тебя пилили на поленья
В года, когда в огне невзгод
В золе народонаселенья
Оплавилось ядро: народ.
Он для тебя вода и воздух,
Он — прежний лютик луговой,
Копной черемух белогроздых
До облак взмывший головой.
Не выставляй ему отметок.
Растроганности грош цена.
Грозой пади в объятья веток,
Дождем обдай его до дна.
Не умиляйся, — не подтянем.
Сгинь без вести, вернись без сил,
И по рещьям и по плутаньям
Пойдем, кого ты посетил,
Твое творение не орден:

Награды назначает власть.

А ты — тоски пеньковой гордень,

Паренья парусная снасть.

И поскольку мы привыкли уже, что мысль поэта, изреченная в форме поэтической истины, находит у него, как правило, и выход в прямой речи эпистолярных посланий друзьям, вспомним и повторим его призыв к Тициану Табидзе: «Именно из революционного патриотизма верьте уже лучше себе, Тициану Табидзе... Не обращайтесь к общественной благотворительности, друг мой, надейтесь только на себя! Забирайте глубже земляным буравом без страха и пощады, но в себя, в себя. И если Вы там не найдете народа, земли и неба, то бросьте поиски, тогда негде искать»...

И стихи и проза письма датируются апрелем 1936 года, но такое понимание таинства слияния поэзии с народом, поэта с «народом, землей и небом» красной нитью проходит и через письма и через подспудную стихов Бориса Пастернака в сороковых, пятидесятых годах, до последнего дня жизни. Так, в конце 1946 года, когда Борис Пастернак, с особой и вполне естественной остротой ощутивший в годы Отечественной войны глубину и богатство этих «залелей» в себе, сиречь кровную связь с народом и с завоеваниями революции, которые народ отстоял, подвергся тем не менее критическим нападкам некоторых журналистов, упрекавших его в оторванности от народа, он в письме к Нине Табидзе высказался об этом со всей свойственной ему прямоотой: «Осенняя трепотня меня ни капельки не огорчила. Разве кто-нибудь из нас так туп и нескромен, чтобы сидеть и думать, с народом он или не с народом? Только такие фразеры и бесстыдники могут употреблять везде это страшное и большое слово, не заботясь о том, осталось ли у него какое-нибудь значение».

А весной 1950 года, когда Анна Ахматова после длительного — по обстоятельствам, от нее не зависящим, — перерыва, опубликовала в «Огоньке» цикл стихов, гражданское и патриотическое звучание коих было столь же несомненно, сколь и органично для нее, Борис Пастернак, искренне радуясь этому факту, писал вместе с тем Нине Табидзе и об иной стороне сложившейся ситуации: «Вы, наверное, уже видели в «Огоньке» стихи Ахматовой или слышали об их напечатанье. Помните, я показывал Вам давно часть их, причем наилучшую. Те, которых я не знал и которыми она дополнила виденные, самые лучшие. Я страшно, как и все, рад этой литературной

сенсаии и этому случаю в ее жизни, и только неприятно, что по аналогии все стали выжидающе оглядываться в мою сторону.

Но все то, что произнесла сейчас она, я сказал уже двадцать лет тому назад и один из первых, когда такие голоса звучали реже и в более единственном числе. Таких вещей не повторяют по несколько раз, они что-нибудь значат или ничего не значат и в последнем случае никакое повторение не может поправить дело.

Я очень доволен своей судьбой, возможностью зарабатывать честным трудом, ясностью моего душевного состояния. Никогда я не считал себя в каком-нибудь смысле обиженным или обойденным. Если кто-нибудь думает, что я могу со стороны показаться «мучеником», то, во-первых, я не отвечаю за чужой бред или химеры. и, во-вторых, достаточно тем, кого интересует такая видимость, выпустить задержанные мои книги, а меня самого на эстраду, и это «подобие мученичества», не существующее для меня, отпадает само собой. Заявление же в «эфир» о том, что я не мученик, для меня невысказано, как предел идиотизма. Я человек очень гордый, но я должен был бы быть мелким завистником, хвастливым ничтожеством и молодым коммивояжером, чтобы верить по-журналистски и в самый эфир и в какое-то его знание меня и существование для меня, когда по совести мне иногда бывает трудно поверить, что я интересую Вас или Зину. Кроме того, когда заподозренный в мученичестве заявляет, что он благоденствует, является подозрение, что его муками довели до этого заявления.

Все это порочный и в высшей степени глупый круг. Кем надо быть, чтобы всем этим заниматься.

Мне кажется, все усилия человека должны быть сосредоточены в его деятельности — успешной, смелой и производительной, а остальное доделывает жизнь. В каких-то высших областях существования, каковы любовь (не только женская, но любовь к родине или любовь современников), творчество и пр. Это счастье либо дано либо не дано вовсе, и тут не о чем заботиться, потому что никакими стараниями и хлопотами тут ничего не сделаешь, или это будет подделка. А неподдельный провал для меня все-таки приемлемее поддельного успеха».

Нетрудно догадаться, что под «сказанными уже двадцать лет назад и одним из первых, когда такие голоса звучали реже и в более единственном числе», Борис Пастернак разумел свои же «Волны», «Гражданскую триаду» и другие аналогичные по проблематике стихи «Второго рожденья», а также

продолжение, развитие и углубление этих мотивов в циклах середины 30-х годов — «Художник» и «Путевые заметки» (с подзаголовками — «Зима 1936 года» и «Лето 1936 года»).

Высказывания и признания такого рода, такого характера и смысла можно проследить и на всем протяжении пятидесяти лет. Недаром в ноябре того же пятидесятого года Борис Пастернак подчеркивал в письме Нине Табидзе: «Всегда, когда со мной что-нибудь случается, я мысленно пишу Вам письмо и рассказываю это Вам. Тут через это я только и нахожу формулу случившемуся и для собственного сознания».

Вернемся, однако, к 1934-36 годам и продолжим наблюдения над найденными Пастернаком «формулами собственного сознания» и для читателя, поскольку эти «формулы» получали также и поэтическое инобытие.

Приведенные нами выше строфы о поэте и народе, о долге целомудрия по отношению к высоким и большим понятиям в противоположность фамильярной или ходульной безвкусице (по воле которой — «все наклоненья и залогии изжеваны до одного, хватить бы соды от изжоги!..») завершали стихотворение, включенное первоначально автором в цикл «Художник» и до конца понятное поэтому лишь в общем контексте этого цикла, посвященного в основной своей части Георгию Леонидзе, но включавшего в первой публикации, как мы знаем, и стихотворение на смерть Николая Дементьева.

Здесь вновь возникает у Пастернака обращение к философской категории «формы» в ее применении к историческому процессу, осмысленной в контексте революционных свершений. Перед нами разыгрывается сцена, в которой действуют искусство (поэт), жизнь (народ, судьбы — «форма»), революция и, наконец, сила, присвоившая себе «авторские права», произвольно вторгающаяся в естественные взаимоотношения жизни, революции и искусства, задающая им свой «урок».

Поэт и жизнь:

Казалось альфой и омегой —
Мы с жизнью на один покрой;
И круглый год, в снегу, без снега,
Она жила, как alter ego,
И я назвал ее сестрой...
...И только это было формой,
И это — лепкою судеб.

Поэт и народ:

Он для тебя вода и воздух...
...Не выставляй ему отметок.
Растроганности грош цена.
Грозой пади в объятья веток,
Дождем обдай его до дна.

Народ и революция:

Эпохи революций
Возобновляют жизнь
Народа, где стрясутся...

Жизнь и революция:

С тех пор все изменилось в корне,
Мир стал невиданно широк...

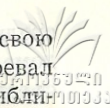
Поэт и революция:

Революция, ты чудо,
Наконец-то мы вдвоем.
Ты виднее мне отсюда,
Чем из творческих ярем.

Мало верить понаслышке,
Мало ездить и глазеть.
Надо с этой сердца вышки
По тебе равняться сметь.

Жизнь — вдвоем с революцией; народ — вдвоем с революцией; поэт — вдвоем с революцией; и «форма» существует, и «лепка судеб» такова. И если даже встречается воля и сила, задающая придуманные ею уроки и задачи — жизни, народу, поэту —

Так революции ль порок,
Что я, с годами все покорней,
Твержу, не знаю чей, урок?
Откуда это? Что за притча,
Что пепел рухнувших планет
Родит скрипичное капричьё?

Поэт готов был взять вину на себя, сослаться на свою «косность», собственное «незнание», хотя тут же прозревал истинную причину «порока» в убыли «духа» во дни приближения к роковому рубежу порочной «притчи». «Надежда славы и добра» уже через год-полтора обернулась «пеплом рухнувших планет», поглотившим не только Паоло и Тициана. «Неутомимость и твердость» не сопрягались с «незлбной памятью», и призывам поэта к «милости падшим» не вняли. Вот какое вышло «скрипичное каприччьо». Два с лишним десятилетия после этого будет вставать и жить перед взором картина: «Как сейчас вижу эту комнату. Да и как бы я ее забыл? Я тогда же, в тот же вечер, не ведая, какие ужасы ее ждут, осторожно, чтобы она не разбилась, опустил ее на дно души вместе со всем тем страшным, что потом в ней и близ нее произошло. Зачем посланы были мне эти два человека? Как назвать наши отношения? Оба стали составною частью моего личного мира. Я ни одного не предпочитал другому, так они были нераздельны, так дополняли друг друга. Судьба обоих вместе с судьбой Цветаевой должна была стать самым большим моим горем».

Когда вначале это коснулось Паоло Яшвили, еще летом, вдова поэта получила от Бориса Леонидовича письмо, где был дан выход не только горю, но и ослепительно яркому озарению мыслью о друге, о поэте, о человеке: «Тамара Георгиевна, милая, бедная, дорогая моя, что же это такое! Около месяца я жил как ни в чем не бывало, и ничего не знал. Знаю дней десять, и все время пишу Вам, пишу и уничтожаю. Существование мое обесценено, я сам нуждаюсь в успокоении и не знаю, что сказать Вам такого, что не показалось бы Вам идеалистической водой и возвышенным фарисейством.

Когда мне сказали это в первый раз, я не поверил. 17-го в городе мне это подтвердили. Оттенки и полутона отпали. Известие схватило меня за горло, я поступил в его распоряжение и до сих пор принадлежу ему. Не все, что я испытал под властью этого страшного факта, безысходно и смертоубийственно, — не все.

Когда вновь и вновь я устанавливаю, что никогда больше не увижу этого поразительного лица с высоким одухотворенным лбом и смеющимися глазами и никогда не услышу голоса, от переполнения мыслями обаятельного в самом звучании, я плачу, мечусь в тоске и не нахожу себе места. С тысячею заученных подробностей память показывает мне его во всех превращениях совместно пережитой обстановки: на улицах не-

скольких городов, в выездах в горы и на море, дома у Вас и дома у меня, в наших позднейших поездках, в президиумах съездов и на трибунах. Воспоминанье ранит, доводит боль лишения до сумасшествия, бунтует упреком: за какую вину наказан я вечностью этой разлуки?

Но случилось в первый же день, 17-го, что ее неотменимость очистила меня и свела к неоспоримейшим элементарностям, как в детстве, когда наплачешься до отупенья, и от усталости вдруг захочется есть или спать. Силой этого удара меня отшвырнуло далеко в сторону ото всего городского, не по праву громкого, без надобности усложненного, взвинченно равнодушного, красноречиво пустого. «Что за вздор» — вновь и вновь спрашивал я себя. Паоло? Этот Паоло, которого я так знал, что даже не разбирал, как его люблю, Паоло, имя моего наслаждения и все то, что с серьезным видом может сообщить средний человек А или средний человек Б, через минуту забываемый. А это для будущего, — подумал я. Умереть все равно каждому надо, и притом в какой-нибудь определенной обстановке. Вот и скажут: эта, потомством сохраненная жизнь кончилась летом 37-го года, и прибавят достоверности данного времени: темы, которыми жила общественность, названья газет, имена знакомых. Точно таких же, как в применении к какому-нибудь другому веку заговорили бы о париках и брыжах, или, еще дальше вглубь, о соколиной охоте.

Так вот, я вез это из города и сошел у нас на станции в Переделкине. Я знал, что когда у нас на террасе я открою рот, чтобы сказать это Зине, у меня сорвется голос и все повторится сызнова. Пока же, по пути домой, я все больше и больше, без рецидивов, отдавался очищающей силе горя, и как далеко она меня заводила!

Мне захотелось выкупаться. Вечерело. На берегу, в затененном овраге, когда, разлегшись, я понемногу отошел от треволнений поездки, я вдруг то тут, то там стал ловить черты какого-то бесподобного сходства с ушедшим. Все это было непередаваемо хорошо и страшно его напоминало. Я видел куски и вырезы его духа и стиля: его траву и воду, его осеннее садящееся солнце, его тишину, сырость и потаенность. Так именно бы он и сказал, как они горели и хоронились, перемигивались и потухали. Закатный час точно подражал ему или воспроизводил его на память.

Я как бы по-новому задумался о нем. Меня всегда восхищал талант, его непревосходимое чутье живописного, редкое не только в грузинской литературе, не только во всей нашей

современной, но драгоценное в любой и во всякое время. Он всегда удивлял меня, у людей имеются письма, как неизмеримо высоко я его ставил. Но впервые я задумался о нем в отдаленности от того, что я к нему чувствовал. Как при удалении от чего-то очень, очень большого, лишь на роковой дистанции утраты стали обрисовываться его абсолютные очертания: то, чем он был без нас, без меня, и Тициана, и Гоглы, то чем он был не только в угоду нашему восхищению и желанью видеть его победителем, но и наоборот, наперекор нашей любви: то, чем он был сам с водой и лесом и Богом и будущим.

Надо ли об этом распространяться? О том, кто именно будет через несколько лет грузинским Маяковским, или к чьим образцам будет восходить и на ком учиться будущая молодая литература, если ей суждено развиваться. Но эта ступенька посмертности никогда меня не трогала. Я поражен другим, как это и ни трудно выразить. Тем, как много его осталось в том, чего он касался и что назвал в часах дня, в цветах и животных, в лесной зелени, в осеннем небе. А мы жили и не знали, с какою силою он был среди нас, и с какою властью остался.

Дорогая Тамара Георгиевна, простите меня. Нельзя так писать, нельзя — Вам. Поэзия, и притом дурная, здесь неуместна. Все же я отошлю написанное, а то когда же наконец скажу я то единственно нужное, что рвется у меня к Вам и милой, невообразимо драгоценной Медее. Это несложно, и Вы это без меня знаете. Хотя у вас нет недостатка в друзьях и никогда не будет, причислите к ним и меня. Как ни затруднилось в последнее время мое существование, ради Вас невозможностей для меня не будет. А как бы я хотел Вас повидать! Я прошу Тициана и Нину обнять Вас за меня, побыть с Вами вместе и поплакать. И снова простите меня за глупое, бездарное письмо. Но я ведь и сейчас ничего, ничего не знаю. Не написали бы Вы мне, потом как-нибудь, когда будете в силах?»

Когда это коснется и Тициана, оставив пока еще слабую надежду, что он жив, Борис Леонидович адресует Нине Табидзе знакомое нам частично письмо: «Я всегда думал, что люблю Тициана, но не знал, какое место безотчетно и помимо моей воли принадлежит ему в моей жизни. Я считал это чувством, и не знал, что это сказочный факт.

Сколько раз пировали мы, давали клятвы верности (тут присутствует, конечно, и бедный Паоло, думаете ли Вы, что я его когда-нибудь забуду!), становились на ходули, преувеличивали! Сколько оснований бывало всегда бояться, что из ска-

занного ничего не окажется правдой. И вдруг насколько все оказалось горячей, кровнее!

Как слабо все было названо! Как необычайна действительная сила этой неотступной, сосущей, сумасшедшей связи!

Я вас часто вижу во сне, то Вас, то нас всех, то виденные вместе места в осложненном переплетенье с моими родными. Прошлой зимой, когда это было связано только с ужасом и страданием, я иногда просыпался в слезах и думал, что мне больно не моей собственной болью, а что я стал куском Вашего потрясения и частью Вас самой, и оттого это так сильно. Мне трудно объяснить это безумие.

Но теперь, слава Богу, это прошло. Я Вас ни о чем не спрашиваю. Хотя и несоизмеримо меньше Вас, все же знаю достаточно, чтобы жить надеждой. Я знаю, что в каком-то высшем плане наше новое, выстраданное, временно отсроченное воссоединенье предрешиено во всех подробностях, и наше дело только не погубить свиданье, то есть дожить до него. Я мог бы Вам писать об этом без конца, но это ни к чему.

Мне стало немножко труднее. В этом виноват только я сам. Восторженность вообще плохо давалась мне. За последние два года это стало выше моих сил, — это понятно.

В самый канун нового 38-го года у меня родился мальчик. Зина родила его ровно в 12 ч. ночи, под звон столового стекла.

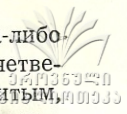
Я хотел назвать его Павлом (эта жизнь не идет у меня из головы и сердца, надо ли мне Вас в этом уверять), но Зина даже заплакала, так ее испугало это сближение с образом горя и горечи и загадочного исхода, и отступив к ближайшему по близости, я назвал его в честь моего отца Леонидом.

Об остальном Вам расскажет Витя¹. Честь и слава его сердцу, что он вызвался повидать Вас, можете сказать ему».

В 1940 году в атмосфере предвоенной тревожной нагнетенности у Бориса Леонидовича, с его верой в очищающее действие больших исторических событий, все более и более крепнут надежды и на счастливый исход судьбы Тициана (ведь никто еще тогда не знал, что его не стало чуть ли не на второй месяц после ареста). Он пишет Нине Александровне в конце декабря:

«...Постепенно все в городе улаживается. На меня еще будут валиться всякие шишки, но в основе ко мне чудное отношение и, вообще, я, конечно, страшно счастливый человек.

¹ В. В. Гольцев.

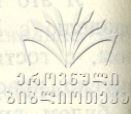
Я это пишу Вам, т. к. знаю, что это счастье когда-либо разделю с Вами и с Т(ицианом), что мы как-нибудь вчетвером, с гостями еще когда-нибудь пообедаем всем пережитым, вкусно, красиво, в течение целой летней ночи, или нескольких, и будем друг у друга гостить, счастливо, утомленно, отдохновенно!

Тициан жив и где-то совсем недалеко и ждать остается все меньше и меньше. Т(ициан) — лицо коренное моего существования, он бог моей жизни в греческом и мифологическом смысле. Мне кажется, я не мог бы быть таким счастливым, так любить Вас, занимать такое место во времени и ждать еще так много для себя впереди, если бы Тициан еще не предстоял мне... В 1941 г. дела пойдут лучше, вот увидите!»

Несколько позже, когда надежда, связанная со слухами, что Тициан, возможно, где-то как-то жив, приливами и отливами тревожила его друзей, Борис Леонидович писал Нине Табидзе: «Грешный человек, когда Евгений Дмитриевич (брат Сережи Спасского) привез эту ошеломляющую радость о Тициане, я подумал, что известие это правильное, т. е. что он жив, но дело ограничится словами и обещаниями, а щедрость и благородство никогда не пойдут так далеко, чтобы его освободить. Как это бездарно и жестоко! Вы знаете, друг мой, Ниночка, это сильнее меня. Это именно то, чего я никогда не мог победить в себе и что так резко и неизменно определило мое поведение, — непримиримость в отношении двух-трех слишком близких случаев этого скудоумия и подлости. Этого я не могу простить, хотя бы это стоило мне жизни. И все же в одно прекрасное утро он придет, придет может быть даже раньше, чем Вас достигнет это письмо. Я знаю такие примеры...»

...Последние в 30-х годах стихи Бориса Пастернака датированы 1936 годом. Большая их часть посвящена Грузии или связана с нею. Из них «Путевые записки» нерасторжимы с именами и образами Тициана и Паоло, «Художник» — с Георгием Леонидзе и его семьей. «Широчайшие обобщения» доведены в этих циклах до особо емкой и чеканной формы, позволяющей выразить некоторые узловые проблемы, ищущие и требующие своего поэтического воплощения. В центре и средоточии этих проблем — все та же, диктующая благородное целомудрие приближения к ней:

**Счастлив, кто целиком
Без тени чужеродья,
Всею детством — с бедняком,**

Всей кровию — в народе.
Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса
С шеренгой прихлебал
В родню чужую втерся.
Отчизна с малых лет
Влекла к такому гимну,
Что небу дела нет —
Была ль любовь взаимна.
Народ, как дом без кром,
И мы не замечаем,
Что этот свод шатром,
Как воздух, нескончаем.
Он — чащи глубина,
Где кем-то в детстве раннем
Давались имена
Событиям и созданьям.
Ты без него ничто.
Он, как свое изделие,
Кладет под долото
Твои мечты и цели.

Это уже совершенно иной «урок» и иная «притча», не алчущая «пепла рухнувших планет» и не требующая «принимать на веру примеров Дантов и Торкват» для того, чтобы народ в соавторстве с поэтом родил «изделие», именуемое поэзией. А несколько раньше, в новогоднем, первоапрельском номере «Известий» за 1936 год, было напечатано стихотворение Б. Пастернака, где такую же крепчайшую поэтическую «формулу» обрела мысль об отражении времени, эпохи, исторического свеченья в искусстве, поэзии, в личности и судьбе поэта:

Я понял: все живо,
Векам не пропасть.
И жизнь без наживы —
Завидная часть.
Бывали и боины,
И поед живьем,
Но вечно наш двойня
Гремел соловьем.
Глубокою ночью
Загаданный впрок,
Не он ли, пророча,

Нас с вами предрек?
Спасибо, спасибо
Трем тысячам лет,
В трудах без разгиба
Оставившим свет.
Спасибо предтечам,
Спасибо вождям.
Не тем же, так нечем
Отплачивать нам.
И мы по жилищам
Пройдем с фонарем
И тоже поищем,
И тоже умрем.
И новые годы,
Покинув ангар,
Рванутся под своды
Январских фанфар.
Я понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.
И вечно, обвалом
Врываясь извне,
Великое в малом
Отдастся во мне.

.
Железо и порох
Заглядов вперед,
И звезды, которых
Износ не берет.

В этих строфах мы слышим идущий из двадцатых годов, со времен «Высокой болезни», лейтмотив гимна человеку, доказавшему свое «право дерзать от первого лица», «управляя течением мыслей», и отзвук мудрого и восхищенного свидетельства о том, что «гения горячка цемента крепче и белей» и что на этом держится «живая повесть» творимой легенды, именуемой историей. Здесь впервые с такой конденсированной мощью и четкостью проецируется и мысль, которая с новой силой загорится в поэте через два десятилетия — о том, что «потрясения и перевороты» открывают путь для «новой жизни» лишь в соединенье с «озареньями, бурями и щедротами» «воспламенной души». В этих строфах первым слоем палимпсеста про-

глядывают и строки известного пастернаковского посвящения Ларисе Рейснер, не вспомнить которые в контексте нашего обзора было бы грехом:

посвящения
нашего об-
3041935341
30320110330

Лариса, вот когда посожалую,
Что я не смерть и ноль в сравненьи с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
Живая повесть на обрывках дней.

Как я присматривался к матерьялам!
Валились зимы кучей, шли дожди,
Запахивались вьюги одеялом
С грудными городами на груди.

Мелькали пешеходы в непогоду,
Ползли возы за первый поворот,
Года по горло погружались в воду,
Потоки новых запружали брод.

А в перегонном кубе все упрямей
Варилась жизнь и шла постройка гнезд.
Работы оцепляли фонарями
При свете слова, разума и звезд.

Осмотришься, какой из нас не сваян
Из хлопьев и из недомолвок мглы?
Нас воспитала красота развалин,
Лишь ты превыше всякой похвалы.

Лишь ты, на славу сбита боями,
Вся сжатым залпом прелести рвалась.
Не ведай жизнь, что значит обаянье,
Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз.

Ты точно бурей грации дымилась,
Чуть побывав в ее живом огне,
Посредственность впадала вдруг в немилость,
Несовершенство навлекало гнев.

Бреди же в глубь преданья, героиня.
Нет, этот путь не утомит ступни.

Ширай, как высь, над мыслями моими:
Им хорошо в твоей большой тени.

А «преданье», в свою очередь, отсылает наше внимание и назад, к тем «десяти дням, которые потрясли мир» и объединили в едином порыве «горячку гения» и подвиг «героинь» рожденных и запущенных на орбиту исторического творчества народом:

Не плакалась, а пела вьюга. Чуть не
Как благовест к заутрене средь мгн,
Раскатывались снеговые крутня,
И пели басом путников шаги.

Угольный дом скользил за дом угольный,
Откуда руки в поле простирал.
Там мучили, там сбрасывали в штольни,
Там измывался шахтами Урал.

Там ели хлеб, там гибли за бесценнок,
Там белкою кидался в пихту кедр.
Там был зимы естественный застенок,
Валютный фонд обледенелых недр.

Там по горам кустились перелески,
Пристреливались, брали, жгли дотла,
И прибегали к женщине в черкеске,
Оглядывавшей эту ширь с седла.

Пред ней, за ней, обходом в тыл и с флангов,
Крутясь ползла гражданская война,
И ты б узнал в наезднице беглянку,
Что бросилась из твоего окна.

По всей земле осиным морем грусти,
Дымясь, гремел и стлался слух о ней,
Марусе тихих русских захолустий,
Поколебавшей землю в десять дней.

Образ революции, «в десять дней потрясшей мир», встает нам навстречу и из вступления к поэме «Девятьсот пятый год», предваряя эту «хронику 1905 года в стихотворной форме» (как ее охарактеризовал сам автор) по-пастернаковски интимным славословьем Октябрьской революции, в одну из годовщин которой датировал Пастернак этот фрагмент в рукописи,

хранившейся у В. Лидина (25.X.25) и назвал его первоначально «Одой»:

В нашу прозу с ее безобразьем
С октября забредает зима.
Небеса опускаются наземь,
Точно занавеса бахрома.

Еще спутан и свеж первопуток,
Еще чуток и жуток, как весть,
В неземной новизне этих суток,
Революция, вся ты как есть.

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Что бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.

Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из груди огнив.
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив.

Отвлеченная грохотом стрельбищ,
Оживающих там, вдалеке,
Ты огни в отчужденье колеблешь,
Точно улицу вертишь в руке.

И в блуждании хлопьев кутежных
Тот же гордый, уклончивый жест:
Как собой недовольный художник,
Отстраняешься ты от торжеств.

Как поэт, отпылав и отдумав,
Ты рассеянья ищешь в ходьбе.
Ты бежишь не одних толстосумов:
Все ничтожное мерзко тебе.

А «короб лучевой», в котором «маячили» перед поэтом его герои и героини, высвечивал вслед за «Спекторским» уже через объектив стихов к десятой «Октябрьской годовщине» знакомые нам и по «Высокой болезни» картины, образы и раздумья над ними:

Густая слякоть клейковинной
Полощет улиц колею:
К виновному прилип невинный,
И день, и дождь, и даль в клею.

Ненастье настагает скаты,
Гремит железом пласт о пласт,
Свергает власти, рвет плакаты,
Наталкивает класс на класс.

Костры. Пикеты. Мгла. Поэты
Уже печатают тюки
Стихов потомкам на пакеты
И нам на кету и пайки.

...На смену спорам оборонцев —
Как север, ровный Совнарком,
Безбрежный снег, и ночь, и солнце,
С утра глядящее сморчком.

...Для галок и красногвардейцев,
Под черной кожи мокрый хром,
Какой еще заре зардеться
При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это — небо
Намыкавшейся всласть зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.

На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вперенных в небывалый строй.

...Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

А далее проглядывается и «Кремль в буран конца 1918 года», похожий иногда —

А иногда! — А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь,
Он, Кремль, в оснастке стольных зим,
На нынешней срывает ненависть.

И грандиозный, весь в былом,
Как визионера дивинация,
Несется, грозный, напролом,
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки к тебе в окно
Он всею медью звонниц ломится.
Бойтся, видно, — год мелькнет, —
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать — не наигрались насыто.

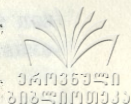
За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьметса сызнова воспитывать.

Но вот уже «Январь 1919 года» предвещал исцеленье от «болезни» (и обычной, и «высокой»), «изжитье последних язв» первым же намеком на их врачеванье:

Вот шепчет мне: «Забудь, встряхнись!»
И с солнцем в градуснике тянется
Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин
И падал в пузырек с цианистым.

Его зарей, его рукой,
Ленивым веяньем волос его
Почерпнут за окном покой
У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришел и лег лучом
С панелей, с снеговой повинности,
Он дерзок и разгорячен,
Он просит пить, шумит, не вынести.

Он вне себя. Он внес с собой
Дворовый шум и — делать нечего:
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

Нужно ли специально растолковывать, что с учетом «шифра» пастернаковской образности мотивы «ветра», «непогоды», «снега», «вьюги» и так далее составляли ряд внутренне родственный и аналогичный звеньям и «делам истории», к которым поэт был «допущен» в силу свойственного ему дара «пониманья». Недаром он и гораздо позже, во второй половине 50-х годов, в стихах о Блоке, исходя из Блока же, сроднил эти образы с ним, с его судьбой, с его стремленьем «слушать революцию»:

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он — дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде.

А пока «музыка революции» звучала лишь подспудно, из недр исторической почвы, до вулканического ее извержения и явления в мир, слух поэта был прикован к ней с неменьшей жаждой и ожиданьем:

Зловещ горизонт и внезапно,
И в кровоподтеках заря,
Как след незаживших царапин
И кровь на ногах косаря.

Нет счета небесным порезам,
Предвестникам бурь и невзгод,
И пахнет водой и железом,
И ржавчиной воздух болот.

В лесу, на дороге, в овраге,
В деревне или на селе
На тучах такие зигзаги
Сулят непогоду земле.

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнию и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

Такова «двойная перспектива», открывающаяся нам с высоты пастернаковских строф 1936 года, еще раз напомнивших нам, сколь органичен и закономерен был путь поэта к этим новым «формулам» и «широчайшим обобщеньям». Обобщенья эти объемлют и мысль о непрерывности исторического развития, о преемственности культуры и духовного созидания, труда и творчества:

Спасибо, спасибо
Трем тысячам лет,
В трудах без разгиба
Оставившим свет.

Формулы эти объективно освещают и те не списанные еще с исторического обихода ситуации, когда поэзия, искусство, культура, дух выступают благородным и спасительным противовесом лихолетью, и «вечно наш двойня гремит соловьем». Он — этот бессмертный и победоносный «соловей» — перевоплотился и ныне в новых поэтов нового века:

Глубокою ночью
Загаданный впрок,
Не он ли, пророча,
Нас с вами предрек?

Да, предрек, напорочил, поселил в будущем, и ныне поэзия, искусство — по примеру «в трудах без разгиба оставивших свет» — «отплачивают» им тем же:

**Спасибо предтечам,
Спасибо вождям,
Не тем же, так нечем
Отплачивать нам.**

**И мы по жилищам
Пройдем с фонарем
И тоже поищем,
И тоже умрем.**

И, наконец, обобщенья эти дают глубоко диалектическую формулу взаимосвязей поэзии и жизни, их взаимной устремленности, взаимной «диффузии», когда поэзия хоть малой каплей сливается с «новой былью», а она, в свою очередь, «обвалом врывается извне» в жизнь и стих поэта (вспомним и Маяковского: — «где каплей льешься с массами...»):

**Я понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.
И вечно, обвалом
Врываясь извне,
Великое в малом
Отдастся во мне.**

Мы приберегли к концу комментарий к первой — ключевой — строфе стихотворения, где его общему философско-этическому звучанию предпослан социальный зачин, в свете которого и следует воспринимать дальнейшее течение мысли и стиха:

**Я понял: все живо,
Векам не пропасть,
И жизнь без наживы
Завидная часть.**

«Жизнь без наживы» признана и объявлена здесь предпосылкой и основой самой жизни, всего живого в данную ис-

торическую эпоху, залогом сохранения «формы» существования и преемственности человеческого бытия, человеческой **работы**. Вместе с тем это — поэтический парафраз выступления Бориса Пастернака на писательском съезде, где развитие именно этой мысли зачинало и заключало его речь. Вот ее начало: «Двенадцать дней объединяло нас ошеломляющее счастье того факта, что этот высокий поэтический язык сам собою рождается в беседе с нашей современностью, современностью людей, сорвавшихся с якорей собственности и свободно реющих... в пространстве биографически мыслимого». И вот ее последний аккорд: «Есть нормы поведения, облегчающие художнику его труд. Нужно ими пользоваться. Вот одна из них: Если кому-нибудь из нас улыбнется счастье, будем зажиточными (но да минует нас опустошающее человека богатство). Не отрывайтесь от масс, — говорит в таких случаях партия. Я ничем не завоевал права пользоваться ее выражениями. Не жертвуйте лицом ради положения, — скажу я в совершенно в том же, как она, смысле. При огромном тепле, которым окружают нас народ и государство, слишком велика опасность стать литературным сановником. Подальше от этой ласки во имя ее прямых источников, во имя большой, и дельной, и плодотворной любви к родине...»

Как видим, Борис Пастернак, начав свою речь с констатации коренного социального-исторического факта, совершившегося в стране строящегося социализма («жизнь без наживы» — «современность людей, сорвавшихся с якорей собственности»), заканчивает ее предостережением от буржуазно-бюрократического нравственного перерождения хотя бы части современников, именуемых писателями. И одна прекрасная в своей значительности деталь: Паоло Яшвили, выступивший на съезде до Бориса Пастернака, буквально предвосхитил в своей речи заключительный призыв своего друга. Он сказал: «Мы все чувствуем огромное внимание, которое нам оказывает наша страна... Но не надо внимание к себе, любовь, которой так щедро одаряют нас народы наших республик, понимать как приобщение к буржуазным навыкам. Нет ничего хуже, чем писатель Советского Союза, увлеченный буржуазным бытом. Нам нужно столько, сколько необходимо для того, чтобы наше творческое волнение, рожденное в глубине нашего сознания, вовремя и без нужды довести до бумаги, до типографского станка. Великий автор Дон-Кихота писал за столом, за которым жена его гладила чужое белье, и руки его были обожжены утюгом. Быть может, стратегия и тактика октябрьских боев за-

родилась в гениальной голове Ленина в том стоге сена, в котором он скрывался от неудачных режиссеров Февральской революции. Но, как мы знаем, план этот был неплох — этот план привел нас к сегодняшнему дню».

И раз уж мы по данному поводу отметили синхронное совпадение мыслей Паоло Яшвили и Бориса Пастернака, вспомним еще один случай их единомыслия — в разных контекстах и в разных жанрах, но в одном ряду названные ими два великих имени. У Паоло Яшвили — в знакомых нам стихах 1924 года, переведенных Борисом Пастернаком и сопровождаемых им высочайшей оценкой: «Я ничего живее и крупнее на смерть Ленина не читал...» В стихах Паоло были и такие строки:

В любой борьбе был Либкнехт мой избранник,
Он был пироксилином начинен,
Когда один на целый легион
С Германией бросался в состязанье.
Но Либкнехта избранником был Ленин,
И он —
Избранник всех племен...

У Бориса Пастернака в рассказе того же 1924 года «Воздушные пути» мы читаем описание разрухи, разгрома и опустошения, вызванных гражданской войной, и рядом — встающего над этой картиной «нового неба», «в слове явленного» образа нового мира, о котором несколько позже в стихах «К октябрьской годовщине» ответом на вопрос — «какой еще заре зардеться при взгляде на такой разгром?» — прозвучит:

На самом деле ж это — небо
Намыкавшей властью зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.
На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вверенных в небывалый строй.

Вот по этому-то «новому небу» и пролегают в метафорическом изображении Бориса Пастернака «воздушные пути» идей, замыслов, духовных сигналов и исторических предначертаний революционной эпохи. И вот уже пастернаковская про-

за звучит ответом на тот же вопрос — «какой еще заре зардеться при взгляде на такой разгром»:

«Достаточно было отвести взгляд от этого закоулка и поднять глаза выше, чтобы поразиться тем, до чего это небо ново... Что же это было за небо? Оно и днем напоминало образ той ночи, которую мы видим в молодости и в походе. Оно и днем бросалось в глаза и, безмерно заметное, оно и днем насыщалось опустошенной землей, валило с ног сонливых и поднимало на ноги мечтателей. Это были воздушные пути, по которым, как поезда, ежедневно отходили прямолинейные мысли Ленина, Либкнехта и немногих умов их полета. Это были пути, установленные на уровне, достаточном для прохождения всяческих границ, как бы они ни назывались. Одна из линий, продолженная еще во время войны, сохраняла свою прежнюю стратегическую высоту, навязанную строителям природою фронтов, над которыми ее пролагали. Эта старая военная ветка, где-то в своем месте и в какие-то свои часы пересекавшая границу Польши и потом Германии, — тут, у своего начала, на глазах у всех выходила из границ разумения посредственности и ее терпения. Она проходила над двором, и он пугался далькости ее назначения и ее угнетающей громоздкости, как всегда пугается рельсового пути врассыпную от него бегущее предместье. Это было небо Третьего интернационала».

Это то самое небо, которое описано у Пастернака позднее и во вступлении к поэме «Девятьсот пятый год», и в восьмой главе «Спекторского», посвященной «Марусе тихих русских захолустий, за десять дней поколебавшей мир». Образ этого неба подсказал тогда поэту знаменитое самовнушение:

Поэзия, не поступайся ширью.

Храни живую точность: точность тайн.

Не занимайся точками в пункте

И зерен в мере хлеба не считай.

Недоумением меди орудийной

Стесни дыханье и спроси чтеца:

Неужто, жив в охвате той картины,

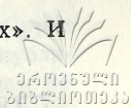
Он верит в быль отдельного лица?

Пройдет время, и эта «формула» будет повторена поэтом и в более широком обобщении 1936 года:

Страницы века громче

Отдельных правд и кривд.

И это тоже было напоминанием о «воздушных путях». И вот о них же ныне и эти строки:

**Я понял: все живо.
Векам не пропасть,
И жизнь без наживы
Завидная часть.
Спасибо, спасибо
Трем тысячам лет,
В трудах без разгиба
Оставившим свет.**

Могла ли эту стройную и завершенную концепцию философии истории и философии искусства нарушить чуждая ей бездуховная «притча», мнящая вывести «скрипичное каприччо» из «пепла рухнувших планет»? Разумеется, нет. Но «на горло собственной песне» поэзия не могла не наступить, не могла не умолкнуть, «потупя очи долу». Это случилось в случае с Пастернаком с 1937-го по 1940-й год. «Какой-то период и в общей литературной жизни, и лично у меня закончился. Он у меня кончился еще раньше: я не справлялся с прозой, душевно заболел, переводил. Знаю ли я, что надо дальше? Знаю. Только никому не скажу, может быть, лишь Вам, и то под страшной тайной», — писал Борис Пастернак Тициану Табидзе в последнем при его жизни письме. И добавил: «Буду работать так, скажем, с осени, если буду жив и здоров». Но это все еще 1936 год, и загаданная работа явно, хотя бы отчасти, — «Путевые записки», впервые опубликованные в октябрьской книжке «Нового мира». Последние при жизни Тициана и Паоло стихи о Грузии. Но конец тридцатых годов посвящен уже иному. Работе над прозой, работе над переводом шекспировского «Гамлета».

Окончание следует

Предлагаемое читателю письмо И. Богомолова и С. Серебрякова «О чем нельзя писать в год публицистики» — отклик на публикацию Ю. Бугельского в «Литературной газете» — редакция нашего журнала сочла нужным переслать главному редактору «ЛГ» А. Б. Чаковскому. Мы надеялись, что исходя из принципов демократизма и гласности «ЛГ» ознакомит своего многомиллионного читателя еще с одним мнением о нашем журнале. Однако «ЛГ» ограничилась письмом в наш адрес, подписанным заведующим отделом литератур народов СССР Л. Лавровой. В своем письме Л. Лаврова пишет, что уж кому-кому, а нам должно быть известно доброе отношение «Литературной газеты» к грузинской литературе, которое «прослеживается на протяжении многих лет». Что ж, богатая грузинская литература действительно пользуется авторитетом в широких читательских массах, и нам кажется, что в этом заслуга не столько Л. Лавровой или «ЛГ», сколько самой грузинской литературы, активно участвующей в общесоюзном литературном процессе. Это не значит, конечно, что произведения грузинских писателей стоят вне критики. Редакция журнала «Литературная Грузия» с удовольствием предоставит свои страницы любому критику, желающему высказаться по поводу наших публикаций, в том числе и Ю. Бугельскому, но с одним условием: критика должна быть дельной и квалифицированной, продиктованной интересами литературы, а не отдельных литераторов. Тов. Л. Лаврова советует авторам письма опровергнуть аргументы Ю. Бугельского, которых, как она считает, «предостаточно», путем анализа четырех романов с целью продемонстрировать их художественные достоинства.

И. Богомолов и С. Серебряков не ставили перед собой подобной задачи. Их письмо не о романах, а о полной несостоятельности позиции Ю. Бугельского в отношении журнала, о том, как нельзя писать обзорную критическую статью.

О чем нельзя писать в год публицистики

Принципиальная, профессиональная критика при условии, что она доброжелательна, конечно, приносит литературе боль-

щую пользу. К сожалению, статью Юрия Бугельского «Спроси предложение (романы в «Литературной Грузии»», опубликованную в «Литературной газете» (9 сентября 1987 года), не назовешь принципиальной, профессиональной и доброжелательной...

Принципиальность. В своей статье, рассуждая о романах четырех грузинских писателей, Ю. Бугельский, в частности, критикует крупного советского писателя Григола Абашидзе, стыдливо умалчивая при этом, кто является его переводчиком. Подчеркивая низкое качество перевода — «...таким переводческим перлом отмечена их первая встреча...» или «уж не подстрочник ли по ошибке опубликовал журнал?» — Ю. Бугельский, как это ни странно, не называет переводчика — Владимира Солоухина. Как видно, Ю. Бугельского интересует не сама литература, а личности в литературе (по его произвольному выбору), или, может быть, он читал роман на грузинском языке? В дальнейшем мы убедимся, что ни один роман он не читал, и не только по-грузински, но даже и в русском переводе! Но об этом ниже.

Профессиональность. Удивляет некомпетентность автора статьи в области археологии. Литературный критик, взявшийся писать статью о грузинских романах, должен иметь элементарное представление о грузинской культуре, ну хотя бы о древней культуре вообще. Разбор романа Г. Абашидзе критик начинает следующими словами: «И едва ли не с первых страниц читателю задается немало загадок. Что за раскопки могильников «эллинистической эпохи» ведет молодой талантливый археолог Гурам Вашадзе? «Я сделал план храма, послал его в Тбилиси. Храм поставили на учет как исторический и художественный памятник архитектуры»...

Что удивило автора статьи, какие «загадки» задаются читателю? Любой образованный советский человек, нам кажется, знает, что в Грузии давно ведутся археологические раскопки древних могильников. А может быть, его удивило выражение «эллинистическая эпоха»? То ли он считает, что в Грузии не могут существовать такие древние археологические памятники, то ли ему кажется, что «эллинистическая эпоха» — сугубо греческое явление. Неужели он никогда не слышал о том, что в Грузии находятся памятники культуры, относящиеся к третьему тысячелетию до нашей эры, что периодизация — архаический период, античный период, эллинистический период

и т. д. обычна и для грузинской археологии? Может быть, Ю. Бугельского смущает то, что Вашадзе сделал план храма по его обнаружению, т. е. спустя более двух тысяч лет после постройки? Возможно, критик думает, что планы делаются только до строительства, и утверждаются в Госстрое и иных инстанциях. Одним словом, своим замечанием Ю. Бугельский сам задал уйму загадок. Мы в недоумении, чего он не знает — археологии, Грузии, природы художественного вымысла или ни того, ни другого, ни третьего?

Нам трудно поверить такому критику и в других вопросах, но кто-то все же поверил ему — статью-то ведь напечатали!

Доброжелательность. Вот этим Ю. Бугельский по отношению к грузинской литературе, пожалуй, не страдает. Правда, он прекрасно понимает, что некоторое внешнее приличие следует соблюдать: «Высок авторитет грузинской прозы. И у «Литературной Грузии» действительно серьезный, заинтересованный, доброжелательный читатель — искренне радуется успехам издания, переживает неудачи». И на том спасибо! Но весь пафос статьи направлен против заинтересованного, серьезного, доброжелательного читателя журнала, против авторитета грузинской прозы. Статья построена так, чтобы у читателя, который хочет искренне радоваться «успехам издания», создалось впечатление, что он глубоко заблуждается — никаких успехов нет!

Но главное, в чем проявляется недоброжелательность Ю. Бугельского, заключается в следующем. «Литературная газета», оказывается, получила письмо некоего москвича П. Плиева. Приводится выдержка из этого письма: «...И в этом деле спрос у нас намного превышает предложение! Почему, скажите на милость, тираж «Литературной Грузии» — всего пять тысяч экземпляров? Кто решил, что этого достаточно для многочисленных поклонников современной грузинской прозы и поэзии, для тех, кто хочет следить за новинками? непонятно также, как распространяется журнал: мне, во всяком случае, приходится прилагать немало усилий, чтобы достать очередной номер...».

Вся статья Ю. Бугельского построена так, чтобы убедить «москвича П. Плиева» в том, что «Литературную Грузию» читать не стоит и что придет время, когда аналогичные письма вообще не будут поступать в редакцию. Ощущается и некоторое сходство стилей П. Плиева и Ю. Бугельского. Уж не вы-

мысленный ли персонаж П. Плиев? Во всяком случае, литературный прием, к которому прибегает автор статьи (вопрос — ответ), явно был рассчитан на то, чтобы до окончания подписки на периодические издания постараться по возможности уменьшить число почитателей журнала. О том же недвусмысленно говорит и дата опубликования статьи — 9 сентября.

Мы, конечно, не считаем, что все произведения, опубликованные в «Литературной Грузии», в том числе и указанные Ю. Бугельским романы, безупречны... О их достоинствах и недостатках, как и любого произведения, опубликованного в любом журнале, можно спорить, но надо вести профессиональный, деловой разговор. Этого Ю. Бугельский не хочет или не может. Поэтому с ним трудно спорить. Мы и не собираемся переубеждать его, защищать раскритикованные им романы, говорить об их достоинствах. Но о профессиональной несостоятельности, о манипуляциях фактами, о — прямо скажем — введении читателя в заблуждение приходится говорить. Ведь Ю. Бугельский в своей небольшой статье умудрился наломать немало дров.

В подзаголовки своей статьи Ю. Бугельский выносит фразы из наших публикаций.

Последуем его примеру и озаглавим свои замечания словами из его статьи.

«В год публицистики!»

Ю. Бугельский пересказывает содержание романа Наны Канделаки. Из этого пересказа никак нельзя понять, почему же так плох роман? Вот примерно его пересказ: вопрос о женитьбе юноши и девушки, кажется, решен. Но у них разные интересы в жизни. В конце концов «героиня предпочитает женственному музыканту... мужественного... шофера такси. Хэппи-энд». Вы поняли, читатель, какой это роман? Хороший? Плохой? Может быть, что-нибудь поймете из резюме критика? Не надейтесь! Вот, что он пишет: «Нет, все, возможно, очень мило и трогательно, и герои вызывают даже некоторую симпатию, но я не совсем уверен, что это именно то, чего сегодня — в год публицистики! — ждет читатель от своего журнала. Слишком уж сиропно-приторно, абсолютно бесппроблемно. Да и есть ли нынче время для чтения подобных историй?».

Что это за «год публицистики», в который запрещено читать романы о любви? С каких пор человеческие взаимоотношения перестали быть проблемой? Другой вопрос, как реша-

ется эта проблема в романе. А если все очень мило и трогательно, и герои вызывают симпатию, то что же мешает нам читать такие романы в «год публицистики»?

«Требуется ли резюме?»

Как уже отмечалось, касаясь романа Григола Абашидзе, критик в самом начале проявил полную несостоятельность в вопросах то ли археологии, то ли понимания художественного смысла. Дальше — хуже. Критик недоумевает: «В ту же местность, в Нижнюю Картли, зачем-то переселяют из Имеретии целую деревню — некое «правительственное мероприятие». Ничего удивительного здесь нет, заселение необжитых районов за счет перенаселенных пунктов — обычное дело для любого государства, и Грузия в этом отношении не исключение.

Дальше идет краткий пересказ содержания романа (единственной «аргументацией» критика, как мы убедились, является чисто школьный пересказ содержания), приводится несколько цитат из произведения, по поводу которых мимоходом делаются замечания таинственному переводчику, ставятся в скобках вопросительные знаки (мысли героев критик принимает за авторские) и под конец делается удивительное заключение: «Требуется ли резюме?».

Ей-богу, нельзя так относиться не только к писателю, которого не любишь, но и к читателю. Однако, поставив этот вопрос, Ю. Бугельский, как бы делая одолжение, все же выносит свой приговор (т. е. резюме) роману: «Убедительного художественного решения... читатель, к сожалению, на сей раз так и не дождался от опытного романиста». Тот факт, что такое заключение нуждается в доказательстве, Ю. Бугельского, увы, вовсе не волнует.

«Говорить о сильном романном организме...».

Эти слова сказаны в адрес произведения Рамаза Кобидзе «Листья папоротника», разумеется, в отрицательном плане: «На основании журнальной публикации говорить о сильном романном организме, увы, не приходится». Действительно, на основании журнальной публикации, если автор к тому же с этой публикацией не знаком вообще, нельзя говорить о романе. Ю. Бугельский пишет: «В 6, 7, 8-м номерах «Литературной Грузии» печатаются главы из второй книги романа Рамаза Кобидзе «Листья папоротника». Это сказано в статье, напечатанной 9 сентября. Сейчас мы откроем один секрет: Ю. Бугельский читал только то, что напечатано в 6-м номере. Если бы он прочел еще и 7-й номер, то знал бы, что публикация за-

канчивается не в 8-м, а в 9-м номере, ибо в 7-м номере он должен был увидеть приписку: «Продолжение (а не окончание!) следует». Но об этом он понятия не имел. О 9-м номере и говорить не приходится, ибо сентябрьский номер никак не мог выйти в свет до 9 сентября.

Что же касается 8-го номера, то к моменту работы над статьей Ю. Бугельский никак не мог иметь его под рукой. Номер подписан к печати только 19 августа. А журнал, естественно, поступил к читателю лишь в первых числах сентября. Следовательно, Ю. Бугельский и тут вводит читателя в заблуждение. Право, нехорошо!

Словом, прочитав один номер журнала из четырех, в которых напечатаны главы из 2-ой книги романа, критик берется судить о произведении в целом.

Роман Р. Кобидзе отражает жизнь шахтеров, которая редко освещается в крупных художественных произведениях. Мы обещали читателям, что не будем говорить о достоинствах романов. Но не можем не коснуться одного критического замечания автора статьи Ю. Бугельский ставит вопрос. «Имеются ли у героев произведения какие-либо иные жизненные интересы, кроме работы, кроме интересов дела?». И тут же находит «ответ» в тексте романа: «И в ту же минуту включили конвейер. Наверху вновь заработала врубовая машина, вгрызаясь стальными зубами в угольный пласт, забой наполнился пылью, грохотом, гулом, скрипом металла».

Интересный прием полемики! Мы не были знакомы с ним ранее. Поэтому, используя его, ответим на поставленный критиком вопрос другой цитатой из того же романа: «Молчание длилось долго. Но вот Гогола взглянула на дверь, перевела взгляд на Теймураза. «Закреть?» — Теймураз встал. Гогола отвела взгляд, опустила голову. Когда она подняла голову, то в ее взгляде уже не было спокойствия, в ее огромных голубых глазах пылал огонь. Теймураз вскочил, запер дверь и погасил свет... Едва рассвело, Гогола стала собираться. Она одевалась с привычным спокойствием... «Ты пока не вставай». У Теймураза опять на кончике языка вертелся вопрос, где же ее муж, и как она собирается с ним встретиться. Гогола наклонилась, поцеловала его и встала. «Не ищи со мной встречи. Я сама приду к тебе». Она вышла и бесшумно прикрыла за собой дверь».

Мы специально привели столь длинную цитату, чтобы по-

нять, где слышит здесь Ю. Бугельский грохот, гул, скрип металла?

«По не зависящим от редакции обстоятельствам»

Ю. Бугельский пишет: «Что и говорить, многие издания (и отнюдь не только центральные), словно соревнуясь друг с другом, сегодня предлагают своим читателям то, что некогда по тем или иным причинам было положено под сукно. Кое-кто склонен видеть в этом поветрие, дань моде. Наверное, не без того...». В этом контексте он рассматривает роман Тины Донжашвили «Гонджаура». Даже этот роман, значение которого не отрицает Ю. Бугельский, оказывается, дань моде «соревновательного периода» в жизни наших редакций. Этим критик, конечно, хочет умалить роль журнала, тем более, что формулировка редакции «по не зависящим от редакции обстоятельствам» им иронически обыгрывается, когда он говорит о второй книге романа Р. Кобидзе: «Первая книга романа Р. Кобидзе печаталась в «Литературной Грузии» десять лет назад, и, сомневаюсь, что публикация эта была прервана «по не зависящим от редакции обстоятельствам» — второй тогда скорее просто не существовало». Если это даже и так, что в этом странного? Разве Ю. Бугельский не знает других примеров в истории литературы, когда авторы с большими интервалами печатали части своих произведений? С другой стороны, откуда такая осведомленность у критика о творческой лаборатории писателя? Кто его информировал об этом? Вряд ли сам Р. Кобидзе, ибо писатель мог сказать ему, что вторая книга романа вышла в свет на грузинском языке в 1978 году. Но вернемся к «ипподрому», где, по мнению Ю. Бугельского, журналы соревнуются. Не знаем, кто кого хочет опередить, но о «Литературной Грузии» не скажешь, что она, следуя поветрию, моде, принимает участие в этих бегах. Со всей ответственностью можем заявить (хотя бы на примере «Гонджауры»), что в смысле гласности журнал ушел далеко вперед. Роман Т. Донжашвили редакция начала печатать в 1971 году. Ей запретили дальнейшую публикацию, и только спустя 16 лет роман был «допечатан» (статьи, в оригинале, на грузинском языке он еще не вышел). Это ли не пример того, что журнал следует не моде, а идет по собственному пути, устланному в недавнем прошлом, отнюдь не розами. О гражданской смелости журнала свидетельствуют хотя бы следующие факты, 1966 год — публикации двух материалов о Б. Пастернаке, 1967 год — публикации Ахматовой, Зощенко, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака,

Светлова, 1971 год — М. Цветаева о М. Кузьмине, Е. Евтушенко о Н. Глазкове; 1972 год — Пастернак, Волошин; 1975 год — Булгаков — «Необыкновенные приключения доктора»; 1977 год — Цветаева; 1979 год — Ахматова; 1980 год — Пастернак; 1983 год — Битов и о Битове... Стоит ли продолжать? Какие это были годы, какие авторы! Немногие центральные издания печатали их в те времена! Или «Гонджаура» Т. Донжашвили—в 1971 году, или чуть ранее роман О. Чхеидзе «Вверх, вниз», в котором с большой художественной силой бичевались негативные явления нашей жизни. За такие «вольности» редакция неоднократно получала сокрушительные удары из различных инстанций, так что пожалуй, не следовало бы Ю. Бугельскому иронизировать по поводу «не зависящих от редакции обстоятельств».

Вызывает лишь улыбку один из подзаголовков статьи Ю. Бугельского, где обыгрывается название романа Г. Абашидзе «Соболезнование»: «Соболезнование по поводу «Соболезнования». Возможно, все в этом подзаголовке «очень мило и трогательно» и его автор «вызывает и некоторую симпатию», но коли критик завел речь о сочувствии, мы готовы, имея в виду его мертворожденную статью, принести искренние соболезнования по случаю столь неуместного его «Соболезнования по поводу «Соболезнования».

**Игорь БОГОМОЛОВ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ**

Истина—прежде всего

Историческая наука достигла в нашей стране значительных успехов. Окруженная особой заботой и вниманием со стороны советского государства и общества, вооруженная марксистско-ленинской методологией, советская историческая наука стала в авангарде мировой исторической науки, обогащая своими достижениями наши знания о прошлом. Советская историческая наука призвана давать нашему обществу истинно научные сведения о значительных явлениях исторического прошлого народов Советского Союза. Опираясь на подлинные конкретные исторические факты, советские историки создают труды, рассчитанные на широкий круг читателей, в которых дается объективная, справедливая оценка этих фактов. Создание такого рода трудов — **потребность нашего времени**. И тем более обидно и прискорбно, когда появляется, с позволения сказать, научный труд, искажающий и фальсифицирующий историческую истину. Именно на такие мысли наводит вышедшее недавно в свет историко-этнографическое исследование Г. А. Гейбуллаева «Топонимия Азербайджана». Как отмечает сам автор, «в работе на основе древних этнонимов и топонимов исследуется ранне-средневековая этническая история населения на территории Советского Азербайджана. Рассматривается этническая принадлежность племен Албании—Арана и в связи с этим определены тюркские племена, принимавшие участие в формировании азербайджанского народа» (с. 2).

Как видим, цель и задача автора весьма актуальны и почетны. Но, к сожалению, в книге Г. Гейбуллаева этническая история народов Кавказа, в том числе грузинского народа, не нашла долж-

Г. А. Гейбуллаев — «Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Академия наук Азербайджанской ССР, сектор археологии и этнографии, редакторы: Ю. Б. Юсифов и В. Л. Гукасян, Баку-Элм — 1986 г.

ного и достойного отражения. Порочная методология автора, тенденциозность, беспорядочный, неряшливый стиль повествования, ничего общего не имеющие с серьезным научным исследованием, — вот что поражает в этой книге, которая вышла под эгидой довольно высокого научного учреждения. Неправильный, порочный метод привел к тому, что Г. Гейбуллаев в своем труде, освещая вопросы истории Грузии раннего средневековья, допустил непростительные, грубые ошибки принципиального характера. Дело не в неправильной интерпретации и анализе какого-либо конкретного исторического факта, не в тенденциозности, характерной для некоторых исследователей, а в сознательном искажении, фальсификации исторической истины.

Проследим за ходом «рассуждений» Г. Гейбуллаева.

Основная направленность труда — попытка представить древнюю грузинскую историческую провинцию Эрети с ее населением, языком и культурой чуждым Грузии инородным миром. По мнению Г. Гейбуллаева, на протяжении всего раннего средневековья Эрети являлась страной, относящейся к албанской государственности. Эрети — неотъемлемая часть грузинского культурно-национального коллектива, в течение веков жившая одной жизнью со всей остальной Грузией, — объявлена в книге Г. Гейбуллаева как чуждый, отделенный от Грузии элемент, не имеющий к ней никакого отношения (с. 82, 91—94). На чем основано столь ответственное заявление автора? Только лишь на предположениях, на пустых, бессмысленных домыслах, антинаучных, созданных фантазией автора положениях, не подтвержденных ни одним фактом! Но отсутствие фактов не смущает Г. Гейбуллаева. Он обладает превосходной способностью подменять их «универсальными» формулами типа «на наш взгляд», «видимо», «по-видимому», «следует предполагать», «можно предполагать» и др. (подобными высказываниями пестрит весь его научный труд!).

А таким путем, как известно, можно «доказать» все, что угодно.

Г. Гейбуллаев разработал еще один, весьма оригинальный метод, позволяющий ему обойти стороной нежелательный для него подлинный исторический факт. Это — использование материала, собранного во время полевых работ. В его книге не раз встретишь высказывания: «по полевым данным», «как мы выявили полевым материалом»... Именно этим методом автор пытается изучить историю Эрети и выяснить сложные вопросы этногенезиса эров. Но тут удивление читателя вызывает одно, весьма странное обстоятельство. На полевые работы он отправляется не туда, где географически находится Эрети и где сегодня живут эры и

их потомки (т. е. в Грузию), его маршрут уводит нас в ином направлении: в северо-восточные районы современного советского Азербайджана, где расселены так называемые «шахдагские этнические группы» — хиналугцы, крызы, будугцы, которые, как отмечает автор, говорят на языке лезгинских групп, входящих в семью дагестанских языков. Из вышеназванных этнических групп особое внимание Гейбуллаева привлекают крызы, поскольку, оказывается, выявление их этнического происхождения дает очень интересный и важный материал для изучения истории Эрети раннего средневековья. Чтобы иметь более ясное представление о взглядах Гейбуллаева на историческое развитие Эрети и происходившие там этнические процессы, приведем пространную цитату из его книги:

«Крызы» делятся на группы: хапутлинцы, крызы, ергуджы, эликцы и джекцы — соответственно по названию селений Хапут, Крыз, Ергудж, Элик и Джек.

Ключом к разгадке происхождения крызов является то, что хапутлинцы, т. е. жители с. Хапут, имеют самоназвание **һер** (в единственном числе). Под этим же наименованием с незначительными фонетическими вариациями они известны и среди жителей селений Элик и Джек, говорящих на диалектах крызского языка. Эликцы их называют **һоруд**, а джекцы — **һеруд**. В обоих случаях выделяются варианты самоназвания хапутлинцев — **һор** и **һер**, ибо частица «уд» в крызском языке является суффиксом.

Как отмечено, хапутлинцы и крызы (т. е. жители с. Крыз) в языковом отношении близки и образуют генетическое единство. Поэтому логично предполагать, что этноним **һер** должен быть и самоназванием крызов. Действительно, топоним **крыз** является искажением от местного **Герез** — так называют крызы свое село. Эта мысль подтверждается еще тем, что соседняя кавказоязычная этническая группа — будуги называют крызов **геред**, а хапутлинцы — **һеред**. Как видно, в обоих случаях выделяются компоненты **һер** и **гер** с суффиксом **ез** (в ойкониме **герез**) в крызском, **ед** (в наименовании **геред**) — в будугском языках. В конечном счете оба названия — **Герез** и **Геред** означают «место **һеров**». Другим селением, в котором проживает одна из групп крызов, является **Ергудж**, в наименовании которого, по нашему мнению, также отражен этноним **һер** в фонетической форме **ер** — с выпадением придыхательного «һ».

Таким образом, в этнопонимах **крыз** (от **Герез**) и **Ергудж** отражены этнонимы **гер** и **һер**, которые можно считать вариантом **һер** и, следовательно, самоназванием этнической группы крызов в целом.

В связи с этнонимами **her, гер** и **ер** привлекает внимание этноним **her** в древнегрузинском и **heran** (вероятно, от этнонима **her** и суффикса **an**) в древнеармянских источниках. Как известно, этноним **her** (древнегруз. **her**, мн. число **herni**) в древнегрузинских источниках обозначает определенную этническую группу или племя северо-западной части Кавказской Албании.

Как видно, есть основания считать **эр-ов** предками современных крызов, самоназваниями которых, как отмечено, являются **her, ггер, ер**. Поэтому факт проживания предков крызов в этой зоне в раннем средневековье очевиден. Вероятно, часть **her-ов** в связи с каким-то неизвестным нам событием покинула свое исконное местожительство и, перейдя горный перевал, поселилось на нынешнем месте — в северо-восточном Азербайджане. Среди хапутлинцев сохранилось предание о том, что их предки пришли на нынешнее место из города Херна (**herna**) из северо-западного Азербайджана во время нашествия арабов... Из сказанного становится очевидным, что эры — предки современных крызов — являлись одним из крупных албанских племен.

Третьей этнической группой «шахдагской группы» являются будуги. Сохранилось предание, что они также пришли на это место со стороны современной Шеки-Закатальской зоны (т. е. с территории Эрети — Т. П.). В связи с этим можно лишь предполагать, что они также являются выходцами из той зоны, как хиналугцы и крызы.

Таким образом, современные хиналугцы, крызы и хапутлинцы являются остатками древнеалбанских племен, эров, упоминаемых в древнеармянских и древнегрузинских источниках» (с. 91—94).

Мы намеренно привели тут столь пространную цитату из книги Г. Гейбуллаева, чтобы читатель получил представление о том, какого рода материал о Эрети и эрах обнаружил автор во время полевых работ. Если внимательно разобраться в этом материале, а также в выводах, к которым на его основании приходит автор об истории Эрети и этногенезе эров, то нетрудно убедиться, что они, увы, не представляют никакой научной ценности. Однако это только одна сторона вопроса. Другая же — и это особенно важно — заключается в том, что уважаемый Гейбуллаев не понимает, что сделанное им заведомо ошибочное заключение является, мягко выражаясь, вредным потому, что свидетельствует о сознательной попытке грубого искажения фактов истории раннего средневековья Грузии. В выводах Гейбуллаева явно сквозит желание оторвать Эрети от единого организма Грузинского государства и искусственно связать ее историческое развитие с так называемыми «шахдагскими этническими группами», расселенными на территории сов-

ременного северо-восточного Азербайджана: кризами, хиналугами, будугами и другими. При этом автор не приводит ни единого подлинного, бесспорного факта или же реальных научных обоснований в пользу своего тезиса. При желании же и наличии пусть даже малой объективности для Гейбуллаева не составило бы никакого труда разобраться в вопросах истории Эрети, ее территориальной принадлежности, а также в вопросах происхождения эров. Ведь опираясь на данные, содержащиеся в исключительно авторитетных и первостепенных источниках (античных, древнегрузинских, древнеармянских, византийских, арабских и др.), очень легко восстановить истинную историю Эрети.

Согласно сведениям, имеющимся в перечисленных выше исторических источниках Эрети, уже в I—II веках нашей эры (а может, и раньше) входила в состав государства Картли (Иберия). И в последующих III—IV веках Эрети и эры принимали активное участие в политической жизни Картлийского (Иберийского) царства. Особенно большое значение имело распространение в краю христианства в первой половине IV века — в эпоху царствования Мириана. Из исторических источников известно, что среди основных объектов миссионерской деятельности святой Нины страна Эрети занимала не последнее место. Факт распространения христианства на территории Эрети был, в свою очередь, тесно связан с вопросом консолидации грузинского народа. В средние века религиозная принадлежность, т. е. подчинение той или иной церковной организации, была одним из решающих моментов, определяющих принадлежность индивида или коллектива к соответствующему этническому единству. Изучение вопроса принятия христианства эрами дает нам возможность судить не только об их культурно-политической ориентации, но и об их этническом самосознании, т. е. о том, к какому этническому кругу они сами себя относили. А главным распространителем, ближайшим центром христианства для Эрети была Картли. Оттуда шли миссионеры, оттуда осуществлялась христианская пропаганда и соответствующие государственные мероприятия. Участие в христианизации Эрети в тот период (первая половина IV века) какого-либо другого христианского центра, помимо Картли, совершенно исключается.

В V веке, в эпоху Вахтанга Горгасала, Эрети была одним из «саэриставо» (княжеств) государства Картли. С именем Вахтанга Горгасала связано создание в Эрети городов, храмов, епископских кафедр (Бодбе, Хорнабуджи и др.), проведение множества крупных административно-политических и культурных мероприятий. В эпоху Вахтанга Горгасала Эрети в результате проведенных там го-

1
005040
010033

сударственных реформ является (включая и Нухский округ) непосредственной и органической частью государства Картли: эретские епископства подчиняются юрисдикции католикоса Картли, подставляющий тут язык — грузинский, культура грузинская, да и политически Эрети — часть Картли.

Еще более знаменательны сведения о деятельности в Эрети грузинского царя Арчила (VIII век). Он возводит там города-крепости (в их числе Нухи), укрепляет страну административно. Арчилу же источники приписывают и крещение населения Нухи.

Когда позже в Грузии образовались феодальные царства — княжества (VIII—IX вв.) и между ними разгорелась борьба за гегемонию, Эрети была одной из тех политических единиц Грузии, которые органично участвовали в этом процессе. В этот период Эрети является грузинской по своему национальному составу, по своим политическим устремлениям и патриотическому кредо.

В 20-х годах XI века, во время правления кахетинского царя Квирике III Великого (1009—1037) завершился процесс политического единения Кахети и Эрети. В первой же четверти XII века, в эпоху Давида IV Строителя (1089—1125) Эрети окончательно оказалась в пределах политических границ объединенной феодальной Грузии. Она становится органической и неотъемлемой частью единой Грузии, активно участвует в ее социально-экономической, политической и культурной жизни. Таким образом Эрети (включая и нынешнюю территорию Саингило) являлась исконной частью феодальной Грузии в той же мере, что и Картли, Кахети, Самегрело, Месхети и др. Это подтверждается всеми грузинскими и негрузинскими письменными источниками, в том числе и относящимися к эпохе феодализма местными, ширванскими (Ширван—государство, находившееся на территории Азербайджанской ССР). Помимо данных, имеющих в письменных источниках, живыми и бесспорными свидетельствами всего этого являются сохранившиеся по сей день на исторической территории Эрети замечательные памятники типично грузинской архитектуры, грузинская топонимика и блестящие образцы грузинской эпиграфики.

Что же касается толкования Гейбуллаевым этнонима *her—er¹*, то оно в корне ошибочно. Совершенно недопустимо объяснение значения этого этнонима по языковым данным дагестанских племен, входящих в состав так наз. «шахдагских этнических групп». Ключ к толкованию этнонима *her—er* следует в первую очередь искать в грузиноязычном мире. Согласно грузинской историогра-

¹ Мы приводим латинское написание этнонима.

фии, в основе этнонимии **нег** и **ег** лежит древнейший грузинский социальный термин «эри».

I параграф II главы работы Г. Гейбуллаева полностью посвящен вопросу истории Саингило и коренного населения этого края (стр. 80—82). Тут также дает о себе знать порочная методология автора. Без преувеличения можно сказать, что путаница и противоречия в этой части работы достигают своего апогея. Но дадим автору слово, чтобы стало ясно, какое «научное» знание об ингилоцах преподносит Гейбуллаев широкому кругу читателей:

«Ингило (от азерб. «йенгелой» — в связи с отсутствием фонемы «й» в грузинском языке) — название этнической группы, проживающей компактно и смешанно с азербайджанцами, аварцами и цахурами в Закатальском, Кахском, Белоканском районах Азербайджана. Представители этой группы (в основном мусульмане, незначительная часть — христиане) говорят на одном из восточных диалектов грузинского языка.

С XIX в. существует мнение, что ингилоцы по этнической принадлежности являются грузинами, принявшими в начале XVIII в. исламскую религию, в связи с чем возник этноним **ингило**, якобы от азерб. **йенги**—«новый» и **йол**—«путь» — т. е. «новообращенный».

Однако происхождение этнонима ингило от предполагаемого «йенги йол» (букв. «новый путь»), на наш взгляд, ничем не аргументировано, ибо ни грузинский «ингило», ни азербайджанский «йенгелой» для этой этнической группы не является самонаименованием. По полевым данным, азербайджанцы ингилоцев называют гелои. Есть основания считать, что этноним **йенгелой** образовался от азербайджанского **йени** — «новые» и наименование **гелой** у азербайджанцев (село Илису Кахского р-на), **гелю** — у аварцев, **гелаву** — уцахур для обозначения ингилоцев. Следовательно, инонаименования гелой, гелю, гелаву, видимо, восходят к забытому самоназванию самих ингилоцев.

Таким образом, компонент **йени** (а не «йенги», как считали до сих пор), т. е. «новые», добавлен азербайджанцами к этнониму **гелой** после принятия его носителями, христианами, новой религии — ислама в начале XVII в., в результате чего и возник этноним **йенгелой** (вернее, **йени+гелои**) — «новые гело-й».

Компонент **гелои** можно было бы связать с древним этнонимом **гел**, носители которого, по сообщению Страбона (I в.), жили «между амазонками и албанцами»...

Считают, что «гелы жили в горах Кавказа» или «на Северном Кавказе». По-видимому, прав К. Алиев, утверждая, что гелы жили в южном Дагестане...

Однако этническая и языковая принадлежность гелов Албании (предков современных ингилойцев) до сих пор окончательно не выяснена.

В. Дондуа считает, что «кахи (или часть кахов) и эры являлись позднейшими ингилойцами», а по В. Л. Гукасяну «по всей вероятности, на основе удинского диалекта этой зоны в средних веках образовался ингилойский диалект грузинского языка». Однако с их мнениями трудно согласиться, поскольку ингилойцы имеют свое самостоятельное название, тогда как **уд** (и) и **her** (эр) — это самоназвания современных удин и крызов — хапутлинцев.

Как известно, носители этнонима **гел**, к которому восходит современный Гилан в Северном Иране, античными авторами отмечаются также у юго-западного побережья Каспия.. К. В. Тревер и З. И. Ямпольский считают указанных гелов идентичными, с чем следует согласиться. Следует предполагать, что гелы в северо-западной Албании родственны по этнической и языковой принадлежности с гелами юго-западного Каспия и первоначально были ираноязычными..

В свете сказанного можно допустить, что гелы — предки ингилойцев — были ираноязычным племенем в Албании..

Надо отметить, что названия, объясняющиеся в связи с грузинским языком, отсутствуют в местах расселения ингилойцев. Они живут в селах Енгиан, Тасмали, Зегам, Караган, Алибеглу, Котуклу, Мешебаш, Ках-ингилой. Названия этих селений — азербайджанские. Но есть древние топонимы, в которых отражен, по-видимому, именно этноним гел. К ним относятся Гелда и Гелаву» (с. 80—82).

Рассуждения и положения Г. Гейбуллаева в корне неверны, бесосновательны и тенденциозны. История эров и ингилойцев для него — это история двух различных народов, в то время как Саингило являлась составной частью Эрети.

Ингилойцы, по Гейбуллаеву, — проживающая в северо-западной части Азербайджанской ССР «этническая группа», говорящая «на одном из восточных диалектов грузинского языка». Уже в этой формулировке сквозит сомнение автора в принадлежности ингилойцев к грузинам. Это равносильно тому, как если в грузинской историографии было высказано «соображение», будто часть населения Марнеульского района, которое, согласно грузинским историческим источникам, зовется «татарами», представляет собой «этническую группу», говорящую на одном из диалектов азербайджанского языка, и таким образом выражено сомнение в их принадлежности к азербайджанцам! Г. Гейбуллаев относит ингилойцев к племени живших на территории нынешнего

Дагестана гелов, о которых упоминается в иностранных источниках более чем двухтысячелетней давности, и которое, по мнению автора, было ираноязычным. Подобная лингвистическая аргументация не выдерживает никакой критики. Но даже если это было бы так, т. е. если бы ингилойцы и впрямь были потомками ираноязычного племени, жившего более чем две тысячи лет назад, разве не надо выяснить, почему сегодня они говорят по-грузински?! Подобная лингвистическая метаморфоза абсолютно невозможна вне теснейшего, веками длящегося культурно-политического контакта! Но автор даже не задается этим вопросом, не спрашивает он и ингилойцев — кем они считают себя: иранцами или грузинами. Он не в состоянии привести ни одного убедительного документа или исторического факта в пользу своих тезисов, в результате чего они остаются голыми, декларативными заявлениями. Дело не спасает и материал, добытый на «полевых работах.» Цель Гейбуллаева не оставляет никаких сомнений: выдать ингилойцев, которые по своему этническому происхождению являются истинными, чистокровными грузинами, за потомков гелов — ираноязычного племени, живущего в дагестанских горах, и генетически связать их с северным Ираном (Гилан) и племенами, живущими на юго-западном побережье Каспия: амардами, кадусиями и анариакками! (81 стр.). Думаем, читатель легко догадается, зачем понадобился Г. Гейбуллаеву этот нескончаемый пустой разговор относительно территориальной и этнической принадлежности Саингило. Здесь мы имеем дело с беспрецедентным в советской высокопринципиальной исторической науке случаем искажения истины — попыткой отнять у ингило-грузин родину, язык, культуру и объявить их членами совсем иного национально-культурного коллектива.

Прежде чем рассмотреть выводы Гейбуллаева, считаю необходимым сделать небольшой экскурс в историю происхождения и образования Саингило. Саингило — это область Грузии феодальной эпохи, северо-восточная часть исторической Кахети, ныне входящая в пределы Азербайджанской ССР и включающая территорию районов Белаканы, Закатала и Кахи. Термин «Саингило» утвердился в XVIII — начале XIX века для обозначения края, населенного ингилойцами. Саингило состояло из двух политических единиц: Чар-Белакского (Каки-Энисели) и Элисуйского (Кахи) султанатов. Его территория в ранних веках была составной частью древней грузинской провинции Эрети. В начале XI века она становится административной частью саэриставо (княжества) Мачи. Политические перемены в Кахетинском царстве XVI—XVII веков, постоянная агрессия турок и персов и нашествия дагестанских

феодалов вызвали экономическое и политическое падение этого края. Коренное грузинское население уничтожилось, на его месте селились цахурские и аварские лезгины. Одновременно происходило порабощение и обращение в магометанство коренного грузинского населения. Со временем этот уголок (Саингило) вообще оторвался от Кахетинского царства. В первой четверти XVIII в. здесь окончательно сформировались т. н. «вольные общины» аварских (чарская, белаканская, катехинская, талская, мухахская, джинихская) и цахурских (цахурская, элисуйская, сувагильская и карадулакская) выходцев, которые с турецко-иранской помощью захватили древние северо-восточные земли кахетинского царства, поработив и подчинив себе местное коренное грузинское население (впоследствии ингилойцев). Каждая из этих общин, в свою очередь, делилась на свободные лезгинские деревни и порабощенные села ингилойцев и мугалов, которые платили налог в пользу т. н. «владельческих общин». Эти села в источниках называются кешкельными селами («кешкелем» назывался налог, который ингилойцы и мугалы платили лезгинам).

В начале XIX века (в 1826 г.) согласно статистическим справкам из кешкельных деревень чарской общины ингилойскими (т. е. грузинскими) были следующие — Алиабад, Тасмало, Загами, Хенгиани, Верхвиани, Мосули и Ити-Тала.

Из кешкельных деревень общины Тала грузинскими (ингилойскими) были Кандахи и Капанахчи.

Из трех кешкельных деревень Джинихской общины две были грузинскими (ингилойскими): Марсани и Лалапаша.

В султанатстве Элису (Кахи) были следующие грузинские (ингилойские) деревни: Кахи, Алибегло, Мешабаши, Сускенти, Коргани, Шотавари и Беук-Кетукло. Эти деревни, кроме Беук-Кетукло, находились во владении султана Элису.

Вот так на земле феодальной Грузии появилась новая политическая единица — «вольное» общинное «лезгинское» государство. Его называли Чар-Белакани или просто Саингило (от наименования грузинских местных жителей — ингило). Завоеванные грузинские деревни лезгины обложили тяжелым оброком. И вот этого порабощенного, обложенного оброком крестьянина называли «ингило», в отличие от термина «лезгин», под которым в основном подразумевался или помещик или свободный, независимо от того, какого он был происхождения — аварец или цахурец. Как это признано в специальной научной литературе, термин «ингило», видимо, произошел от названия ингилойской грузинской деревни Хенгиани, которое постепенно приобрело всеобщее значение и превратилось в общее наименование грузинского населения

всего этого края. Так что «ингило» — понятие не этнического, а социального происхождения. Считать термин «ингило» этнонимом (как это делает Гейбуллаев) — явная ошибка. В таком случае этот термин теряет понятие национального. Ингилойцы же по своей национальности — грузины. Это обстоятельство хорошо было известно и принималось в расчет даже официальными чиновниками царской России. Как известно, царское правительство в XIX в. несколько раз произвело камеральное описание населения ингилойского края (1859, 1881, 1886 годы). Знакомясь с материалами, касающимися национальной принадлежности населения ингилойских деревень, мы видим, что в особой графе против каждой ингилойской деревни ясно отмечено: национальность — грузины.

Если учесть все вышесказанное, то становится ясным, насколько ошибочна теория Гейбуллаева об этническом происхождении ингилойцев. Тут прежде всего вызывает удивление следующее обстоятельство: Гейбуллаев, специально исследующий вопросы этнической истории, оказывается, не отличает этнического термина от социального! Такое смешение привело его к грубой ошибке: приняв социальный термин «ингило» за этноним, он пришел к ошибочному выводу о том, что ингилойцы якобы по своему этническому происхождению являются потомками ираноязычных дагестанских племен гелов!

На 82 странице своего труда Г. Гейбуллаев необоснованно отмечает, что названия мест, которые населяют ингилойцы, не грузинского происхождения! И здесь автор совершенно сознательно вводит читателя в заблуждение. Даже при поверхностном знакомстве с топонимами, ойконимами, гидронимами, да и вообще с названиями пунктов и местностей Саингило, можно прийти к совершенно противоположному мнению.

Мы не станем подробно обсуждать топонимические материалы Саингило. Из их множества приведем здесь лишь малую часть. Среди коренного населения по сей день сохранились такие географические названия грузинского происхождения, как: Шави мта (Черная гора), Сакараулос мта (Сторожевая гора), Церетлис мта (Гора Церетели), Цалкотис мта (Гора Цалкоти), Чинчрис мта (Крапивная гора), Пипинетис цкали (Вода Пипинети), Оргеле (Двуречье), Мосабруни (Поворот), Мухахи (Дубняк), Верхвиани (Ясенник), Чандари (Платан), Чинари (Чинара), Кахи, Мосули (Пришлый), Шотавари, Цинубани, Намарневи и другие. Названия местностей грузинского происхождения: Тапли-Геле (Медовый ручей, Геле — село близ Куми), Тизир—мтис дзири (подножье горы, один из районов центральной части села Кахи), Тхилиан адгили (Ореховое место, в селе Кахи), Какистав, Кахистав (начало Кахи, один из районов села

3072010033

Кахи), Концхи-геле (мыс-ручей, гидроним, Геле — село в Тобахи), Коркора (гора близ Кахи), Курузал (Квирадзали, церковь Квирадховлоба близ села Тасмало), Цаблиани (Каштановый лес, гора в селе Куми) и множество других. Вообще число подобных топонимов велико. Вышеперечисленные грузинские названия этих мест единственные, не имеющие азербайджанских адекватов

История Саингило с древнейших времен тесно связана с грузинским этническим миром. Живым, бесспорным свидетельством этого является ингилойский диалект грузинского языка. Веками длилось скрещивание ингилойского наречия грузинского языка сначала с хундзским, а позднее с местным наречием азербайджанского языков. Но ингилойский говор устоял против жизненных бурь и в основном сохранил свой грамматический строй, основной словарный фонд и фонетическую систему. История развития ингилойского диалекта грузинского языка неразрывно связана с историей ингилойцев.

Одним из слабых мест труда Г. Гейбуллаева является то, что он почти не знает (или не хочет знать!) существующей специальной научной литературы об истории Саингило, если бы он удосужился ознакомиться с ней, это оградило бы его от грубейших ошибок.

А ошибка — методологическая ли, фактическая — страшна еще и тем, что она, как правило, является начальным звеном последующих ошибок. И вот доказательство.

В 1987 году в одной из азербайджанских газет «Кирмизи байрак» («Красное знамя», орган Закатальского РК КП Азербайджана и районного совета народных депутатов № 93, от 11 августа) был опубликован отзыв учителя истории Алибадской интернациональной средней школы № 1 Акифа Гусейнова на труд Г. Гейбуллаева. Вот что сообщает читателям газеты уважаемый учитель истории: «Дорогая редакция! Между алибадцами, получившими образование в высших и средних специальных учебных заведениях Грузии и Азербайджана, давно идет спор о происхождении ингилойцев, жителей зоны Закатала—Шеки.

После выхода в свет книги Г. А. Гейбуллаева «Топонимия Азербайджана» появилась реальная возможность решить этот спор. В книге обоснована принадлежность Закатала—Шекской зоны (т. е. территории Эрети и Саингило — Т. П.) с древних времен Албании, а затем Азербайджану. Книга издана на русском языке. Часть книги под названием «Ингилойцы» я перевел на азербайджанский язык. Я верю, что для читающей массы это будет интересно...

В книге обосновано, что предки современных ингилойцев — гелы принадлежали к ираноязычным албанским племенам.

В книге отмечено также, что названия тех деревень, где живут ингилойцы, не имеют связи с грузинским языком...»
Комментарии, как говорится, излишни. Вот к каким отрицательным, печальным результатам приводит искажение истины, в данном случае фальсификация истории Саингило в труде Гейбуллаева. Учитель истории Алибадской интернациональной средней школы уважаемый Акиф Гусейнов, в свою очередь допуская грубую ошибку, даже не понимает, как опасно противопоставляет друг другу алибадскую, азербайджанскую и грузинскую молодежь, не сознает, что подобным своим выступлением наносит большой вред интернациональным принципам советского общежития.

Тенгиз ПАПУАШВИЛИ,
профессор, доктор исторических наук.

ХРОНИКА

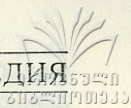
МУЗА БРАТСТВА

70-летию Великого Октября был посвящен вечер курдской поэзии, состоявшийся в Тбилисском клубе молодых ученых. Имена большинства участников вечера пока неизвестны широкому читателю. Все они, курды по националь-

ности, люди разных профессий, живут в Тбилиси. Их объединяет сектор молодых курдских поэтов, действующий при совете по работе с курдской молодежью Тбилисского горкома комсомола.

Руководит сектором поэт Сурик Шавершьян.

Григол ОРБЕЛИАНИ

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ТИФЛИСА В ПЕТЕРБУРГ

1831 год, 9 июня, вторник. Рассвет встретил меня одетым. Всю ночь мучился бессонницей. Тысячи мыслей будоражили воображение, отвлекая ото сна. «И вот настал день расставанья», — говорил я себе, собираясь в путь далекий. Истинные и сердечные друзья собрались и проводили меня до Верэ¹. Тут они сошли с дрожек и попрощались со мной. Когда я услышал прощальное «до свиданья», глаза мои наполнились слезами, и сразу же я почувствовал себя одиноким.

Ах! С этой минуты каждый день, каждый мой шаг будет отдалять меня от дорогих моему сердцу людей, которые доставляли радость и давали смысл жизни, отдалять меня от тех мест, где зажглась лампада жизни моей и где юность моя протекала бурным потоком радости и веселья. И какой же злой дух заронил во мне желание искать счастья вдали от них, в чужих краях?! Разве я не был счастлив с вами, друзья мои, и сердца ваши не были открыты для меня? Ах! Разлука эта дала мне понять цену всему, и я благословляю тот миг, который соединил нас неразрывными цепями дружбы.

В раздумье прибыл я во Мцхета. День был пасмурным, как и сердце мое, которое очнулось, едва я завидел вдали Мцхетский собор — величайшую святыню Иверии, свидетель и памятник ее великого прошлого, хранящий могилы царей, свидетель многих веков, свидетель падений и воскрешений Иве-

¹ Местность и речка у черты Тифлиса того времени.

рии! Слезы потекли, как только увидел я могилу царя Ираклия, с которым и было погребено величие Иверии. Слезы эти исторгались из сердца, ибо то была последняя дань моя человеку, возвеличившему Грузию. Бесстрашный! Время, уничтожающее все, не сможет стереть дела твои, которые взойдут звездами в веках грядущих. И эта почти забытая всеми могила твоя станет местом всеобщего почитания.

Здесь догнало меня письмо брата Захария, который подобно мне зря мытарствует вдали от своей родины. Читая в пути письмо, приблизился я вечером к Гартис-кари.

10 июня. Проехали 5 верст. Проникнув в ущелье, которое все более суживалось, стали продвигаться по нему вверх. Дорога идет по правому берегу Арагви, далее она отходит от нее, беря направление к Сашабуро, и выходит в Душети (25 верст).

11 июня. Передохнули в Душети, это более деревня, нежели город. Там находится построенная четырехугольником стена с башнями, возведенная Джимшером, эриставом Арагвским. В стене, над дверьми, доска мраморная, на которой написано: «Я, воспитанник царя Грузии Теймураза, благодетельствовав и сыном его, царем Кахетии Ираклием. Мы, Арагвский эристав Джимшер из рода Чолокашвили, построили душетский дворец, обнесли его стенами с башнями и украсили как смогли. А прочитавший сие меня пусть помянет». Дворец тот ныне в лазарет превращен, и стоит здесь рота Херсонского полка.

Известный грузинский поэт и военный деятель XIX века кн. Григол Орбелиани в 1831 году по долгу службы вез из Грузии в Новгородские военные лагеря солдат Кавказского полка. В дороге, удлинившейся еще более вследствие его остановок — в Москве на несколько дней и в Петербурге на два с половиной месяца, Гр. Орбелиани вел дневник. Когда в 1833 году, по подозрению в заговоре, у него были изъяты различные бумаги, среди них оказался и этот дневник, названный им «Мое путешествие из Тифлиса в Петербург».

Дневник Гр. Орбелиани, являющийся ныне литературным памятником, представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для широкого читателя. В нем автор дает целую панораму общественной и культурной жизни той эпохи, рисует образы современников. Повествование Орбелиани при-

Пожаловав сюда к царице после разорения Тифлиса Ага-Магомет-Ханом, удрученный царь Ираклий изрек, точно притчу о жизни и мире суетном, следующее: «Слава тебе, Господи! Как явился я в этот мир без всего, так и уйду из него, лишившись приобретенного». И подал ему в ответ моурав кизикский Захарий свою одежду, поскольку все достояние царское было в Тифлисе захвачено врагами. Печалью был подавлен дух бесстрашного, и недолго прожил он после того.

12 июня. Прошли Ананури, где воздвигнута крепость с прекрасной церковью богоматери, построенной эриставом Арагвским Бардзимом Мдиванбегом. Иконостас — пожертвование эристава Арагвского Джимшера и дочери Амилахвари Анныханум, в царствование в Картли Теймураза, а в Кахетии — Ираклия. Расписал его некий Николоз, весьма хорошо это сделавший. От Ананури нам опять сопутствовала Арагви. Дорога по правой стороне реки идет по узкому ущелью. Справа и слева на высоких горных склонах разбросаны мтиулетские¹ деревни. В пути стемнело. Луна волшебным образом озаряла горные вершины, покрытые снегами. Все кругом замерло в безмолвном ночном, и только шум Арагви оглашал окрестности. Воображение человека, оказавшегося окруженным величием природы — сиянием луны, молчанием погруженных во тьму лесов, ревом Арагви — бывало потрясено, и он словно лишался да-

¹ Мтиулетии — провинция в горной части Восточной Грузии.

обретает особую значимость, когда автор становится участником интереснейших событий, свидетелем, например, таких фактов, как воздвижение Александрийского столпа в Петербурге, выступления выдающегося актера Мочалова в Москве, представление комедии Грибоедова «Горе от ума» в петербургском театре и др.

Дневник Гр. Орбелиани ценен и тем, что он высвечивает многогранность личности автора, сына своего времени и отечества, сумевшего увидеть и самодержавную, и прогрессивную Россию.

Настоящая публикация является переводом на русский язык грузинского текста, впервые опубликованного в книге В. Шадури «Грузинские писатели о России». Материал печатается с сокращениями.

ра речи. Мы с товарищем спешились и так приблизились к Пасанаури, где квартировало полроты солдат (32 версты).

13 июня. Снова двигались мы по узкому ущелью Арагви (15 верст) и прибыли в Квишхеты, где находится мтиулетский пристав, именуемый местными господином. По деревянному мосту перешли Арагви. Отсюда начиналось трудное восхождение на Кайшаури — 4 версты, где и переночевали. Был красивый вечер. Солнце скрылось за горной грядой, и последние лучи его освещали лишь снежные вершины, искрившиеся многоцветьем огней. Чистый воздух был напоен ароматом цветов. Где-то под нами, на дне пропасти, с ужасающим шумом змеилась белой нитью Арагви. Великаны-горы, стоящие бок о бок, возносились к небесам, безмолвствуя в величии своем. Сидя на выступе над пропастью, глядел я вниз, с изумлением замечая то тут, то там пристанища человека — то на самом дне ущелья, то примостившиеся у самых вершин. На востоке восходила луна и прекрасные ночные звезды мерцали над Ломисской церковью. Слаб человек передать все величие природы, несущей на себе печать всемогущества Творца, потрясающей до глубины души. У меня, уединившегося, сердце было полно благоговения. И я невольно преклонил колена и возвел очи к небу: И никогда более не молился я столь долго, истово и с пылом, не произнося при том ни слова.

14 июня. Передохнули в Кайшаури, где стояла рота солдат и одна пушка и насчитывалось девять домов арагвинцев. Поблизости виднелись небольшие деревеньки, разбросанные там и сям. По обычаю, мтиульцы напутствовали нас словами «Мирного пути!». Ломисская церковь стоит по ту сторону Арагви на высокой горе и весьма почитаема мтиульцами. Тут только что появились первые всходы травы.

15 июня. Прошли трудный подъем узкой и опасной тропой, мимо гор Гути и Крестовой (8 верст). Поднялись к кресту, воздвигнутому Канановым во времена Ермолова. Невольно оглянулся я на просторы Грузии, удалявшиеся от глаз, но навечно заключенные в сердце моем. И снова в мыслях моих явились друзья мои незабвенные. Дали, разделившие нас, терзают душу. О, судьба! Удостоишь ли ты меня вновь узреть Грузию мою и близких? Найду ли я их такими, какими оставил? Здесь, на спине высочайших гор, у креста, где кончаются границы отчизны, подымаю я чашу вина, благословляя

вас, и прощайтесь! От Крестовой до Коби спуск 8 верст. Дорога весьма плоха, проложена по оползням. В Коби встретились мне 33 пушки и 18 мортир, только что отлитые, которые везли в Тифлис. Здесь в казарме стоит рота солдат. Коби — маленькая деревушка осетин-христиан. Слева от деревни по ущелью течет Терек, берущий начало с горы Труси, дающей жизнь и Арагви, и Ксани.

16 июня. От Коби проехали несколько верст до деревни Сивани, где стоит церковь, осмотреть которую я и направился. Дорога к ней была узкой. У дверей встретился со старухой, проявившей недовольство при моем появлении, по-видимому от того, что приняла меня за русского. Вошел я и удивился темноте в сенях. С трудом нашел другую дверь, через которую проник в церковь, такую же неосвещенную. Там было две старухи. Священник в облачении, но без дьякона служил службу. Зажег я несколько свечей и увидел крест, кованый, серебряный, принесенный в дар эриставом Арагвским Баяндуrom и супругой его Цицишвили Тамар. У изножья и вершины креста было изображение птицы с головой льва, держащей в когтях книгу. А справа и слева можно было увидеть быка и святого Георгия. Полагаю, что означало это четыре благие вести, что это походило на остатки язычества, от которого горский народ еще не освободился. Священник объяснил, что церковь та якобы царицей Тамар выстроена. Но вряд ли и он был в том сведущ. Ведь в Грузии сложилось обыкновение приписывать царице Тамар все подобные строения, хотя многие из них выстроены другими царями.

Отсюда мы последовали в деревню Казбек (18 верст), где стоит небольшая команда солдат.

17 июня. Здесь начинается вызывающий удивление бешеный бег Терека, принявшего в себя бурные речки, спускающиеся с горных вершин. Терек вскипает и с яростью и ревом устремляется по своему пути. Ничто не может остановить его, даже огромные глыбы, через которые он перекатывает, рассыпаясь алмазами. В тот день мы трижды пересекли Терек по мостам и прибыли в Ларс, где квартирует одна рота (16 верст).

Посреди пути стоит пост, именуемый Дариари, где находится одна рота и пушка. Место это может устроить любого. Пост стоит посреди четырех крутых отвесных склонов, и человек уже в ста шагах не видит ничего, кроме голых скал, высокого и далекого неба и мятущегося Терека. Говорят, что

дна офицера, служившие здесь, лишись разума. И этому не приходится удивляться.

В Ларсе мне встретились едущие из Петербурга в Тифлис Г. и Е. С-швили. И хотя виделись мы впервые и недолго, знакомство наше оказалось, несмотря на краткость, сердечным. И не было в том странности, так как человек в привычном обществе скрывает, точно под маской, свой нрав, характер, ведя себя сообразно принятым обычаям. Оказываясь же за его пределами, он виден, точно в зеркале, со всеми своими достоинствами и недостатками.

18 июня. По левой стороне Терека пролегает узкая дорога. По приближении к Владикавказу ущелье постепенно расширяется, а Терек теряет свою стремительность. На склонах гор в ущельях появляются леса. Еще 18 верст — и вырываешься из тесноты гор, точно из узилища, начинаешь дышать свободно. И то правда, ведь в течение 11 дней я ничего не видел, кроме крутых скал и бездонных пропастей.

Проехав еще 7 верст, к полудню прибыли во Владикавказ. Диву даешься, как могла перейти эти горы русская армия, направлявшаяся из Ганджи в 1796 году, когда и дорога еще не была проложена. Обхода нет нигде, а дорога так сужается, что в некоторых местах совсем готова исчезнуть. И стоит Тереку смыть ее, потребуется лет тридцать, чтобы можно было восстановить путь, пригодный (для экипажей — переводчики). В зимнюю пору ущелье заполняют лавины настолько, что прямо по ним прокладывают дорогу и так и переправляются. А летом потоки воды размывают дороги и мосты. И потому из года в год летом на дороге ведутся работы.

19 июня. Передохнули во Владикавказе, что стоит на правом берегу Терека. Город окружен уже разрушившимся рвом, который, думается, был сооружен еще во времена Цицианова. Здесь находится штаб-квартира Владикавказского полка. Граничат с городом тагаурцы и другие горские народы — чечены и кабардинцы. Большой страх нагоняли они на всех раньше, потому-то и сейчас скот на пастбище без охраны далее чем на две-три версты не пускают. Но князь Абхазов, пребывающий там комендантом, сильно укротил горцев. Со своей армией он вошел в Тагаурское ущелье, где дважды были разбиты русские, победил тагаурцев, сжег несколько их деревень, отобрал у родовитых семей детей в заложники, захватил в плен зачинщиков, а также 60 человек, разбойничавших на дорогах в

Грузию. Затем было отнято у горцев право на пошлину, которую они взымали с наших купцов, едущих из России.

Князь пригласил меня к обеду, и я день тот провел весьма приятно. Вечером князь получил весть о том, что на дороге, ведущей в Россию, смыты мосты. И мы остались во Владикавказе до 20-го июня. Я и Александр Сагинашвили написали письма и отправили их с мальчиком, которого я отослал обратно.

21 июня. Прошли 32 версты и прибыли в Ардонскую крепость. Преодолели реку, разлившуюся от дождей. На одной из переправ моя повозка перевернулась в воде...

22 июня. Проехали Дурдурский редут, где стоит одно отделение солдат и 8 пушек (16 верст). Отсюда мы добрались до Урухского редута (18 верст). Здесь квартирует рота солдат, стоят 12 пушек. Тут мне встретился генерал Абхазов, который провожал графиню Паскевич до Екатеринограда. Прекрасный вечер выманил нас на природу. На чистом небе горели звезды, и это зрелище подсказало нам тему для разговора—астрономию. Подали чай, и беседа перекинулась на Грузию. Князь весьма правдиво и красноречиво описал нравы грузин, восхваляя острый ум и смелость царя Георгия.

23 июня. Урухский мост был смыт наводнением, что задержало нас на 4 часа, прежде чем найден был брод и нам удалось переправиться. На мое несчастье, моя повозка, единственная из всех остальных, перевернулась и здесь. В пути стемнело и пришлось остановиться на ночлег неподалеку от черкесской деревни. Дождь так досаждал всю ночь, что никому не удалось уснуть (23 версты).

24 июня. Проехали 12 верст и прибыли в Екатериноградский карантин. У ворот нас встретил старый красноносый солдат. В руках он держал щипцы, которыми брал билеты от приезжающих из Грузии, дабы до них не дотрагиваться руками, чтоб не заразиться, поскольку он опасался, что приезжие могут быть больны холерой или чумой. Билетов было много, они не умещались в щипцы и рассыпались по земле. Красноносый голыми руками подбирал их и затем вкладывал в щипцы. Так он соблюдал закон карантина. Мы много смеялись по поводу такой предосторожности.

25 июня. Отобрали одежду для окуривания. С Владикавказом начинается Кабарда. Она разделяется на Малую и Вели-

кую рекой Терек. Справа — Малая Кабарда, граничащая с Чечней, и с севера — с Моздоком. По левому берегу Терека — Кабарда Великая, расстилающаяся до самого Эльбруса и граничащая с запада с карачаевцами, с севера с рекой Малка, до ее впадения в Терек. Великая Кабарда прекрасна просторами своих полей и множеством небольших рек и лесов.

Раньше сильным был тот народ. Но страшная чума скосила многих, а после войн с русскими народ окончательно обессилел. Большинство его — противники любого рода насилия или подчинения, и поэтому они столько лет воюют с русскими, которые их очень притеснили, унизили и якобы покорили. Однако любовь к свободе так и не убили. Сильные духом, они всегда ищут случая, чтобы сделать свою отчизну свободной.

Гостеприимство не только кабардинцы, но и все кавказские народы считают своим святым долгом. Гость, будучи даже незнакомым, войдя к ним в дом, пользуется уважением всех домочадцев, становится неприкосновенным для врага. И если они с хозяином побратаются, то это чувство остается вечным и неизменным до самой смерти. Для друга они ни богатства, ни самой жизни не пожалеют.

Как и все кавказцы, кабардинцы также блюдут закон кровной мести. Женщины у них настолько уважаемы, что если кто-то, обреченный на смерть, спасется бегством и успеет добраться до женщины, то под покровительством ее становится неприкосновенным.

У кабардинцев от природы живой ум и сообразительность, но они погрязли в невежестве. Любят праздность. Настоящим делом своим считают войну, потому и знают цену оружию и коню. Раньше они были богаты скотом, а ныне в бесконечных сражениях с русскими обнищали настолько, что во всей Кабарде не сыскать табуна породистых лошадей. Кабарде не сыскать табуна породистых лошадей.

У кабардинцев существует обычай отправляться на войну в нарядных одеждах. Князья выезжают в шлемах, кольчугах, нарукавниках, с луком и стрелами. Что же касается сабель, кинжалов, ружей и пистолетов, то они с ними неразлучны и дома. Раньше на поле брани они никогда не оставляли своих убитых, да и в плен не сдавались. Много примеров, когда кабардинец предпочитал смерть плену. Кабардинцы воюют верхом. Своих детей (мальчиков — переводчики) князья отдавали на воспитание опытным *азнаурам*¹, которые обучали их

¹ Азнауры — служилые дворяне.

верховой езде, обращению с оружием и мужеству. (Такой же обычай существовал когда-то и в Грузии).

Кабардинцы стройны и подвижны. Они магометанской веры (сунниты).

В Кабарде тот князь становится первым и сильным, кто проявлял в сражениях доблесть, а в родном краю — щедрость. К таким примыкало множество азнауров, несущих ратную службу и принимавших участие в войнах.

Кабардинцы распространили свою власть и подчинили себе другие кавказские народы — ингушей, осетин, абазов и бислинов. Все они были их данниками, только одни чеченцы всегда оказывали сопротивление и так и не покорились Кабарде.

Кабардинский князь со свитой в сто или двести человек являлся в поселения кавказцев, своих данников, и собирал дань, то есть, овец, коров и лошадей. И все это время князь и прибывшие с ним находились на содержании жителей аула. Если в нем оказывался убийца кабардинцев, вор или другого рода преступник, то князь повелевал двери дома такого человека завалить каменной глыбой. Это означало господский гнев и печать на доме. Никто из живущих не смел покинуть его, перешагнув через камень, оставаясь в заточении до тех пор, пока не исполнялась воля княжеская. У провинившихся чаще всего отбирали женщину, обычно дочь виновного или же его пленника.

Если провинился в чем-то дворянин, то тогда, по решению старейшин, старший в роду князь награждал виновного несколькими ударами палки. В этом случае закон запрещает ударять выше плеча. Крестьянин не имеет права убить князя, если даже тот оказался вором.

Свадьба их такова: в первую очередь засылают сватов из самых почтенных людей. И если отцу девушки понравится род жениха или доблесть его, тогда он, выразив свое удовлетворение, дает согласие и договаривается, какой выкуп скотом или деньгами должен отдать жених за девушку, но не отцу, а тем, кто ее воспитывал. По прошествии одного или двух лет, но не ранее, жених, вместе с родней своей и друзьями, увозит невесту, действуя осторожно и без шума, чтобы соседи девушки не узнали об их появлении. Иначе те могут украсть у жениха коня и оружие, или же отобрать их силой (часто бывало, узнав о готовящемся увозе девушки, на дороге устраивалась засада и начиналось сражение; девушка доставалась той стороне, что оказывалась сильнее). Жених сажал суженую к

себе на коня и увозил к своим близким родственникам или друзьям, где и должен был прожить с ней один год. Хозяин дома, где живут новобрачные в течение года, обязан содержать их, обращаться с почтением. А дальше уже муж отвозит жену в свой дом и оттуда посылает пешкешу, т. е. подарки хозяину, у которого они жили, как бы благодаря за гостеприимство.

Большой позор, если мужчина днем входит к жене. Невестка не имеет права садиться за стол со свекровью, а также младшая невестка — со старшей. Даже среди братьев существует такого же рода почитание старшинства.

На дочери князя имеет право жениться только князь или азнаур. По обычаю, к старшей жене князя должны были приходиться азнауры и свита княжеская, дабы засвидетельствовать ей свое почтение. Когда же где-нибудь в дороге крестьянин или азнаур встречаются с женой князя и если они верхом, то должны тотчас же спешиться, подняв руку к голове, и, отнеся поклон, стоять так, пока она не скроется из виду. Женщины не сторонятся мужчин и не прикрывают лиц.

Крестьяне не знают никаких других работ, кроме сева овса и сенокоса. А женщины не столь ленивы — все домашние дела делаются ими, и даже одежда для мужа своего и всех домочадцев ткется и шьется женщинами.

Кабардинцы не курят трубок и не пьют, подобно другим кавказцам. Говорят, будто раньше они сбривали бороды. И только после мора великого впервые стали отпускать бороды, в знак траура, что после вошло и в обычай.

Чеченцы и абазы не имеют ни князей, ни азнауров. Там все равны.

В карантине мы оставались семь дней.

31 июня. Выехали из Екатериноградского карантина и прибыли в станицу Солдатскую, разрушенную в 1825 г. черкесами. От Екатеринограда начинается огромная голая степь, где происходила жестокая битва Тимур-Ленга и Тохтамышша. Это последний был татарским ханом (или же ханом Золотой орды, которая владела Россией 250 лет, — примеч. автора). Тимур-Ленг победил Тохтамышша, дошел до Дона и обратно вернулся. Это была вторая и окончательная победа Тимур-Ленга над Тохтамышем, после чего Русь начала собираться с силами все более и более и настолько окрепла, что татары, бывшие владыки Руси, сами стали ее подданными.

Неподалеку от Солдатской виднеется гряда холмов, похожих на курганы. Говорят, будто там схоронены погибшие в битвах.

От Екатеринограда уже началась Линия — до самого Егарлыка. Государыня Екатерина начала строить Линию, куда вместо Сибири стали отправлять людей в ссылку, а потом из густо заселенных мест средней России направились сюда переселенцы.

1 июля. Прибыли в Александровскую.

2 июля. Передохнули. На гербовой печати этой деревни изображены орудия для жатвы—серп, вилы, цепь и кол, которыми бьют по снопам вместо молотилки. Мне очень понравилось такое изображение.

3 июля. Проехали 40 верст безводной степью и прибыли в Сабла. Отсюда четвертого дошли до Новосергиевска, где наш майор заболел холерой. Но общим рвением и врачеванием, часто растирая ромом и спиртом, мы подняли его на ноги.

5 июля. Прибыли в Ставрополь, где нам объявили приказ оставаться в городе до шестнадцатого. От Екатеринограда до этого места дорога весьма скучная. Глаз не видит ничего, кроме голых степей, не имеющих ни конца ни края. Воды почти нигде нет. Даже в деревнях пьют вонючую и горькую воду из колодцев. Здесь нельзя увидеть какие-нибудь развалины, свидетельствующие о былом, как это бывает в других странах, где есть немало следов прошлого, рассказывающих о минувшей жизни народа. Раньше эти места принадлежали татарам, но и они ничего не оставили, никакой памяти о себе. Потомство Чингиз-хана вырвалось из Татарии, словно всепожирающий огонь, оставляющий после себя лишь следы разрушений и пепла повсюду, куда бы он ни добирался. Местом своего оседлого пребывания они (татары — переводчики) избрали Казань и Астрахань, а также всю степь до самого Крыма. Часть их побывала и в Грузии, познавшей их свирепую жестокость. Нынче же от их былой мощи не осталось ничего.

6—7—8—9—10 июля. Ставрополь — город небольшой, новостроенный. Хотя нет в нем зданий богатых, зато украшением его служат ровные и широкие улицы. Нынешний генерал (губернатор — переводчики) старается все более расширить город, за которым простирается лес. В пределах городской

черты прекрасное зрелище являет роща, и у каждого дома свой садик, где растут груши, яблони, вишни и сливы. В городе две русские церкви и одна армянская, а реки нет. Воду берут из колодцев.

У города небольшая гора, где раньше стояла глинобитная крепость, возведенная русскими. Ныне от нее остались руины. Неподалеку от них каждый понедельник устраивается базар, на который из окрестных деревень съезжаются крестьяне, привозя на продажу муку, кур, индеек, арбузы и другие продукты, продаваемые весьма дешево. Раньше на месте Ставрополя была татарская деревня, называвшаяся Четкарагач.

11 июля. В воскресный день мы с майором отправились в церковь послушать службу. Народу было полно и больше всего крестьян, очень набожных и истовых в вере. Надо отдать должное — вообще церкви в каждой деревне очень ухоженные.

Майор пригласил меня на обед.

— Дорогой Григол, — сказал он, достав из сундука азарпешу — сосуд для вина. — Вспомним Грузию и выпьем за нее этим последним оставшимся кахетинским вином.

При виде азарпешы и кахетинского я возрадовался. Тот, кто не бывал вдали от родины, не сможет понять радость, которая охватывает человека при виде чего-нибудь, связанного с нею. Именно с таким чувством восторга обратился я к майору и сказал:

— Заверяю вас, майор, что с этой минуты вы мне дороги еще больше, чем ранее, ибо многие соотечественники ваши редко покидают Грузию, чтобы не обругать или проклясть ее. А между тем именно в Грузии обрели они и богатство, и высокие чины, коих недостойны. Вы же один из тех немногих русских, кто вспоминает о моей родине с приятностью.

— Четырнадцать лет пробыл я в Грузии, — ответил он, — а это время для человека почти что век целый. Привык я к вашему воздуху, жизни, обычаям. Обрел я там все, что сейчас имею. И ее, жену мою любимую (сказав, поцеловал ее), и был я доволен своей судьбой. Грузию не все постигают душой, а походит она на Италию. За благополучие ее!

Мы чокнулись стаканами и выпили до дна. Уж очень я сожалел, что не было еще других четырех или пяти таких же полных. Вечером вышли погулять и зашли к капитану Фридриксу, человеку женатому. У него прочитали в газете о смерти Константина и Дибича, а также о холере в Петербурге и

смуте народной. Жена Фридрикса показала мне свой альбом, в котором я с удивлением увидел и стихи на грузинском, написанные Антоном Кар... Попросили перевести и долго смеялись по поводу их. Нас оставили ужинать.

12 июля. С командой меня остановили в деревне Дубовка, где я и пробыл до шестнадцатого июля. Устав от одиночества, вернулся в Ставрополь. Там было объявлено, что поскольку по дороге на Петербург вспыхнула холера, то до полного ее исчезновения мы должны оставаться на месте. Эта весть не радовала, тем более, что и в самом Ставрополе уже были случаи холеры.

3 августа. Прибыл генерал, князь Николай Иванович Абхазов, присланный в армию графа Паскевича. Обрадовались мы друг другу. С разговора о столкновениях в Польше перешли к беседе о Грузии. Ах! Как сильно и точно описал он нынешнее положение моей родины, которую любит как истинный сын своего отечества...

НАША БЕСЕДА

Князь: Господи, не доведи Россию до того, чтобы она вынуждена была оставить Грузию, которая тут же станет жертвой внутренних распрей и нападений ее заклятых врагов.

Я: Быть может, Грузия после ухода русских окажется столь сильной, что сможет защитить свои границы от врагов. За 30 лет в ней ведь стало населения больше, а не наоборот.

Князь: Не сможет, потому что политическое положение пограничных государств в Азии весьма изменилось. Кто мог ожидать, что армия кизылбашей и османов¹ окажется столь хорошо оснащенной, и Грузия, покинутая Россией, вряд ли сможет противостоять им. Ираклий был мудрым и доблестным царем. Следуя его примеру, князя и азнауры, любящие свою отчизну, царя и веру, воевали как истинные львы, в то время как кизылбаши, по природе своей трусы, не были к тому же обучены и не имели доблестных военачальников. Тогда грузины смело могли встречаться с таким врагом лицом к лицу. Но времена изменились, и они также заимели регулярную армию. А с такой армией бороться теми сред-

¹ Иранцев и турок.

ствами, какими располагали наши цари, мы уже не сможем. С регулярными (войсками — переводчики) надо бороться регулярными же. Не следует также думать, что ружья наших крестьян, способные в течение часа произвести до трех выстрелов, пригодны для войны. И это сейчас, когда нужно успеть выстрелить в минуту хотя бы четырежды. Одним словом, без регулярного войска Грузия и одного месяца не противостоит врагу. Кроме того, за 30 лет очень изменилась нация, нет в ней былой доблести духа.

Я: Регулярную армию создать в Грузии нетрудно, потому что защитники своей отчизны сразу же ощутят ее преимущества. Сам царь Ираклий знал об этих преимуществах и потому создал уже дежурную армию. И тогда мы не теряли ни одного своего человека. То же самое могут сделать и те, кто придут к власти. Ну, а мужество и любовь грузин к отчизне общеизвестны, иначе столь маленькое царство никогда бы не смогло оборонять свои границы, свой язык и веру. В истории не раз сообщалось о Грузии, много раз разоренной и вновь возрожденной из пепла.

Кроме того, ныне сами кизылбаши и османы уже осознали свою ошибку в постоянных жестоких притеснениях Грузии, следствием чего явилась страшная для них связь Грузии со своей соседкой Россией. Сейчас они уже не допустили бы, чтобы Грузия обратилась за покровительством к какому-либо европейскому государству. Известно, что кизылбаши проклинали Ага-Магомет хана за его безжалостность, считая, что это послужило причиной появления русских в Грузии.

Князь: Это верно, что грузины весьма мужественны и доблестны, но создать регулярную армию не так-то просто. Дело в том, что при создании вначале следует поступать на службу в солдаты, а, для примера другим, первыми такими солдатами должны быть князья и азнауры, пользующиеся почетом и уважением соотечественников. И их долг принести в жертву, если понадобится, и все свое состояние, и жизнь свою, кому как придется, для общего благополучия, а не ради собственной выгоды. Так могут быть заложены крепкие основы регулярной армии. Но, дорогой Григол, назовите мне хоть одного человека, который бы пожертвовал своим достоянием ради общей пользы?! Такая жертвенность — добродетель, которая может быть присуща разуму и сердцу образованного человека. Вы, молодежь, должны всеми силами быть полезными родине. Сначала вам следует учиться, просвещать разум, и только потом сможете вы увидеть и устранить все недостатки.

В силу всего мною сказанного молю я Бога, чтобы Россия не покидала Грузию еще 100 лет. Тогда уже будет не страшно. К тому времени в Грузии будет немало просвещенных людей. Изменит свое лицо и общество, хорошо осознавая, что ему нужно. И тогда каждое новое начинание легко будет осуществимо. А сейчас? Кто сейчас возьмется за это? И кто прислушается? Нынешнее наше общество мертво для отчизны. Точно потерянные, живут люди, как в потемках. Каждый думает о своей выгоде, не зная стыда и не чураясь недостойных путей для достижения цели. Корысть для них идол для поклонения. Но не надо думать, что это природные качества грузин. Они лишь плоды 30-летней покорности.

Я: Оскудение духовное легко искоренить тем, кто придет к власти после отделения от русских, если, конечно, они будут дальновидны и разумны. Став у кормила, они смогут создать учебные заведения, пригласить в них ученых мужей и мастеров из других государств. Они станут садовниками, призванными насаждать знания и ремесла в Грузии. А спустя несколько лет плоды их трудов непременно созреют, коль скоро грузины от природы одарены живым умом.

Князь: Все это весьма возможно, только для содержания армии и просвещения нужна казна. Грузия — царство бедное. Ну, а какое же другое государство дало бы нам заем? К тому же отчизна наша разрознена. После царя Александра, безрассудно разделившего Грузию на Картли, Кахети, Имерети, Сатабаго и Гурию, по сей день грузины враждовали между собой, зря проливая кровь. Лишь ныне с трудом объединились, и должны и дальше всегда быть едины. Время должно просветить, научить нас любви — и друг к другу, и к отчизне. Время должно объединить сердца одной мыслью о единстве всех земель древней Грузии. Только тогда и сможет защитить она свои границы, хотя, быть может, она не так сильна, как другие государства. Но поскольку Грузия окружена врагами, то у каждого грузина сердце должно пламенеть великой любовью к отчизне.

В это время вошел подполковник Ильинский и пригласил нас на чай. Прервав разговор, мы отправились к нему. Здесь познакомился я с полковником Флиге и остался на ужин.

4 августа. Рано поутру пришел я к Абхазову, который готовился к отъезду. Написал письмо к брату Захарии, попрощался с ним, благословил на дорогу и отдал письма для сда-

чи на почту. В этот же вечер пожаловал ко мне граф Симонич, к которому я на завтра отправился и был принят с радостью.

6 августа. Слушал службу в день Перисцвалеба¹, когда святят здесь яблоки, взамен винограда. Вспомнил Грузию и ее обычаи. Горький вздох мой вознесся к небесам. До ужина я и Гельшерт провели время в приятной беседе.

7 августа. Граф Симонич пригласил на прощальный обед, после чего, расцеловавшись с нами, отправился в путь к Петербургу.

29 августа. Распрощался я с Захарием Иосифовичем Сулхановым и Шаликовым², с которыми провел месяц весьма приятно.

3 августа. Познакомился с Шервашидзе, едущим из Петербурга и случайно зашедшим ко мне. Оказался он хорошим молодым человеком. Рассказал ему о Грузии и о состоянии дорог. Два часа пробыл он со мной. При прощании мы обменялись письмами. Он отдал мне в Петербург, а я — в Тифлис, куда он направлялся.

1 сентября. Выехали из Ставрополя. День стоял жаркий. По дороге встретился с женой подполковника Тиммермана, ехавшей в Грузию. Проехали 32 версты и прибыли в деревню Московская, где мне оказал гостеприимство пьяный священник. Поначалу он упрасивал меня выпить, а когда я не пожелал, то рассердился и сказал: «Нехристь ты такой!» С трудом я избавился от него. Проехал 18 верст и заночевал в Донской.

2 сентября. Прибыли в Безопасную (20 верст), где сменили повозки, а на ночь остановились в Преградной (22 версты). По дороге к ней стоят изваяния мужчин, по колена зарытые в землю, есть изваяния и с женскими лицами. Думаю, что когда-то это были калмыцкие божества, потому что черты лиц и шапки у них были калмыцкие. Калмыки же и сейчас во множестве живут в степи. Местные крестьяне

¹ Перисцвалеба — церковный праздник Спас.

² Сулханишвили и Шаликашвили.

считают, что изваяния эти — изображения некогда живых людей, окаменевших за грехи свои.

3 сентября. Выехали из Медвежьего колодца (18 верст) и приехали в Летник (30 верст).

4 сентября. Проехали Песчаное копанье (24 версты) и переночевали в Вонючем Егорлыке (25 верст), который справедливо называется вонючим.

Отсюда начинаются земли донских казаков.

5 сентября. Вблизи от этой деревни, на взгорке стоит церковь, у стен которой похоронен действительный камергер Свистунов, умерший в 1818 г. на Кислых водах. На могиле воздвигнут мраморный памятник — облокотившаяся на левую руку женщина оплакивает усопшего, в правой же руке она держит пиалу. Изваяние прекрасно выполнено.

В Новом Егорлыке поменяли возки (24 версты). Переночевали в станице Мечетинской. День был дождливый. На повозках, запряженных волами, прибыли в станицу Качальницкую (28 верст), где протекает небольшая река Качальник. Здесь казаки собирались ловить разбойников, которых обнаружили в здешних степях. Так как не было повозок, мы переночевали в станице.

7 сентября. Проехали казачью деревню, где сменили повозки. За ней вскоре показались города Ростов и Нахичевань, большая деревня Аксай и город Черкасск, а также много других казацких станиц по берегу Дона. Глазу приятно видеть столь обжитые места после скучных голых степей Ставрополя, где деревни стоят лишь на проезжей дороге и далеко друг от друга, где не то что лес, но и кустарник не встретишь, если не считать высаженных в деревнях плакучих ив. В тот день пересекли мы Дон по Аксайскому мосту, который лежит прямо на воде, так что она местами просачивается между досками. Множество лодок и плотов покрывало здесь реку. Впервые увидел я тут большие лодки с парусами. Река эта богата рыбой, которой торгуют местные жители; вылавливают и стерлядь — вкуснейшую рыбу. Переночевали в Аксае.

8 сентября. Утром пришел человек от майора с приглашением на стерлядь, очень вкусно приготовленную. Потом мы отправились в церковь на службу, где женщин было больше, чем мужчин. Церковь богато убрана. Священник раздал просфоры мужчинам, а дьякон — женщинам.

Казачки одеваются так: от шеи до талии платье на мелких пуговках. Те, кто побогаче, застегиваются на золотые или жемчужные пуговички. Талию до груди опоясывает широкий пояс, у богатых расшитый либо золотом, либо жемчугом. Платье с рукавами и длинное до пят. У незамужних волосы заплетены в косу, конец которой перевязан лентой и брошен за спину. На голове косынка, один конец которой спущен на косу. У замужних женщин нет косы, голова повязана косынкой. Этим замужние отличаются от незамужних. На ногах у всех — чулки и башмаки.

Хотя по происхождению все они русские, но в смешении с разными другими народами женщины эти очень отличаются от русских. Черноокость и чернобровость у них от черкесов, строение лица — ногайское и калмыцкое, белокожесть — от русских.

После службы мы покинули Аксай и приехали в Новочеркасск (25 верст) у реки Донец.

9 сентября. Передохнули. Описание того города. Появление казаков. Их обычай. Столкновения. Истоки Дона и его течение. Порочность людская.

У въезда в город возвышаются триумфальные ворота. Справа и слева стоят Марс и Венера, указывающие на вход, над которым два ангела поддерживают венец. Над воротами военная арматура (воинские доспехи — переводчики), а под нею золотыми буквами стихотворные строки:

«Объемлемы восторгом, радостью сердца,
Спешат во сретвие монарха и отца.
Се Александр днесь ту же благость нам явил,
Чем в первый раз Велик Петр нас озарил».

Такие же ворота стояли и при выезде из города. Сооружены они были в 1817 году к приезду Александра, а сейчас весьма обветшали. Атаман Платов, глава донских казаков, переселил местных жителей из старого Черкаска, где летом в половодье Дона по улицам плавают на лодках, поскольку вода заливаает весь город. Поэтому-то он выбрал другое место для Новочеркаска. Но как мне кажется, Аксай больше бы подошел для нового города. Он и стоит на Дону, и богатеет через торговлю.

10 сентября. Пошли навестить могилу графа Платова у недоконченного собора, им же начатого. На могиле стоит мра-

морный памятник, сооруженный его сыном. На одной стороне его золотыми буквами начертано: «Граф Иван Матвееч Платов. Родился 1751 года, августа 6 в Старочеркасской». Изображен его горюющий сын перед образом отца, а на щите в его руках написано: «Отцу — благодарный сын». На памятнике сверху можно увидеть позолоченные атаманские кивер и булаву. Отважный муж Дона возвеличил имя казачье в достопримечательном 1812 году, и император Александр почтил его могилу своим присутствием, тем самым воздав должное достоинству и славной доблести.

Число казаков составляет 250000 душ в службе. Благородные из местных не имеют права держать казаков в крепостных. Они все вольные, но обязаны с конем своим и оружием идти на войну, когда придет черед. Как только казаку исполняется семнадцать лет, он дает присягу и с того дня числится на службе целых 25 лет.

В тот же день выехали из Черкаска и заночевали в Бобринове (56 верст).

11 сентября. Отсюда я со своей командой был послан вперед; проехал деревню Лихую (22 версты) и остановился на ночлег в станице Каменской, стоящей на берегу Донца (22 версты). Здесь познакомился с лекарем Федором Васильевичем Малаховым.

12 сентября. Заночевали в Астахове (12 верст). В станице Казанская (15 верст) перебрались паромом на другой берег Дона. Там я выпал из повозки и сильно ушиб локоть.

В этой станице стоит красивый собор. У стен его встретился мне старый отставной матрос, который 28 лет прослужил на море и, вернувшись домой, не застал в живых никого из своих родственников. Поэтому-то под стеной этого собора доживал он свою горькую старость. Вздохнув, сказал я себе: «Счастлив тот, кому повезет жизнь свою провести в отчем доме, среди своих ближних». Затемно прибыли в деревню Дедово. Всю ночь от боли не спалось.

16 сентября. Передохнули в деревне на лесистом берегу Дона. Здесь на каждом доме прибита маленькая черная дощечка, на которой изображены в одном случае бочка, в другом — весло, в третьем — лестница или же топор, вилы и другие подобные орудия хозяйства. Таким образом, каждый знает, с чем он должен в случае беды бежать на пожар. Такое хорошее правило существует в каждой русской деревне.

Тамошние жители малороссы. Женщины их одеваются весьма неприглядно — рубаха, а ниже талии узкое одеяние из грубой шерсти или дешевого сукна. Отсюда начинается Воронежская губерния, или уже настоящая Россия.

18 сентября. За деревней Шихово (23 версты) моя повозка вновь перевернулась, лошади испугались, понесли и долго волочили меня по земле. Солдатам с трудом удалось их остановить. К счастью, местность была песчаной. Еле встав на ноги, я возблагодарил бога, что остался живым, хотя и сильно ушибся. В полдень прибыли в деревню Мамон на берегу Дона. Хозяин дома, где я остановился, тотчас изготовил баню, и, право, это очень помогло.

18 сентября. Проехали Козинскую почту (20 верст) и прибыли в два часа пополудни в город Павловск (19 верст). По пути нивы колосились, предвещая обильный урожай.

Город стоит недалеко от Дона и весьма невелик для того, чтобы именоваться городом. Да и строениями он весьма беден. Место это настолько песчаное, что по улицам ходить человеку трудно. Очевидно, раньше Дон протекал здесь или же заливал землю водой в половодье. В городе четыре церкви.

19 сентября. Прибыли в деревню Лосево (21 верста), которая принадлежала ныне покойному цесаревичу. Пригласил к себе староста деревенский, у которого прочитал я в газете сообщение о взятии Варшавы Паскевичем. После вкусной закуски попрощался с хозяином дома. Прибыл в деревню Шестаково (14 верст).

20 сентября. Проехали Нижний Икорец (34 версты) и переночевали в Можайске (27 верст). Невиданный урожай хлеба. На полях стояли такие огромные снопы, точно стога сена. Эта губерния очень богата хлебом. Тут же нам встретились 11 подвод, полных яиц, которые везли в Москву на продажу.

21 сентября. В Рогачевке сменили повозки (23 версты). День был дождливый, когда прибыли в Усман (15 верст), откуда виднелись купола церквей Воронежа. В город въехали в 2 часа пополудни. Переехали мост через реку Воронеж, который как раз мостили камнем (12 верст). Город красиво выстроен, особенно та часть, что расположена ближе к Москве. Жалел, что не было достаточно времени для осмотра его. В трактире пообедали, поиграли в бильярд и много смеялись по поводу пьяного комиссионера, который повздорил с трак-

тирщиком. После обеда выехали и прибыли в Животино (25 верст), что раскинулось в лесу.

22 сентября. Передохнули в Животино, так как не оказалось готовых повозок. Деревня эта небольшая и бедная. Небо было покрыто тучами, и весь день и ночь шел дождь.

23 сентября. Выехали из деревни. Дорога вязкая, небо серое. Дул холодный северный ветер. Проехали деревню Ивана Егорыча Сенявина, дом его и все хозяйственные постройки были весьма красивы. Сменили повозки в Хлевном (30 верст). К ночи приехали в город Задонск (27 верст) на берегу Дона. Он еще непригляднее, чем Павловск.

24 сентября. В третий раз переехав Дон, мы оказались в красивой деревне Хмелинец, принадлежавшей Микулину. Он на свои средства выстроил крестьянам по плану каменные дома, крытые черепицей. Тут же стоит его дворец, богатый и красивый, с парком и оранжереей. На девятой версте от той деревни — другая, принадлежащая ему и носящая название Изволка. Она также добротнo строена. Сменили повозки. Дорога сильно разбита. Было холодно, несмотря на солнечный день. Прибыли в Елец, который в общем-то невелик, но живописен. Его омывает река Сосна. Вечером полицмейстер пригласил на чай. Пригожая жена полицмейстера играла на фортепиано и в мою честь спела «Ахал агнаго». Я выразил ей искреннюю благодарность, похвалив голос и прекрасное грузинское произношение. Майор играл на гитаре. В этом веселом времяпрепровождении подошло время ужинать. Полицмейстер ранее был гусаром, а значит, любил пропустить лишнюю рюмку. После ужина жене полицмейстера написал в альбом стихи на память. В полночь попрощались с хозяевами, а на заре уже были в Исполне (27 верст).

25 сентября. Сменили повозки в Николаевском (18 верст). проехали город Ефремов (22 версты) плохой дорогой и переночевали в деревне Большие плоты (18 верст).

26 сентября. Проехали деревню Никитскую, принадлежащую графу Бобринскому (27 верст) и переночевали в городе Бородицком, более походившем на деревню. Вечером, поскольку я был дежурным, явился к майору для рапорта. По дороге встретилось несколько женщин. Одна несла медный таз и била в него. Оказывается, издавна существует такой обычай: с шумом и битьем в таз родственники обрученной девушки должны обойти все улицы, оповещая знакомых, родствен-

ников и друзей об обручении и приглашая на вечеринку, сидящую всю ночь. В этой губернии женщины надевают на голову кокошник или арахчин. Головной убор возвышается над лбом подобно короне, но вырезан точно полумесяц рогатый. Кроме того, множество бус, нанизанных на нити, свисает от уха, такие же бусы висят на шее длинными рядами. У некоторых женщин на голове только небольшие рожки, как у коз. Девушкам до замужества не позволено их носить. Мне такой головной убор показался смешным.

Долгой зимой, когда снег покрывает землю и женщины уже не могут выходить на работы, проводят они длинные зимние вечера в своих домах. Девушки собираются вместе каждый вечер в одном из домов, сидят за прялками, прядут и поют, а иногда придумывают разные игры. Холостые молодые люди тоже приходят туда. Они играют на чонгури (балалайке— примечание автора), танцуют, ухаживают за девушками, объясняются друг другу в любви, дают друг другу слово, и дело кончается обычно свадьбой. Нередко молодец с вечеринки похищал невесту и венчался с ней без позволения родителей девушки, которые редко оказывались при этом оскорбленными. Обычай такой бытовал более в Новгородской губернии.

До тех пор, пока старший брат не женится, младший жениться не мог, так же и младшая сестра не могла выйти замуж, если старшая не была уже замужней.

27 сентября. Проехали деревню Дидлово (25 верст) и прибыли в Тулу, где дали нам место для ночлега в гостинице... Описание города: Англичанин Недержонс. Театр.

1 октября. Проехали Серпухов, что на берегу Оки, через которую переправились на другую сторону. Я опередил всех, выехав в деревню Лопасня, чтобы подготовить повозки (27 верст). Вошел в трактир, полный мужиками, одетыми в засаленные тулупы, грубые сапоги или лапти. Сидя за непокрытыми столами, они пили чай. Трактирщик сказал, что каждый из них выпивает по 30 или более чашек, до тех пор пока не раздуются животы. Стемнело, когда достиг я деревни (16 верст).

Перевод Инги БАХТАДЗЕ и
Надежды ДИМИТРИАДИ

Окончание следует.

Человек. День вчерашний, день сегодняшний

ОДНА из примет нашей действительности — необычайный подъем духовных и нравственных сил. Вот почему так возросла сегодня и роль писателя, чувствующего ритм времени. Литературная панорама летних номеров журналов «Мнатоби» и «Цискари», газеты «Литературули Сакартвело», о которых пойдет речь, свидетельствует о том, что по-прежнему в центре внимания нашей литературы — человек в разных временных пластах.

«Всякая война — величайшее бедствие... Именно она препятствует высшему назначению человечества — служению добру. Никто не знает, с восторгом ли или с сожалением воспримут потомки с течением веков тот факт, что научные открытия в нашем цивилизованном мире нередко служили злу и кровопролитию...».

Так начинается роман Тенгиза Чалаури «И не было среди нас героя». Это — гимн мужеству, стойкости, непоколебимости советских людей, их высоким нравственным качествам, проявившимся в годы Великой Отечественной войны.

В романе две параллельно развивающиеся линии: недалекое прошлое нашей Родины — страницы, повествующие о событиях войны на территории Керчи, и глубокая история периода расцвета рабовладельческого Боспорского государства, когда по приглашению правителя Перисада по проекту греческих архитекторов строились величественные царские гробницы и курганы. Трудно представить себе, что именно в старых лабиринтах этих курганов много веков спустя во время второй атаки фашистами Керченского полуострова найдут себе пристанище советские люди, и майор Ханин, человек волевой и сильный духом, сумеет сплотить двадцать тысяч человек, людей самых разных, отважных и смелых, отчаявшихся и растерянных, вновь обратить их в бойцов. «Характер — это чувства человека, связанные в крепкий узел с областью его идей и системой его действий», — писал И. Сельвинский. Вот в эти-то трудные дни испытания и проявился характер советского человека, способного на самопожертвование ради торжества добра и справедливости.

Самим Геббельсом был приглашен доктор древнегреческой истории и археологии фон Бабенберг, чтоб составить точную схему аджимушкайских лабиринтов и катакомб. Тогда фашисты впервые применили химическое оружие, следуя словам одного из идеологов фашиз-

ма: «Делать все, что хочешь, — вот настоящая свобода».

Героя рождают время и обстоятельства — считает автор романа, героя-воина же — война, в другое время человек может остаться рядовым сапожником или же подающим надежды сотрудником научного учреждения. Но если человек не рожден героем, если от природы не наделен волей и самоотверженностью, способностью любить и ненавидеть одновременно, он не станет героем, будь он смел, как тигр, хитер как лиса. Но война опровергла это мнение, ее выиграли люди, которые вовсе не были рождены героями.

Дракон-чудовище, которым владели правители Боспорского государства, — символический образ той чудовищной коричневой чумы, которая спустя столетия своими гигантскими щупальцами дотянется до многих государств и подчинит их себе. Тем более пророчески звучат слова, которые посылает радист в эфир: «...Всем... Всем... Всем... Всему советскому народу, всему миру! Мы, керченские защитники, задыхаемся от газа, которым травят нас фашисты, мы умираем, но не сдаемся в плен. Смерть сильна, но любовь к свободе — непобедима!..»

После двухнедельной газовой атаки керченских катакомб фашисты поняли, что «оружие века» не принесло им успеха. В Керчь тем временем из генерального штаба прибывает для проверки «аджимушкайского эксперимента» полковник Браун, ближайший друг и соратник Кальтенбрунера.

Читателя еще ждет встреча с героями романа.

В восьмом номере журнала «Мнатоби» завершена публикация многопланового произведения Фридона Халваши «Мое и твое». Роман состоит из дневниковых записей помощника капитана большого советского судна и «тетрадей Халита», боцмана на том же корабле. Каждая «тетрадь Халита» — этот законченный, казалось бы, самостоятельный рассказ, — как бы дополняет записи автора произведения, давая ему моральное право произнести следующие слова:

«...Я знаю, что все это, все, что происходит на земле, касается и меня, я причастен ко всему этому... Да, мои мысли — это мысли одного человека, но ведь один человек — это и все человечество?! ...Мои и твои заботы — это жизненные заботы человечества... Стало быть, на этой земле все — мое и твое!..»

Еще с одним романом предстоит читателю встреча. Это роман молодого грузинского писателя Годердзи Чохели «Волк».

Необычно началась студенческая жизнь Луки, восемнадцатилетнего паренька, приехавшего в город из горного села. После целого ряда приключений он попадает в больницу, где верховодят наркоманы, Лука вступает с ними в схватку, бежит из больницы. Он понимает, что единственно разумный шаг — это покинуть город.

И Лука едет обратно домой в далекое село Гудмакари.

Водитель автобуса отказался ехать по обледенелой дороге, а Луке до того не-

стерпимо хотелось поскорее попасть домой, что он продолжает путь пешком через лес. До него доносится далекий вой волка. Именно так были волки давным-давно, когда Лука был совсем маленьким. И всплывают в памяти Луки воспоминания...

Напечатана лишь незначительная часть романа. Но она дает нам основание предположить, что читателя ждет встреча с интересным произведением.

В газете «Литературули Сакартвело» напечатаны два рассказа Г. Чохели «Бера» и «Воли и смерть».

Весна — самое лучшее время года, — утверждает Годердзи Чохели, — но именно она оказалась роковой в жизни Беры. Неудачным властям человеком оказался Бера. Преследуемый полицией, он укрылся в старой крепости, и «взять» его было бы очень трудно. Но слишком уж добрым сердцем, оказывается, был наделен Бера. Кто бы мог подумать, что в душе он — романтик. Надо же было, чтоб над самым дулом его ружья свили гнездо ласточки. И все. Не смог Бера потревожить птиц, а ночью, воодушевленные молчанием Беры, преследователи приставили с четырех сторон к стенам лестницы. Грянул выстрел, и с глухим шумом упал навзничь Бера. «Так пришла в тот год в горы весна, которую так по-разному понимали Бера и начальник полиции...»

Больше двух недель борется со смертью Тандила («Воли и смерть»), мечется, протягивая к двери руку, словно призывая кого-то. И вот в полдень, когда Танди-

ла в который уже раз протянул руку к двери, в комнату вошел единственный сын Тандилы, ушедший десять лет назад на фронт и пропавший без вести. Тандила собрал последние силы, привстал... и как подкошенный упал на постель.

Фоном для большинства рассказов служит город, многоликий, живой, но человек нередко чувствует себя в нем одиноко. Именно от одиночества бегут из города герои повести Мананы Амирэджиби «Куда бы ты ни пошел».

По объявлению следующего содержания: «В феврале недалеко от города сдаю по сходной цене благоустроенный дом с четырьмя двухместными комнатами и камином в гостиной. К услугам тех, кто не знает, как провести свободное время, теплое жилье, питание, интересная библиотека и снег. Мужчины могут поохотиться» в загородный дом стали съезжаться люди. Каждый, приехавший сюда, бежал от самого себя, от одиночества. В течение десяти дней герои повести — Торнике, Краваи, Нестан, Марех, Тика, Зураб, Лука, Баадур и Дато собираются в гостиной, и каждый рассказывает о себе. До появления в этом доме они не были знакомы (единственная «накладка» — здесь случайно встретились отец с дочерью). Есть в повести и налет тайны, некоторой мистификации. Всеми, кто оказался в этом доме, владело желание оторваться от повседневности и, быть может, забыться. Однако десяти дней оказалось достаточно для того, чтоб понять, что нельзя быть сча-

стливым, когда несчастлив другой, что существуют неуловимые нити, связующие людей даже далеких друг от друга, и главное, что куда бы ты ни пошел, от себя не уйдешь.

Символичен конец повести. По истечении десяти дней все покидают дом, который кажется Нестан, хозяйке дома, скучным и угрюмым. Она стоит на пороге дома и провожает последних четырех жильцов. Слезы льются по ее лицу... И ей трудно понять, на самом это деле, или ей показалось, что один из четверых остановился, обернулся и пошел обратно, вверх по подъему.

Что ж, может быть с этого дня город будет насчитывать еще двух счастливых...

Ирреален сюжет небольшого рассказа Мамуки Долидзе «Восход солнца». В сумерки в автобус поднимается человек. Ему надо проехать всего одну остановку. Но оказалось, что это не совсем обычный автобус, и героя рассказа похитили для того, чтоб человеку сугубо городскому показать красоту природы. И он ее увидел! Рассказ завершается словами: «Я спускался и искал в себе злость, которая зеленым ядом проникла в меня, но злости не было. Была радость, легкость, покой, и тогда я понял, что существовала только эта тихая, окутанная солнечной паутиной деревня, где не было ни воспоминаний, ни ожидания, ни волнения, ни страха. Что я забыл в том далеком, битком набитом людьми и все-таки безлюдном городе? Я свернул в по-

ле и пошел напрямик, не разбирая дороги, к утопающим в зеленом бархате домикам...»

Нельзя не симпатизировать герою рассказа Мурада Чантурия «День один», который считает, что жизнь была бы гораздо скучнее, если бы не было романтиков, и как это прекрасно среди зимы увидеть на обочине дороги под светом фар нарей подснежник.

Девушку звали Найя, и она любила Есенина. Она не была так красива, чтоб потерять из-за нее голову, но было в ней нечто такое, что заставляло раздваиваться внутренний мир героя второго рассказа М. Чантурия «Найя». Что-то влекло его к ней, и в то же время что-то заставляло его относиться к ней иронически. Что за таинственная сила не позволяла им сблизиться и в то же время не отдаляла их друг от друга?

В рассказе нет действия, нет определенной, четко прослеживаемой сюжетной канвы — лишь «внутренние метания» героя, пытающегося разобраться в самом себе.

Герои рассказа Дато Ахобадзе «Охота» — представители той «золотой» молодежи, которая живет легко и беззаботно. Внутренняя опустошенность их особенно ощутима, когда сравниваешь их с людьми, живущими в деревне.

«Золотой трон» Михаила Антадзе построен на монологах. Рассказ начинается с монолога монаха Эвтиме, вот уже три года живущего в монастыре в деревне Квемосопели. Он отгородился от мира, даже заколотил

ставни, чтоб ничего не связывало его с внешним светлым миром.

Последний абзац его монолога, на наш взгляд, несет особую смысловую нагрузку. Впервые за три года заточения в монастыре у Эктиме родилась мысль: а что если снять ставни с единственного окошечка, которое соединяет монастырь с внешним миром и из которого видна узенькая дорожка через густой лес к высокой горе. Стоит ли делать это? — вопрошает Эктиме. Последующие монологи — как бы ответ на этот вопрос, в каждом отражена частичка жизни, жизни, где зло соседствует с добром, любовь с изменой, встречаются мошенники, наркоманы, сбившиеся с истинного пути слабые, безвольные люди. Герои рассказа — Эктиме, Тенгиз, Ладо, Ленука, Вова — это живые, прекрасно вылепленные автором образы. И пусть разговор идет в основном об их личной жизни, их взаимоотношениях, о, казалось бы, мелочах жизни, но ведь «главное и основное всегда состоит из мелочей». И еще... Хотя лучше обратимся к словам самого автора рассказа, вложенным в уста одного из героев: «Что может спасти меня? Разум? Труд? Добро? Созерцание? Покой? Воля? Все — вместе? Да, все вместе, и еще — любовь, которую надо чувствовать, которую надо найти — и сберечь...» И еще одна мысль автора, особенно важная в наше время — это необходимость ощущения связи с прошлым. Да, без прошлого не может быть будущего, вот почему так важно знать

свои корни — и не терять их. И хотя монах Эктиме открыл окно и таким образом приобщившись к внешнему миру, все-таки считает, что жизнь это лишь «суета сует», он в конце концов вынужден признать, что мир спасет Красота, Нежность и Любовь.

Герои рассказа Левана Малазония «Гости» знакомы вот уже двенадцать лет. Каждому из них не более пятидесяти лет, лишь Эгнатэ Хомерики старше лет на пять. Люди разной профессии и разной судьбы, далеко не легкой, они одержимы одной страстью — рыбалкой. Ранней весной, после суровой затяжной зимы, наконец-то распогодилось, и друзья затемно отправились на рыбалку. До реки расстояние немалое, они устали и решили передохнуть. Выбрав отлогий склон, они расположились на нем. Вокруг была безмятежная тишина. Несколько минут друзья сидели молча, любясь открывшейся перед ними красотой. На фоне белой горы небо казалось еще более синим. «Неожиданно до них донесся глухой, приглушенный, какой-то непонятный гул — и вновь воцарился покой. Рыбаки невольно взглянули на синее небо. Снова послышался далекий гул, он постепенно приближался. И вдруг вслед за глухим гулом словно тронулась с места белая гора и покатила вниз. Снежная лавина неслась к тому склону, где сидели рыбаки... Эхо огушительного грохота достигло ущелья, и вслед за этим вокруг разлилась тишина».

Русский читатель хорошо знает писателя Отара Чхеи-

дзе по его романам. Своеобразная манера повествования, присущая О. Чхеидзе, тонкое проникновение в духовный мир героев отличает и рассказ писателя «Старая тропа», который предлагает читателю журнал «Мнатоби». В небольшом по объему рассказе писатель заостряет внимание на таких высоких ценностях, как нравственность, чувство долга, ощущение своих корней, преодоление укоренившегося в нашей действительности отчуждения, замкнутости.

Действие в двух рассказах Карло Коберидзе «Пепельница из ракушки» и «Сырая погода» переносит нас в село. Герой первого рассказа Кока Банашвили, защищая свою честь, вступает в драку, не считаясь с тем, что перед ним не один и не два противника, а чуть ли не полсела. Но находится человек, который приходит ему на подмогу.

В чем-то схож с героем рассказа «Пепельница из ракушки» и герой рассказа «Сырая погода» — Гогия. Честный, порядочный, добрый по натуре, он попадает в ситуации, которые озлобляют его. К счастью, и рядом с ним оказывается человек, который не дает ему разочароваться в людях. Картины в обоих рассказах были бы удручающими, если бы не присущий писателю юмор.

Мы сегодня понимаем, что нам нужна история без вырванных страниц, что перестройка связана с утверждением правды. История литературы также нуждается в том, чтоб были восстановлены страницы, которые по тем или иным причинам не до-

шли до читателя. Это касается и грузинской литературы. Вот почему с таким интересом встречает читатель публикации произведений Григола Робакидзе.

Вместе с героем удивительно тонкого, сдержанного по манере повествования «Енгед» мы открываем для себя сказочный край — Хевсурети.

Зураб Кикнадзе в послесловии к рассказу пишет: «В основе новеллы — уникальный в грузинской действительности (возможно, и в мире) хевсурский обычай сцорпроба (этнографическое толкование этого слова таково: любовь между юношей и девушкой, которая не завершается супружеством). Корни этого обычая и его общественная функция по сей день покрыты тайной. Не случайно герой произведения — Георгий Валуев — полурусский, полугрузин. В этом сказывается «гносеологическая» позиция автора, пытающегося понять этот феномен. Григола Робакидзе — единственный среди грузинских писателей (пожалуй, и среди исследователей), смог проникнуть в экзистенциальную глубину взаимоотношений при сцорпроба: включенный в новеллу параллельный эпизод убийства как бы проясляет суть этого обычая: по мнению истинного хевсура, только трус убивает в поединке соперника. Точно так же только трус, т. е. не истинный хевсур, может перейти границу дозволенного при сцорпроба.

«Енгед» впервые был опубликован в 10—11 номерах журнала «Беди Картлиса» под рубрикой «Кавказские новеллы». Енгед — цвету-

щий оазис на западном берегу Мертвого моря, енгедские виноградники — метафорический образ возлюбленной в «Песне песней».

Почти в каждом номере «Литератури Сакартвело» читатель может найти рассказ или новеллу, зарисовку.

Известный грузинский поэт Мурман Лебанидзе предлагает отрывки из книги «Кое-что прозой» (1983—1987 гг.). Это рассказы-раздумья о жизни, о нравственных ценностях, о любви к отечеству.

Появившись после войны в одном из старых домов Тбилиси, дядя Сережа («Дядя Сережа» Датуны Мачавариани) сумел принести радость детям. И остался в их памяти на всю жизнь. В тот день, когда хоронили дядю Сережу, многие его питомцы, уже ставшие взрослыми, впервые осознали, что навсегда расстались с детством.

Казалось бы, будничная история — очередь в бакалейной. А сколько разных характеров и судеб! (Алекси Давитидзе «Старик и бакалейная»).

В новелле Реваза Мишвеладзе «Зловещий дым» рассказывается, как на медно-обогатительной фабрике поставили фильтровальные установки, выписанные из Японии, и что последовало за этим. С присущим ему юмором Реваз Мишвеладзе повествует об очень важном — о нашей бесхозяйственности, о том, как много времени тратим мы на ненужные сошествия.

Один день в жизни грузинского крестьянина особенный — в этот день все, от мала до велика, давят

виноград. С мягким, добрым чувством рисует Ваню Чхиквадзе («Артист») своего героя Матэ, его жену Нуду и гостя Ношрэ.

«Лара» Реваза Инанишвили — горькое повествование о том, как калечились людские судьбы. С этим рассказом русский читатель уже мог познакомиться, он опубликован в десятом номере «Литературной Грузии».

Лейтмотив другого рассказа Р. Инанишвили «Отшельник» — любовь к родине. В трудный для страны час даже отшельник, ушедший от мира сего, берет в руки оружие, дабы защитить свою честь и честь своей отчизны.

Вечно живая тема взаимоотношения отцов и детей в центре внимания рассказа писателя Бадри Чохонелидзе «Когда по Верэ ходили трамваи».

Ю. Трифонов говорил, что «человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщипнуть и вырезать и по нему определить многое». Слова эти прекрасно соотносятся с рассказом М. Элиозишвили «Моря, горы, братья...» Это рассказ о дружбе, рожденной в наши дни и не омраченной далекой исторической враждой между народностями, населяющими Кавказ.

«Кахетинское каприччио» Михо Мосулишвили — жанровые зарисовки из жизни кахетинских крестьян.

О поездке студентов в Бухару, Самарканд, Хиву, о случайной встрече, оставившей неизгладимый след в душе героя, повествуется в рассказе Ваню Шатберашвили «Машрик».

Рассказ Мананы Авалишвили «В субботу пойдет дождь» посвящен грузинской детской писательнице Екатерине Габашвили. Герой рассказа Мераб ищет свое место в жизни, нередко ошибается, но тот луч света, который проник в сознание и душу маленького Мераба благодаря книге Ек. Габашвили, живет в нем, и хочется верить, что выведет его на единственно верный путь в жизни.

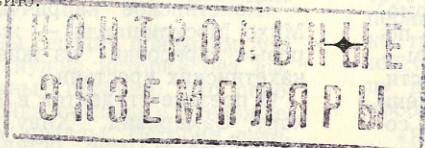
Вряд ли кого-нибудь оставил равнодушным фильм «Покаяние», сценарий которого создан на основе произведения Нодара Цулейшвили. В «Литературули Сакартвело» напечатаны две главы из романа («Гиена»). Сам автор рассказывает, что «в основу романа положен подлинный факт. В одной из мегрельских деревень ночью была раскопана свежая могила и труп брошен во двор. Мсть была жестокая, беспощадная, но таким образом было наказано зло. История эта передавалась из уст в уста, распространилась по всей Западной Грузии и стала своего рода уроком для последующих поколений: не совершай в жизни зла, чтоб после смерти тебя не вырыли из могилы». Произведение, свидетельствующее об активной позиции писателя, трогает сердце, зовет к действию.

Нельзя написать в прозе «Белеет парус одинокий» Лермонтова или стихи Тютчева, — говорил Илья Эренбург. И в самом деле трудно пересказать стихи, самые разные по форме и содержанию, яркие, отличающиеся богатым образным языком, и менее интересные. Однако хочется отметить, что в поэтической палитре летних номеров журналов «Мнатоби» и «Цискари», а также газеты «Литературули Сакартвело» превалирует женская поэзия.

Напечатаны также стихи Ираклия Абашидзе, Джансуга Чарквиани, Мориса Поцхишвили, Михаила Квливидзе, Эмзара Квитаишвили, Вахтанга Джавахадзе, Тэдо Бекишвили, Ладо Сулаберидзе, Теймураза Джангулашвили, Мамуки Циклаури, Вахтанга Харчилава, Гиви Алхазисвили, Гиви Дзнеладзе, Джарджи Пховели, Даида Мчедлури, Анзора Салуквадзе, а также молодых грузинских поэтов.

Говоря «о времени и о себе», поэты обращаются к самым разным темам, от сугубо публицистической — до лирической. «Грузии нужны наша любовь и крылья, покоряющие высоту» (Сосо Мачарашвили) — эти слова звучат лейтмотивом во многих стихах.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Сдано в набор 14.10.87 г. Подписано к печати 1.XII.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10828. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 000. Заказ 2490. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

780
15.XII 1987

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь),
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65к.

26-87

ИНДЕКС 781/7

87-789

ՀԵՏԵՐՈՂԱԿԱՆ
ՆՈՒՄՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

